

Пробег

18+

Рудковский Олег

Олег Анатольевич Рудковский

Пробег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69596263

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой человек, страдающий острым психозом, пытается разобраться в себе посредством спонтанных поездок за рулем в самые неожиданные места. То, что начиналось, как щекочущее нервы приключение, постепенно перерастает в драму, с сумасшедшими выходками на трассе и трагическими последствиями.

Содержание

600 миль.	5
570 миль.	9
540 миль.	28
510 миль.	36
480 миль.	58
450 миль.	75
420 миль.	81
390 миль.	85
360 миль.	90
330 миль.	94
300 миль.	115
270 миль.	126
240 миль.	134
210 миль.	140
180 миль.	141
150 миль.	151
120 миль.	157
90 миль.	163
60 миль.	164
30 миль.	173
0. 00	181

Олег Рудковский

Пробег

Повесть написана в эру кнопочных мобильных.

Посвящается «Окушке».

600 миль.

Я слышал о людях, которые разворачивались и искали другой путь, увидев на трассе мертвого ворона.

Некоторые принимают за дурную примету, если их подрезает женщина за рулем. Кое-кто даже выдумывает ответную систему действий, направленную на снятие порчи. Как это отражается на ничего не подозревающей автомобилистке, не могу знать.

Один человек считал камешки, что выстреливали из-под шин и дробно стучали по корпусу. Когда счет доходил до десяти (один Бог знает, откуда эта цифра, да и Он, наверное, не знает наверняка; вероятно, просто для ровного счета), человек останавливался и совершал какие-то пассы, типа омоновения (сам не видел, но знаю из достоверных источников). Рассказывают, что тип этот кончил тем, что огромный булыжник из-под самосвала раздербанил его лобовое стекло, а сам он, не справившись с управлением, вылетел в кювет.

Иные считают поездку в хлам неудавшейся, если не подцепят на обочине женщину. Ночами напролет они могут носиться по пригородным трассам, напряженно всматриваясь вперед, пока, наконец, не завидят на обочине обольстительную фигурку. Далее, как предполагается, следует акт, освящающий автомобиль и предрекающий ему долгую службу.

Кто-то всматривается в номера машин, прежде чем идти на обгон. Если он видит, к примеру, цифру 13, то пристраивается в хвост и ползет сзади, как ртуть, пока чувак впереди вконец не охренеет и не свернет к обочине.

Один человек мне рассказывал, что каждый раз, когда он замечал в просветах между деревьями какое-нибудь крупное животное (пусть тень, пусть фантом), всенепременно дальше по дороге он натыкался на аварию со смертельным исходом.

Упавший или сбитый знак воспринимается кем-то как возможная засада ГИБДД впереди на шоссе (как одно связано с другим, я могу предположить, конечно, но уж очень это изощренная связь).

Один мой знакомый начинал потеть и дергаться, если ему в хвост пристраивался автомобиль красного цвета (не исключено, что тот, сзади, всматривался в номерной знак, определяя, можно ли обгонять). Сам приятель ничем не мог объяснить своей фобии перед красными тачками. Удивительно, что если автомобиль шел навстречу, знакомый ничего подобного не испытывал.

Я знаю одновременно несколько людей, свято верящих в злое предначертание, если во время езды им кто-нибудь трижды сделает на мобильный телефон «еврейский звонок».

Один человек, если ему случалось сбиться с пути, никогда не выпрашивал дорогу у прохожих или в придорожных кафе. Он останавливался, вылезал из машины и делал «автостоп». Лишь у того, кто снисходил до его бед и рисковал при-

тормозить на знак вытянутой руки, он интересовался, как ему проехать туда-то и туда-то.

Истерика у маленького ребенка для некоторых – знак, что поездку лучше отложить.

Закончилась вода в дороге – знак, что лучше сворачивать и искать другой путь.

Пассажир с зонтиком в салоне – знак, что у машины есть неисправность, которая выявится именно во время этой поездки.

Неисправный светофор – знак, что дома ждут большие неприятности.

Многие люди (действительно многие) рассказывают о ночных трассах поразительные и жутковатые вещи. Кому-то кажется – и он искренне в это верит, попробуйте только посмеяться над его словами, – что ночью темнота начитает атаковать движущийся автомобиль, и чем выше скорость, тем плотнее подступает и липнет к стеклам ночь. Некоторые люди, в одиночестве жмушие на газ по ночной дороге, видели каких-то неразличимых, но злобных существ, не отстающих от машины ни на метр. Кто-то различал ночью под трассой пробуждающееся неведомое гудение. Он останавливался, выходил из машины, прикладывал ухо к земле и впрямь распознавал нечто, напоминающее наполовину зов, наполовину стон; и ему начинало мерещиться, что всю землю опутывает это странное гудение, раздаваясь из-под бесчисленного переплетения трасс. Некоторые, заночевав где-

нибудь на обочине и пробудившись ночью от шума, видели проплывающие мимо них автомобили неведомых конструкций с аморфными фигурами внутри; и потом, добравшись до дома, они штудировали все журналы, пытаясь отыскать эти странные модификации, и не находили их.

Однако ни разу мне не приходилось слышать об одном страхе. Я не слышал, чтобы кто-то боялся дорог, находясь дома в теплой постели. Чтобы боялся скорости, не садясь за руль. Чтобы боялся примет, не встречая их в реальности, а лишь зная о них понаслышке. Чтобы боялся автомобиля, разлученного с шофером.

Это моя фобия.

570 миль.

Я всех их знаю. Знаю наперечет все лица автомобилей. Знаю водителей, не будучи с ними в знакомстве. Я знаю дороги, мне знаком рев двигателей. Я чувствую каждую кочку, даже если она далеко впереди и вне зоны видимости. Я знаю, к примеру, что в моем родном городе всегда попадаешь на зеленый светофор, если держишь твердые 40 км/ч в новых районах, и 45 км/ч – в старых. Знаю также, что объездной путь – не всегда длиннее, главное, какую тактику езды ты выберешь. Знаю, что в час пополудни лучше не ехать на южную бензозаправку, а в 11 часов вечера – на восточную, – либо будет пересменка, либо длиннющая очередь машин у каждой колонки. Знаю также, что не дорожные приметы управляют людьми и машинами. Все как раз наоборот: люди придумывают себе приметы, чтобы чувствовать себя на трассе уверенней.

И все-таки я полный профан. Ведь все эти знания хрестоматийные, а в основе своей я ничего не знаю. Я не могу объяснить механику или природу тех или иных явлений, описанных выше.

Когда-то Марат Ибрагимов интересовался моим непредсказуемым поведением на дорогах. Ибрагимов – это мой шеф, ну, а я его водитель. На перекрестках, перед светофо-

рами, на поворотах или во время обгона – я не выбираю за-
года манеру вождения, она словно накладывается на меня
сверху в зависимости от ситуации.

– У тебя от настроения зависит или как?– спрашивал он.

«Или как». Что тут еще скажешь? Вот сейчас, к примеру,
вижу впереди «ауди». Задние стекла тонированы, так что са-
лон – словно черный омут. Идет на скорости 40 км/ч, ровно
и даже несколько вкрадчиво. Руку на отсечение дам, что за
рулем сидит женщина.

На перекрестке замигал правый поворотник. Я ползу сле-
дом, словно и не вижу его. Не знаю, как объяснить это чув-
ство. Наитие, предвидение – черт его знает! На дорогах все
иначе, и привычные метафоры не работают.

Слышу справа от себя недовольное шевеление.

– Обгони ты его, в конце концов,– проворчал Марат.

– Он сейчас передумает.

Машина вильнула в самый последний момент, правый по-
воротник сменился левым. Учитывая то, что тонированная
«ауди» уже заваливалась налево, операция с поворотником
выглядела явно припоздалой.

Я ощутил на себе короткий взгляд шефа. Не знаю, что в
нем сквозило, поскольку был поглощен дорогой. Он не стал
задавать вопросов, типа, откуда я узнал, и я был ему благо-
дарен. Ведь в основе своей я ничего не знаю, и уже на этом
можно ставить точку. Я не могу объяснить природу вещей и
явлений.

А вообще, сегодня с утра он не в духе, мой начальник. Провозив Марата два года, я уже начал улавливать его настроение, как я почувствовал настроение впереди ползущей «ауди». Я подвизался быть водителем Марата после того, как уволился из службы такси с треском и ором. Ночные поездки с подвыпившими типами, на миг вылезаящими из бутылки чтобы залезть в новую, с девицами, что липнут к тебе или стрекочат без умолку, встали мне поперек горла. Ночью я люблю принадлежать себе. Впрочем, это как поглядеть...

Короче, работа устраивает меня вполне. Начальник – тоже. График работы приемлемый. Получается, я счастливый человек. Вот только мчась ночью по трассе, я частенько остро ощущаю, что мне чего-то не хватает.

Итак, не в духе. Видал я мрачного Ибрагимова на своем веку, но чтоб до такой степени... Исколесив бок о бок тысячи километров, мы не могли не прийти с Маратом к почти приятельским отношениям. Только все дело в слове «почти». Мы могли болтать о чем угодно, но – отвлеченно. Эту границу не старались преодолеть ни он, ни тем более я. Иными словами, Марат Ибрагимов понятия не имел, чем живет во внерабочее время Роман Середа, то есть я.

В общем, я не стал открывать рта, когда утром он уселся в машину, создав реальное ощущение, будто в салон вползла туча. Привычно завел мотор, задал служебному БМВ направление в сторону банка, о чем было оговорено еще накануне.

Марат молчал. Я тоже. Он меня не поприветствовал даже, ну, и я не стал. Подумаешь, цаца выискался, сидит тут, злобится. А если серьезно, то в некоторых случаях действительно умнее промолчать.

Справа на скорости приблизительно 65 км/ч меня обошла «Газель». Едва я заметил на задней дверце автомобиля желтую улыбающуюся рожицу, как моя нога машинально переместилась с газа на тормоз. Знаем, встречали. Если к машине вкуче с шофером можно отнести термин «скандалист», то это он и есть. То ли мне постоянно везло, то ли как, да только я уже задолбался на него натекаться. Обгон справа – рядовая выходка; этот тип за рулем почему-то обожает обходить справа, а не слева, как принято у цивилизованных шоферов во всех странах с правосторонним движением. Как-то раз, проезжая по одной из центральных улиц, я наблюдал такую занимательную сценку: водитель «Газели» с желтой рожицей стоит возле своей колымаги, замахиваясь каким-то железным обрубком на другого шофера, который тоже с «Газелью», но без рожиц и других опознавательных прибабасов. Между двумя братьями по авто дергалась припадочная девчушка, стараясь урезонить обоих. Финал остался за кадром, поскольку сзади на меня напирали, и тормознуть, чтобы насладиться зрелищем, не получилось.

Достигнув здания банка, я высмотрел свободный участок в машинном безумии, нырнул в него и благополучно припарковался на стоянке. Все так же молча Марат вышел из

машины. Вскоре я увидел его коренастую фигуру, исчезающую в дверях здания.

Я закурил, вяло оглядывая громоздящиеся тут и там машины и дефилирующих людей. Зимой с этим проще. Зимой многие автомобили впадают в спячку. Теперь же, в летний период, улицы набиты народом и техникой. Я вдруг впервые задумался над тем, что в наше время совершенно противоположные сферы начинают претерпевать взаимопроникновение. В былые времена закон был строг: для автомобилей – дороги, для пешеходов – тротуар. Теперь все пошло вразнотык. От нехватки свободных мест машины заползли на газоны и тротуары, ставились на ночь впритык к подъездным дверям. А сколько раз по ночам я наблюдал, как гуляющая молодежь располагается прямо на дорожных бордюрах (замечу, что в таких случаях желательнее навостриться, поскольку иному обормоту может прийти идея забомбардировать проезжающий автомобиль пустыми бутылками).

Настанет ли когда-нибудь апогей этому взаимному проникновению? И как он будет выглядеть? Машин становится больше и больше с каждым годом, они плодятся, как люди, с ужасающей прогрессией. Трассы не успевают расширяться, и люди давно уже смирились с тем, что, выходя из подъезда, им приходится лавировать между стоящих впритирку тачек, ожидающих своих хозяев.

Мой экскурс в философию прервал Марат, плюхнувшийся на сиденье рядом. Краем глаза я отметил, что вылазка в

банк не придала ему бодрости. Интересно, какие проблемы его терзают – рабочие или личные? Я привычно положил руку на ключ зажигания, ожидая предписаний.

– Нужно съездить в Ишимбай, – негромко обронил шеф.

Я немного удивился, но лишь чуть-чуть. «С децл», как это говорят в народе. Ишимбай – городок, расположенный по соседству с нашим городом, имеет официальный и многолетний статус. При этом изустно идут постоянные споры по поводу того, к какой категории его относить – городской или сельской. Спорят, как правило, люди, имеющие совершенно далекое представление о реальном положении дел, которые никогда не были в центре Ишимбая ночью, скажем, часа в два. Я был. По разгульности этот малютка может дать фору многим мегаполисам.

Ладно, рванем туда. Дела есть дела, а кто такой Роман Середа, чтобы кобениться. Как вы уже поняли, дороги – моя стихия. Мне все равно куда, лишь бы куда-нибудь.

– Стартуем сейчас? – уточнил я.

– Прямо сейчас.

Мы попетляли по улицам в полном молчании; если бы не шум двигателя, молчание наше было бы гробовым. Солнце палило немилосердно, и я включил в салоне кондиционер, хотя Марат и не просил. Судя по его виду, он и не замечает сейчас ни жары, ни прохлады. А когда мы, наконец, оказались на загородной трассе, Марат Ибрагимов нарушил молчание.

– Роман, сколько ты уже за рулем?

Я не ожидал такого вопроса и принужденно рассмеялся.

– Сколько? Всю жизнь.

– С малых лет?

Ответил я уже вполне серьезно:

– С пяти.

Вновь Марат посмотрел на меня прямо. Быть может, в его глазах мелькнуло удивление? Или неверие? Я не особо хотел вникать. Когда речь заходила о дорогах, я становился серьезным и искренним, словно рассказывал кому-то о любимой женщине.

– В пять лет отец впервые посадил меня за руль, – пояснил я. – Мое самое яркое воспоминание детства – машина. Я сидел у отца на коленях, он нажимал на педали, я крутил баранку. Скоро мне этого стало мало. Я вел машину почти стоя, потому что не доставал до педалей с сиденья. Насколько я помню из рассказов родителей, когда они были еще живы, я в детстве был сносным. Не то чтобы прилежным, но сносным. Все менялось, когда возникал запрет на вождение, а возникал он частенько, – ну, надо полагать. – Я пожал плечами. – Наверное, я орал и визжал как поросенок, не помню уже, но факт есть факт: отец смирился. У него было много знакомств, в том числе в автошколе, тогда, насколько я помню, у нас в городе их было не то две, не то вообще одна. Иногда он брал там машину с параллельными педалями, и мы колесили по автопарку. – Я помолчал. – В десять лет я легко

управлял машиной на трассах. Там, где мы точно знали, что не будет ментов, отец разрешал мне рулить.

Я замолк. Я приоткрыл вершину айсберга, рассказав Марату немного из моего прошлого, достаточно для него, по моему разумению. Но сам я вспомнил куда больше. Вспомнил, как однажды ночью, когда мне было 14 лет, отца хватил инсульт. Телефона у нас в доме не было, соседи по ночам не спешат откликаться на звонки в дверь, а бежать до ближайшей телефонной будки – терять решающие минуты. Кое-как вдвоем с матерью мы выволокли бессознательного отца из дома, уложили в машину на заднее сиденье, я сел за руль и рванул. К больнице я подъехал уже с эскортом, поскольку летел как психопат, кое-где даже на красный свет, и за мной увязались два милицейских «уазика». А потом, когда ситуация прояснилась, они не только не стали делать мне административное взыскание. Меня посадили в «уазик», один из ментов сел за руль нашей машины, и они отвезли меня домой – притихшего и разбитого, знающего уже, что мой сумасшедший форсаж не помог, и отец скончался. После этого, какие бы гадости ни говорили про ментов, перед глазами встает та картина пятнадцатилетней давности.

Я вспомнил, как мать попросила знакомых отогнать машину в гараж, категорически запретив мне даже вспоминать про нее, пока у меня нет прав. Вспомнил, как ровно через месяц после установленного табу, когда мать была в деревне, я отыскал дома ключи от гаража и выгнал машину, что-

бы покатасть подружку. Дело обошлось без происшествий и погонь, и подружка смотрела на меня сияющими глазами, и девственность я потерял именно с ней, и автомобиль же был причиной нашего разрыва. Только не мой автомобиль, а другой, который был пьян и вылетел из-за угла, размазав мою первую любовь по асфальту на глазах ее младшей сестренки. Я вспомнил об этом, и сам поразился, как быстро и надолго я обо всем этом забыл.

Вспомнил я и о том, как остро встал вопрос о продаже автомобиля, поскольку мне нужно было образование, а образование уже в те времена стало платным. Помню, как поставил матери не совсем честный ультиматум, что если она все-таки продаст машину, то учиться я все равно не буду, да к тому же еще напишу заявление, чтобы меня призвали служить в Чечню. Я выбрал автомобиль, пожертвовав образованием.

Я вспомнил, как после похорон матери напился в дымину и сел за руль. Как жал на газ, пока не протрезвел, а потом, очнувшись, долго гадал, где я, куда это меня занесло. Помню, как после этого дал себе зарок: никогда не садиться за руль выпивши. Сей зарок я чту по сей день.

– И тебе никогда не надоедает?– внезапно спросил Марат, и я, вынырнув из глубин памяти, уловил в его голосе любопытство.

Я незаметно вздохнул. Что я мог сказать ему – сейчас, когда мне тридцать, и 25 лет из них я за рулем? Что само слово «надоедает» настолько неприменимо ко мне, как бантик

к крокодилу? Что, оставшись один на один с трассой, я теряю ощущение времени? Что у меня в загашнике есть карта республики, и порой я с закрытыми глазами тычу пальцем в эту карту, выбирая место, куда ехать, а потом мчусь туда с единственной целью: ехать, ехать и ехать? Что частенько по ночам я посещаю незнакомые города, езжу по улицам, наблюдая за ночной жизнью, а иногда... знакомлюсь с кем-то. Что прожив день, не отмахав по меньшей мере километров 30, я вскакиваю по ночам от каких-то бессвязных кошмаров, а мои руки сжимаются в кулаки, словно я ищу несуществующий руль?

Я ответил:

– Нет.

И это слово прозвучало пресно и деревянно.

Марат Ибрагимов замолчал. Мне пришла в голову мысль, что всю дорогу он бродит вокруг да около. Я не допытывался. Если он, образно говоря, полезет за забор, это его выбор. Если нет – я тоже не буду прорубать лазейку. Иногда (а точнее – в большинстве случаев) гораздо полезнее оставить чужую душу в потемках, даже если она рвется на свет, а ты – свидетель.

Он спросил:

– А ты никогда не задумывался, что каждая машина может иметь что-то вроде души?

– У каждой машины точно свой нор, как у коней, – ответил я без запинки. – Ну, а нор – наверное, составляю-

щая души. Черт его знает... Многие писатели воплощали эту идею. Опять же, характер хозяина тоже накладывает свой отпечаток.

– Но как ты сам считаешь, – неожиданно надавил Марат, и я на секунду осекся. Во-первых, я не привык к таким вопросам с его стороны. А во-вторых, мне нужно было ответить более или менее здраво, чтобы не прослыть в его глазах шизиком и не ловить потом месяц на себе его косые взгляды. Да уж, занесло Марата... Никогда бы не подумал, что буду вдаваться с ним в метафизику.

– Может, если машине дать полную свободу, она действительно оживет, – глухо проронил я.

Я ожидал вопросов. Их не было. Марат вновь насупился, и я понял, что тема закрыта. А вскоре мы миновали знак, оповещающий, что мы внутри городской черты.

– Нам в частный сектор, – проронил Марат однажды, после чего вновь надолго замолк. Мне можно было не объяснять, где это. Если в дальних городах я ориентировался наобум, то близлежащие, особенно эту малюську, знал назубок. Меня всегда поражала одна вещь: приехав из своего города в Ишимбай, я испытывал потрясение от обилия красивых, цветущих девчонок. Словно и не были наши два населенных пункта городами-братьями. Словно и не разделяла их дорога длиной каких-то два десятка километров. По возвращении оттуда я в первые часы воспринимал наших родных девушек как драных кошек. Хотя, возможно, это просто эффект но-

визны. Иной город, и девушки там, само собой, другие. Они и не лучше вовсе, просто другие, но для мужчины, который в основе своей самец, разнообразие есть эквивалент красоты.

Знакомых девчонок в этом городе у меня не было, а потому все мои рассуждения прошу считать умозрительными.

Марат назвал мне номер дома, который был нам нужен, точнее, не нам – ему. Еще издали я заметил какое-то непонятное скопище машин, преимущественно иномарок, и сердце кольнуло предчувствие, что это и есть наша конечная цель. Так оно и вышло. Марат оставил меня теряться в догадках, зачем мы здесь и по какому поводу автомобильный ажиотаж.

Я вновь закурил, вновь предался созерцанию. Люди стояли узкими группами по три-четыре человека возле своих машин, где БМВ Марата приходился ко двору. Ибрагимов пожал руки некоторым людям, даже обменялся с ними какими-то репликами, хотя мне со своего места было видно, что изнутри его сжигает нетерпение.

Он направился к дверям, что располагались сбоку от широких ворот. И дверь, и ворота были наглухо закрыты, но не успел Марат дойти, как калитка отворилась, и на минуту я увидел женщину неземной красоты, так что даже перехватило дыхание. У нее были светлые волосы, она была какой-то невесомой, почти сказочной, а в моей голове истошно заколотил набат: Блондинка! Это же Блондинка!

Разумеется, женщина, которую я видел, не могла быть мо-

ей Блондинкой. Моя Блондинка в Уфе, а это Ишимбай как-никак, и хотя от этой сумасбродной девицы можно ожидать всего, вряд ли она стала бы покупать себе дом здесь. Да и разный полет у этих птиц. Хоть Ибрагимов и владелец мебельной фирмы, куда ему до Блондинки, а в особенности до ее семьи!

Я увидел, как Марат нежно, по-отечески приобнял светловолосую женщину, а потом я уже ничего не видел, поскольку оба они скрылись за дверью.

Я поежился. Не знаю, от чего. Оглядел фасад дома, что высился за забором. Солидный дом, добротный. Вот только сейчас от фасада, от людей, толпящихся у ворот, от этого скопища машин разило какой-то трагедией. Как разило ею от лица светловолосой женщины, а точнее, от следов невысохших слез на нем.

Наверное, поэтому я поежился. А может, вероятность того, что Блондинка может быть близко, почти рядом... Ладно, об этом пока рано.

Я покурил, помаялся от безделья, покурил вдругорядь. Смертельно хотелось включить что-нибудь, типа музыки или радио. Да только не было ничего: Марат Ибрагимов не переваривал посторонних звуков в салоне, тем более музыки. У каждого свои причуды и бзики. Я человек лояльный, но порой я людей просто не понимаю.

Марат вернулся минут через тридцать. Сел справа от меня. Я ждал. Интуиция подсказывала, что ехать никуда не

нужно.

– Мой друг звонил мне два дня назад,– резко сказал Марат. Я слушал, затаив дыхание, нервно подергивая связку ключей зажигания.– Пьяный в хлам. Мы поболтали, вернее, болтал, конечно, он. Потом он понес какой-то бред про души в машинах. Мол, он типа заметил, что в его машине есть некая душа, и она живая. Машина, в смысле. Что-то такое, остальное я не разобрал. Я посмеялся немного. Он стал возникать. Я психанул. Он тоже. Я знал, что он проспится и утром даже не вспомнит, что звонил мне. Ну и я бы не стал напоминать, с кем не бывает. Той же ночью он разбился. Сел за руль пьяный, столкнулся с «КАМАЗом». Сплющило в блин. Может, он хотел доказать, что в его машине реально есть душа. Может, это я его раззадорил. Хрень какая-то, не знаю...

Он замолк, и целую долгую минуту мы сидели в молчании. Его слова были резки, но без эмоций, и я знал, что свою боль он просто увязал в кулак и похоронил навеки, как скоро он похоронит своего друга. Заметив, что продолжаю нервно звякать ключами, я заставил себя прекратить.

– Стоит ли себя винить,– промямлил я, понятия не имея, что сказать. Я был твердо уверен лишь в одном: все мои слова Марату нахрен не нужны. Но и молчать, как он, я не мог.– Он мог поехать и до того, как решил позвонить...

– Видел женщину, которая меня встретила?– Оборвал меня Марат. Я кивнул. Еще бы. Я ее видел. Я не только ее ви-

дел, но даже на миг подумал, что это и есть Блондинка.— Это его жена. Можешь хотя бы представить, где он с ней познакомился?

Что-то торкнуло меня. Как утром я почувствовал, что «ауди», ехавшая впереди, резко сменит направление, так и сейчас я знал ответ. Дай я себе секунду на раздумья, я бы промолчал и просто бы отрицательно мотнул головой, испугавшись смелой гипотезы. Но слово вылетело само собой, точно за меня его произнес кто-то,— точно так же ведешь себя на дороге в минуту критической опасности.

— На трассе.

Марат окаменел. Я даже пожалел, что слово вырвалось, а когда его рука вцепилась в лоб, а весь он напрягся, словно готовился взорваться изнутри, я пожалел пуще, и мне даже стало страшновато. Но длилось это одно мгновение. Марат стал самим собой, призвав волю и заставив себя расслабиться.

— Да, я не ошибся в тебе...— буркнул он. Вновь томительная пауза. Вновь рука тянется к связке ключей, что торчит из замка зажигания. Я одернул руку.— Она встречалась с парнем почти месяц. Он ее не трогал даже, дарил цветы и прочее. Потом пригласил ее на автопрогулку за город. Остановился на обочине, стал рвать ее одежду. Она отбрыкивалась, как могла. В конце концов, то ли она оказалась более стойкой, чем он ожидал, то ли ему просто надоело, он сдался. Только надавал затрещин, вышвырнул из машины и уехал. Дело

было ночью.

Я представил эту красавицу-лебедь одну на ночной трассе и вторично поежился. Но история меня не ужаснула до дрожи, отнюдь. Вы уже поняли, что мой круг знакомств в сфере автомобилистов широк и богат. Знал я истории ужаснее. Что-то такое кроется в дорогах и автомобилях, возможно, не зря церковники когда-то называли машину дьявольским изобретением. Заметьте также, что с приходом в наш мир автомобилей умножилась и преступность, даже не столько умножилась, сколько изощрилась. Когда в прошлом из фаэтонов или кэбов выбрасывали окровавленных девушек – такие случаи были единичны. Теперь это происходит едва ли не поминутно. Одну девушку истязали в машине четыре дня, возя ее из города в город. В конце концов она стала настолько изможденной, что ее даже не насиловали, напротив было, просто издевались. Потом возле какого-то крутого обрыва решили проверить, выживет ли она, если ее сбросить вниз. Выжила. Ей бы притихнуть и притвориться мертвой, да только она уже ничего не соображала, стала звать на помощь слабеньким голоском. Тогда изверги решили выяснить, кому из них можно присудить звание «меткий глаз», и стали швырять в нее камнями. Выжила и тогда. Она вообще выжила, поскольку кретинам надоело, и они уехали. Выжила, да только впала в апатию. Говорят, она смотрит в одну точку и сейчас.

А мучители живут. Живут и здравствуют, колесят по до-

рогам, кое-где подбирая на обочинах молоденьких девушек.

Что-то есть в дорогах. Нечто дьявольское, и если внутри тебя гнездятся страсти или пороки, они выплывут на поверхность, доведись тебе выехать на трассу.

– Друг возвращался домой из командировки, – продолжил Марат. – Увидел, как она плетется по обочине. Притормозил, предложил свою помощь. А она шла, как в тумане, даже не слышала его. Он вышел и с силой затолкал ее в машину, а она забилась в истерике, ничего не соображала. Он привез ее к себе домой. Отмыл, отогрел. Подробностей не знаю, да и знать не хочу. Никто не верил, что это надолго, а он возьми и женись на ней.

Новая машина подкатила к уже стоящим здесь. Синий «Лексус», из которого вышли мужчина и женщина лет сорока. Марат провожал их взглядом, пока они не скрылись за калиткой. Знал он их или не знал – по его лицу вообще было трудно что-либо понять.

– С той самой ночи друг помешался. На дорогах, на машинах. Ему нужно было постоянно ездить, а если он не ездил, – в жизни всякое случалось, – начинал со всеми собачиться. Я думаю, что отними у него автомобиль, он умер бы раньше. Если есть такой диагноз – патологический автомобилист, – то это для него.

От этих слов – патологический автомобилист – живот у меня скрутило. Я весь подобрался. Я уже открыл рот, чтобы задать ему вопрос. Я хотел спросить: а знал ли этот его това-

рищ про «Сеть»? Если он болел дорогами, как говорит Марат, если езда охватила его всецело, что даже смерть он принял на трассе, он должен был знать, как должен был он знать и о том, что есть в дорогах что-то дьявольское, что толкает человека на путь порока.

Я промолчал, захлопнул рот, как и открыл. Что-то помешало мне, и слава Богу. Вряд ли этот погибший человек раскрывал свои тайны даже жене, тем более не раскрывал он их друзьям. Сейчас не стоит болтать лишнего, а самое лучшее – вовсе не болтать. Человека уже нет. Не удивлюсь, если все его состояние перешло к этой светловолосой красавице. Со временем она успокоится, даже, быть может, полюбит кого-нибудь. А ее мужа уже не вернешь.

– Мы решили ставить памятник там, где он погиб, – сказал Марат. – А сегодня его похороны. Ты не против поучаствовать?

Я был не против. А потом, особым выбором я не располагал: я уже здесь, и Марат здесь, он друг погибшего, стало быть, друг вдовы. Будем плестись в похоронной колонне, хотя никогда я не приходил в восторг от таких вещей. По мне, так лучше доверить панихиду людям со стороны, а самому вспоминать об умершем лишь наедине с собой.

Я не знал тогда, что очень скоро буду косвенно причастен к возведению самого величественного мемориала у края дороги, посвященного погибшему человеку. Тем более не мог знать я и того, что буду прямым виновником самой длинной

поминальной процессии в истории мира.

540 миль.

Блондинку знали все. Все, кто так или иначе был причастен к «Сети», был членом этой виртуальной секты (или ордена) в духе современности. Саму «Сеть» придумали не мы, ее изобрели программисты сотовых служб. Информационная служба МТС, к примеру, тоже имеет свою сеть, внутри которой их еще четыре, по основным склонностям людей: дружба, флирт, брак, бизнес. Один мой приятель как-то попробовал пофлиртовать через сеть, и был просто ошарашен: он словно бы обнаружил еще один мир внутри нашего, реального мира. Люди общались, знакомились, обменивались фото через мобильную сеть; более того, они колесили из города в город, спеша друг к другу в гости, порой задерживались в гостях надолго. Сам приятель таким образом посетил все города Башкирии, причем посетил с размахом и пользой, поскольку знакомился, конечно же, с девицами. Любая сеть затягивает, уж поверьте мне, хоть это-то я знаю. И страсть зачастую – порождение банального любопытства.

В силу конкуренции, а также разнообразия сотовых служб, услуги для абонентов получили расширение. Когда к нам пришла мобильная сеть АТВ+, то помимо прочих услуг она предоставляла возможность контакта по интересам.

Можно сказать, что именно Блондинка сделала меня чле-

ном «Сети». Поначалу я вообще не придавал значения информации об услугах, пользовался мобильником по прямому назначению – звонил. Ради любопытства отослал свою анкету с пометкой в графе интересов – «Авто», – придумав себе логин – «Муха» (не спрашивайте, почему, сам не знаю). Не знал я в то время и того, что любопытство часто перерастает в страсть. Отослал анкету, а через минуту уже и не помнил об этом: благо дело, адреналина хватало и без соучастия со-товых служб.

А в один прекрасный день на табло мобильника высветился конверт. Пришло сообщение. Я открыл его и прочитал:

Блондинка: Привет! Как трасса?

Откуда она узнала, что в тот момент я был за рулем, уже потом спрашивал я себя. Интуиция, наитие – впрочем, это все не те метафоры. Сейчас я уже не болею такими вопросами, они воспринимаются мной как само собой разумеющееся, но тогда я еще сохранял в себе остатки удивления, быть может, даже наивности какой-то. Продолжая одной рукой держать руль, я кое-как настроил ответ.

<Муха>: Привет. А ты кто?

<Блондинка>: Я Блондинка.

<Муха>: А откуда ты?

<Блондинка>: Вообще из Уфы. Но сейчас пишу из Мелезовского района.

<Муха>: А чего ты там делаешь?!

<Блондинка>: ЕДУ!!!

Уже позже, путем длительной переписки, я узнал, что ей 22 года, что, подобно мне, она – патологическая автомобилистка, выражаясь словами Ибрагимова. Что, в отличие от меня, у нее абсолютно свободный полет, поскольку ее отец – какой-то нефтяной туз в Уфе, и не жалеет лишней копейки для дочери. Что ей не нужно заботиться о пище и квадратных метрах жилья, и бесчисленные дороги республики – в ее полном распоряжении, как в полном ее распоряжении бензин Башкирнефтепродукта. Что она может колесить бесконечно, до умопомрачения, прерываясь лишь на еду, сон, ну, может быть, секс (интимную область мы никогда не затрагивали, она всегда держала ее под замком, но, в конце концов, она молодая девка). Что у нее есть родной брат-автогонщик, который зарегистрирован в «Сети» под логином Пуля – с ним я тоже начал общаться впоследствии.

Все это я узнал спустя время. А тогда я притормозил у обочины, заглушил двигатель и сконцентрировался на мобильнике. Стояла ночь. Повсюду меня окружала тьма, и если она липла к стеклам, как думают некоторые, то я этого не замечал. Изредка меня окатывал сноп света проносящихся мимо машин. Тем более удивительным казалась прозорливость Блондинки: ночью люди как правило спят, а не носятся по трассам.

Я взглянул на табло телефона и увидел очередное сообщение.

<Блондинка>: Остановилась, чтобы пообщаться.

<Муха>: Аналогично.

<Блондинка>: У тебя какая машина?

<Муха>: «Девятка». А у тебя?

<Блондинка>: «Ситроен».

<Муха>: А какая модель?

<Блондинка>: Xsara.

У меня перехватило дыхание. Машина-сказка – элегантная, утонченная, изысканная. В свое время Xsara наделала много шума, составив конкуренцию «Фольксваген Гольф» и «Опель Астра». Меня лично обошло счастье сидеть за рулем автолегенды, впрочем, как обошло меня наслаждение вести, скажем, «джип» или «хаммер». Модель не особо дорогая в ценовом рейтинге иномарок, но для меня... В общем, если бы я продал свою двухкомнатную квартиру, что перешла ко мне от родителей, я мог бы рассчитывать самое большее на 50-процентный взнос.

<Муха>: Попробую угадать: красного цвета?

<Блондинка>: А ты мне начинаешь нравиться. Точно!

<Муха>: И куда держишь путь?

<Блондинка>: На окраины.

Я не вполне понял, что она имеет в виду, но потом подумал, что, должно быть, она говорит о границах Башкирии. Молодая девушка ночью на трассе, в сотнях километрах от родного города... Не ожидал встретить такую. Вообще не думал, что такие девушки есть.

<Муха>: И часто ты это делаешь?

<Блондинка>: Рядовой забег. Скука...

Меня подмывало предложить ей встретиться где-нибудь на межгородском отрезке. Мелеузовский район – мой город как раз между ним и Уфой, так что на обратном пути она не может не проехать мимо (я так думал тогда, еще не зная взбалмошный характер девушки). Завтра, конечно, на работу, и Ибрагимов будет эксплуатировать весь день, – но плевать. Картина блондинки на красной Xsare возбудила мои нервы до предела.

И вновь – чутье, интуиция или что-то там. Это что-то подсказало мне, что не стоит даже пытаться. Пока, а быть может, – и никогда. Подобным предложением я только все испорчу, девушка сгинет, и мне ее больше не найти. А потом, блондинка блондинке рознь. С чего я взял, что она красавица? Знакомство через сеть чревато тем, что раскрывает натуру, но прячет внешность, а зачастую случается так, что Бог награждает одним в ущерб другому.

<Блондинка>: А какой ты?

Девушка есть девушка, не важно, заядлая она автомобилистка или домашняя клуша. Повторюсь, что я не знал тогда о крепкой связи любопытства со страстью, а если бы даже и знал, то не сказал бы. Я подумал немного, как себя аттестовать. Признаться, на время я был поставлен в тупик.

<Муха>: У меня рост метр восемьдесят. Вес – понятия не имею. Брюнет. Некоторые девушки говорят, что я привлекательный, некоторые воротят нос. Короче, я обычный парень,

каких полно. А ты?

<Блондинка>: Волосы светлые, глаза карие. Высокая, стройная. А в целом – тоже обычная.

Да уж, оба описания подходят к миллионам парней и девчонок. Но по сути я не стремился вызнать подробности ее внешности. Гораздо интереснее было представлять.

<Муха>: И много знакомств через «Сеть»?

<Блондинка>: А ты что, с нами недавно?

<Муха>: Недели две. Ты моя первая знакомая.

<Блондинка>: Тогда понятно... Нас много. Нас очень много.

Так все закрутилось. Их действительно оказалось много, и я не обинуясь стал членом виртуального ордена. «Сеть» опутывала не только Башкирию, но и все регионы, где действовала служба АТВ+, хотя по большей части общение было локальным. Вскорости я понял, что реальные контакты членов «Сети» случаются редко: не то чтобы это считалось дурным тоном или кто-то установил запрет, просто так повелось. Собственно, я не слышал, чтобы кто-то из абонентов встречался, если и были такие случаи, то шли они как исключения из общего правила. Более того, мы не знали имен друг друга, только логины. Несмотря на то, что Блондинка была моей первой знакомой, а по прошествии года стала близким другом, едва ли не соратником (виртуальным), я по сей день не знал ее имени, как она не знала моего.

Ну а логины попадались самые разнообразные. Там бы-

ли Мотор, Птица, Дракон, Труба, Свин (вот на кого не отказался бы поглядеть), Тосол, Рефрижератор, Осколок, Лада; встречались и вовсе нелогичные, типа Камень или М.Еж (надо полагать, Морской Еж). Был среди нас некто с логином ПозМен, и я долгое время считал, что это какой-то навороченный (поз) парень (мен), пока Блондинка не раскрыла мне, что вообще-то это девушка, а логин – сокращение от Позор Ментам. С некоторыми из абонентов у меня установилась крепкая мобильная связь, с другими я ограничивался двумя-тремя sms-ками. И на протяжении моего путешествия по «Сети» моей верной подругой (можно сказать – поводырем) оставалась Блондинка.

В основном, внутри «Сети» имели место приколы, поздравления и комплименты. Но не всегда. Мы сообщали друг другу об открытии в разных городах новых клубов, ресторанов или дискотек. Если я хотел узнать, почему сегодня в Уфе джинсы, стоило лишь набрать соответствующее сообщение, и уже через минуту я обладал самой полноценной информацией. Парни частенько уведомляли, где на данный момент толкуются на обочине девчонки в поисках приключений. Мы узнавали об авариях на дорогах, находясь в другом конце региона. Мы предупреждали друг друга о засадах ГИБДД на трассах. Мы выручали заблудившихся шоферов, подсказывая им путь, и распространяли информацию о симпатичных местечках, где можно летом устроить замечательный пикник.

Думаю, не нужно объяснять, почему я, имея сотни знакомств в «Сети», ни словом не затрагивал эту тему в реальной жизни. Почему промолчал, когда Марат Ибрагимов рассказывал о погибшем друге и о предшествующих трагедии обстоятельствах. Информация – сила, мы все ею обладали, а силой никто не спешит делиться. Ничего не мешает тебе отправить свою анкету в сеть, чтобы стать ее членом. Ну а раз ты этого до сих пор не сделал, то быть тебе пешеходом, даже если у тебя автомобиля два.

А еще порой мне кажется, что среди нас есть сотрудники ДПС.

510 миль.

После похорон Марат Ибрагимов отпустил меня до завтра. Я отвез шефа домой, потом отогнал БМВ в служебный гараж, пересел в свою родную «девятку», которую днем оставлял здесь же. Шел четвертый час дня. Я знал, что не стану возвращаться домой. У меня давно вошло в привычку прибывать к дому не раньше трех ночи, и некоторые соседи-полуночники преклонного возраста, кемарившие на балконах, изнывая от бессонницы, всерьез интересовались, сплю ли я вообще когда-нибудь. Я мог бы ответить им, что если в твоих венах непрерывно кипит адреналин, сон сметает рукой, тебе достаточно двух-трех часов; а потом ты вскакиваешь, как по зову сирены, чувствуя себя бодрым и готовым к дальнейшим приключениям. Я мог бы, да, но отделивался усмешками, зная, что такой ответ может расцениваться двояко.

Перекусил я на территории автовокзала. Здесь имеется одна из более или менее удобоваримых закусовых – киоск, торгующий пирожками; приобретая здесь снедь, ты можешь хотя бы рассчитывать, что она не недельной давности в разогретом виде и приготовлена не из привокзальной собаки. Я жевал беляши, запивал их кофе, сидя в салоне машины. Дурная привычка, не спорю: в погоне за временем я уже почти

перестал питаться дома. А человека, который бы меня пожурил, не было: родители умерли, а девушка... впрочем, эта тема отдельная.

Я двинулся к выезду из города, вяло наблюдая, как на встречу мне по левой полосе ползет поток машин. Салон наполняли ритмичные звуки музыки. Было время, когда я слушал все без разбора – было бы что послушать. Главное – фон, а что звучит – до лампочки, и с этой стороны я в упор не понимал Ибрагимова, ненавидящего музыку в машине. А потом, общаясь как-то с Пулей, братом Блондинки, я завел речь о музыке, и тот посоветовал мне купить трансовые композиции. Я попробовал, мне было любопытно, и любопытство переросло в страсть, как это часто происходит у людей. Я подсел на «транс», и больше не мыслю в машине ничего иного.

Оказавшись за городом, я не стал давить на газ – продолжал ехать вразвалку. Сегодняшние похороны, исповедь Марата Ибрагимова, – все это подействовало угнетающе. Я ведь не маниакальный гонщик. Моя страсть не скорость, а дороги. Может, потому-то я и выбрал себе такой логин, что иногда просто ползу по трассе, как разморенная солнцем муха.

Впереди – развилка. Мимо меня пронесся рейсовый автобус, сонные пассажиры без выражения оглядели меня сверху. Я не раздумывал, какой путь выбрать: сегодня я уже был на этой дороге, и мы с Маратом свернули направо, а потому мне не было смысла впрягаться в одну колею два раза, и я

миновал указатель с надписью «Ишимбай 8», а также мемориал, являющийся для автомобилистов аналогом надгробия. Нехорошее место, кровавое. Здесь два года назад схлестнулись одновременно три легковые машины и грузовик. Погибли все, за исключением самого виновника, водителя грузовика, что выруливал из Ишимбая и не уступил дорогу, как того требовал знак. Погибла также маленькая девочка; абонент с логином Слон был свидетелем катастрофы. Когда машины столкнулись, то одну из них, сейчас я уже не помню модель, разорвало на части; оторванная рука маленькой девочки описала в воздухе дугу и шлепнулась на ветровое стекло Слона. Блондинка говорила, что после этого Слон на месяц канул в небытие. Вероятно, боялся сесть за руль.

Я приблизился к железнодорожному переезду, и встречная «шестерка» подмигнула мне фарами, доводя до моего сведения, что там, за переездом, всех нас ждут с жезлами, радарам и дружественными предписаниями. Я благодарно кивнул в ответ. Место за переездом – излюбленное для патрульных, они все время здесь отираются. Перевалившись через неудобные рельсы, я проехал перешеек между двумя железнодорожными ветками, выдерживая 40 км/ч. Косо стрельнул глазами в сторону сотрудников ГИБДД. По опыту я знаю, что желательно не пялиться на них прямо – непременно тормознут. И хотя с документами у меня полный порядок, тратить время на остановку не хотелось.

А уже за вторым переездом я прибавил музыку, вдавил

педаль газа и каждой клеточкой отдался езде.

Когда-то я носился по этой дороге едва ли не по несколько раз в день. Когда-то... когда во мне еще теплилась надежда, что Алена будет моей, а за этим слабым огоньком горел всепожирающий жар, который именуют любовью или страстью. Год назад чувак с логином Осколок сообщил мне между прочим, что в ближайшие выходные в городе Стерлитамаке на Соде намечается какая-то тусня. Дождавшись выходных, я двинул туда. Тусовка меня не особо волновала, дело, конечно же, в другом – наметилась цель, конечный пункт, место назначения, одним словом – повод. Там, на Соде, имеется парк, где, насколько я помню, из освещения только таблоиды мобильников, а еще площадь рядом, где со светом все в порядке. Люди отрываются на площади, периодически уединяясь в парке. Нужно отдать дань проектировщикам: парни знали потребности людей, будущих горожан.

Я рассчитывал поглазеть на гульбище из машины, но не довелось: к площади было не пробиться, машины наползали друг на друга, едва ли не лежали вповалку. Я поймал себе островок на обочине метров за триста от площади, откуда ни черта не было видно, но слух мне подсказывал, что там, на месте тусовки, с настроением у народа все ок. Закурив, я огляделся. В близстоящих домах люди обосновали свои балконы, как гроздь: да уж, им было явно не до сна, грохот музыки резал слух даже мне, застрявшему чуть ли не за полкилометра от основного зрелища. Освещенная улица была

наполнена людям, мимо проходили парни и девушки, кто-то возвращался с гулянки, кто-то спешил на нее. Я обратил внимание на эту девушку прежде всего потому, что она шла одна.

Я оглядел ее. Короткая юбка, узкий пиджачок, распущенные волосы. Она не выглядела ни пьяной, ни в растрепанных чувствах – из тех девиц, которые лаются со своими парнями, потом посылают всю честную компанию к черту и уходят в ночь в гордом одиночестве. Девушка шла по тротуару быстрым шагом, возвращаясь с площади. Быть может, ее собственный праздник подошел к концу. Или она просто поняла, что ошиблась с выбором места.

Я ничего не знал о ней и, собственно, не горел желанием узнать. Уже практически отвернулся, чтобы о ней забыть – она пройдет мимо, подарив мне один быстрый, скользкий взгляд, и тоже забудет обо мне через минуту, – и мы останемся каждый при своей жизни. В этот момент что-то произошло, девушка пошатнулась и присела на корточки. Я сразу же понял, что случилось. Зацепившись обо что-то, она сломала каблук на правой туфле.

Инстинктивно я открыл дверцу, вышел из машины и направился к ней. Она до последней секунды не замечала, что я к ней прусь; согнувшись в неудобной позе, она чисто с женской логикой пыталась зачем-то приладить сломанный каблук назад, вместо того чтобы запустить им в сторону празднующего люда. Я остановился совсем близко.

– Помощь требуется?

Она вскинулась на меня. Я разглядел ее лицо, чего не смог бы из салона машины. Симпатичное, мягкое личико, но только особых эмоций я не испытывал – девушка как девушка, как писала мне Блондинка – самая обычная. Секунду в ее взгляде сквозила досада, граничащая с отчаянием, а потом она принужденно рассмеялась.

– Если только у тебя есть клей.

– Не-а.– Я помотал головой в том смысле, что клея у меня нет.– Но я готов нести тебя на руках до самого дома.

Ее смех стал более жизнерадостным. Но судьба хохотала громче, конечно же. Минуту назад жизнь для тебя – сплошное ничто: гулянка не удалась, осталась одна, да еще каблук сломался. И вдруг вырастает тип откуда ни возьмись со своими предложениями (еще и иногородец, о чем она пока понятия не имеет). Девушка, наконец, выбрала верное решение: оторвала каблук до конца и выпрямилась, держа его в руках, как реликвию, с которой невозможно расстаться. Я немедленно попытался поддержать ее за локоток, поскольку она легко пошатнулась. Девушка твердо высвободила руку.

– Спасибо, я уже взрослая девочка,– сообщила она.– А тебе далековато придется меня тащить.

– А у меня машина при себе.

Девушка насмешливо сморщила носик.

– Ага. Вот и конец джентльменству.

– Ну-у!– Я сделал вид, что задето мое самолюбие.– Было

бы лучше, если бы я пригласил тебя в кэб?

Она усмехнулась.

– Все с тобой понятно.

Перевела глаза на каблук, покрутила его в руке. Непри-
нужденно отбросила его в траву на газоне.

– Мне на Гоголя,– сказала она.– Не слишком проблемно?

– Не слишком проблемно хотя бы потому, что мне в ту же
сторону,– рассмеялся я.

– Врешь ведь.

– Клянусь! – И это было так, поскольку улица Гоголя про-
легала неподалеку от выезда из города, о чем я ей и сказал.

Она спросила меня, откуда я. Я ответил. Она оглядела ме-
ня уже более заинтригованно, словно бразильца или воина
племени пау-пау. По пути к машине я вновь хотел проявить
галантность, но вспомнив ее отповедь при первой попытке,
поостерегся. Усадил ее на пассажирское сиденье, обошел ма-
шину, сел за руль. Побарабанил пальцами по рулю, не спе-
ша заводить мотор. Внезапно мобильник, который во время
езды я пристегиваю к приборной доске, зажегся приятным
светом, издав короткий мелодичный сигнал. Я снял трубку,
прочитал сообщение.

<Блондинка>: Ну как? Попал на тусовку?

– Извини, минутку.– Мои слова относились к новоиспе-
ченной знакомой. Девушка пожала плечами, показывая мне,
что – Бога ради, она не торопится. Я наскоро набрал ответ.

<Муха>: Прости. Занят. Позже.

Отослал sms-ку, прицепил телефон на место.

– Тебя как звать?

– Алена.

– Меня Роман.

– Приятно.

На самом деле по ее сугубо вежливому тону невозможно было понять, действительно ли ей приятно или она просто отдалась судьбе, сев в мою машину. Но и меня, по правде сказать, не очень волновало, нравлюсь я ей или нет. Я знал, что предприму одну попытку, а если она увенчается афронтом, просто отвезу Алену домой и забуду о ней навсегда.

– А что там, на Гоголя?– спросил я.

– Дом.

– А что дома?– мой голос стал вкрадчивым и насмешливым.

– Дома?– Она усмехнулась.– Дома – спать.

– А ты уверена? Может...

Я намеренно оставил фразу зависшей. Алена фыркнула. Повернула ко мне лицо в обрамлении выющихся каштановых волос.

– Так, молодой человек,– протянула она.– Не успели затащить девушку в машину...– Она тоже не договорила, тоже намеренно.

– Нет, ты не поняла. Ничего такого грязного.

– А что тогда?

– Может, покатаемся?

Еще какое-то время она изучала меня. Не знаю, что она пыталась прочесть на моем лице, что высмотреть во мне, парне из другого города. Не знаю я и того, что во мне такого сыграло для нее решающую роль, когда она ответила:

– Ну давай, покатаемся.

И мы покатались.

Из ее родного города мы стартовали напрямиком в Уфу. Чтобы завязать разговор, я попросил Алену рассказать что-нибудь о себе, хотя представления не имел, как буду воспринимать ее рассказ, зная ее город постольку поскольку – эпизоды детства, юности, взросления.

– Ты пригласил меня покататься,– сказала она.– Я хочу этого буквально.

Иногда я знаю, чего хотят женщины, иногда теряюсь в догадках. Здесь имел место как раз первый случай: до меня дошло, что ей нужна разрядка и молчание. Желание святое, с какой стороны ни погляди. Я протянул руку к магнитоле и увеличил звук. По опыту я знал, что далеко не все мои пассажиры разделяют мое пристрастие к «трансу». Я ожидал возращения, но Алена продолжала молчать.

Мы летели по оренбургской магистрали в сторону столицы Башкирии. Нас обступала ночь, и я подумал, что теперь-то могу оппонировать человеку, заявившему, что темнота во время езды липнет и атакует. Может, у того человека проявлялись зачатки клаустрофобии, что высовывала свою мерзкую голову наружу во время езды, или еще как,

да только наш автомобиль, напротив, разгонял тьму, образуя маленький, пулей летящий вперед, островок тепла и уюта. Мы неслись под звуки музыки, минуя деревни и поселки, неразличимые в темноте, определяемые лишь по дорожным указателям, минуя какие-то вышки, усеянные огнями. Трасса почти пустовала, очень редко впереди возникал автомобиль, мигающий фарами с просьбой переключить дальний свет на ближний. Я вел машину почти на пределе, насколько это возможно ночью.

Нам не нужна была Уфа, ночная или дневная. Где-то там, в столице, живет мой друг, моя соратница, мой поводырь. Моя Блондинка. Но в ту ночь я не вспоминал о ней, что не случалось никогда: едва отправив ей ответное сообщение, я забыл о ней напрочь. И она не давала о себе знать. Может, уже спала, а может (кто ее знает!), это она сейчас пронеслась навстречу вихрем, спеша к окраинам, совершая рядовой забег, чтобы не умереть от скуки.

Неподалеку от уфимского КПП мы развернулись и понеслись назад. Именно с того места Алена начала говорить, и я приглушил музыку.

– Рада, что не попала сегодня домой, – были ее первые слова после почти двухчасового молчания.

– Проблемы с родителями? – тут же осведомился я.

– Я живу с мамой. Уже два года, как ушел отец.

Она ждала очередного вопроса, чтобы продолжить. Иногда тайны людей предпочтительней оставлять за черным по-

логом, но иногда нет. В те дни я еще верил в судьбу. В те дни я еще не сталкивался с ее чудовищной нелогичностью, а если сталкивался, то уроком мне это не стало. Раз уж мы встретились, раз уж обстоятельства сложились именно так, раз судьба практически столкнула нас лбами. Раз уж ее каблук сломался именно возле моей машины.

– И что мама?– спросил я.

– Мама... В общем, она пьет. Уже год почти.

Она вновь замолчала. Я тоже не знал, что сказать. Все это довольно тяжело, и мне нравилась эта девушка. А еще мы преодолели с ней уже более сотни километров, и каждый виток спидометра делал ее для меня родней.

– Скандалы?– предположил я.

– Совсем нет.– По ее тону чувствовалось, что она скривилась.– Она не буйная, наоборот. Мужиков не водит, истерик не закатывает. И это намного тяжелее.

Я понял, что она хотела этим сказать. Понял, хотя полностью сопережить ее боль был не в состоянии: жизнь миловала от такого, и если мне приходилось сталкиваться с подобными историями, то лишь понаслышке.

– Часто, нагрузившись, она заходит в мою комнату, чтобы поговорить,– продолжила Алена.– Я понимаю, ей нужно выговориться, у нее в жизни столько всего было... Но ее речь часто становится прерывистой, а иногда бессвязной. Чтобы ее понять, мне нужно тоже выпить. И что мне остается? Начать пить с ней на пару? Или бежать сломя голову? Если я

уйду, она останется совсем одна. Так что я не могу. Но иногда все это просто сводит с ума.

Уфа осталась далеко позади. Вновь ночь. Никаких злых существ, преследующих наш автомобиль, никаких дорожных голландцев-призраков. Мы одни. Она и я.

– Иногда мне кажется, что если я вскрою себе вены, это отрезвит ее раз и навсегда.

Я не осмеливался повернуться к ней, зная, что ей будет неприятно от моего взгляда. Я просто вспомнил тот миг, когда несколько часов назад подошел к ней, согнувшейся в неловкой позе, пытающейся совершить невозможное со своим сломанным каблуком. Вспомнил, как она вскинула на меня свои матовые глаза. Вспомнил, как она смотрела на меня в машине, вспомнил ее лицо, окутанное вьющимися волосами. Девчонка как девчонка, подумал я еще тогда. Хорошенькая, но обычная, каких миллионы. А теперь мы преодолели полтораста километров, и все переменялось кардинально.

Кроется в дорогах магия, колдовство. Живет в тебе нечто глубоко затаенное, и это может не проявится за всю жизнь, но стоит лишь тебе сесть за руль... Я не мог соотнести в своей голове эти два образа: симпатичной девчонки, которую я подцепил в чужом городе, и этой девушки рядом со мной, родной и беззащитной. Разрыв в несколько часов стал пропастью, а причина тому банальна – трасса.

– Из любого положения всегда есть два выхода, – выдал я избитую истину.

Она взглянула на меня.

– Назови мне второй.

И точно так же, как год спустя в разговоре с Маратом Ибрагимовым, слово вылетело помимо моей воли. Его словно кто-то сказал за меня, воспользовавшись моим голосом.

– Дорога.

– Дорога?– В ее голосе звучала улыбка.

– Ну да, дорога. У тебя бывает свободное время, у меня тоже. Расстояние между нами – тьфу, ерунда. Буду приезжать тебе, чуть выдастся часок. А потом – трасса.

– Ты считаешь, можно обогнать свою боль?– неожиданно серьезно спросила Алена.– Обогнать свои проблемы, свои неприятности?

Я вел машину вперед на скорости около 110 км/ч. Я думал, что впервые поставлен перед фактом: отвечать на вопрос, который ты носишь в себе вот уже много лет. Я никак не ожидал, что придется отвечать на вопрос сегодня. Я никак не ожидал, что задаст его мне девушка из чужого города, с которой я знаком много меньше суток. Вернее, не задаст, а озвучит то, что я должен был уже сам давно озвучить.

– Я думаю, что это одна из загадок дорог,– сказал я.– Есть в дорогах что-то глубоко аномальное, и это – одна из тайн.– Я помолчал, а потом ответил коротко:– Да, я в это верю.

Она отвернулась от меня, уставилась вперед – туда, где сноп фар освещал участок трассы, непрерывно несущийся впереди нас, словно нить Ариадны. Я понятия не имел, как

отразились в ее душе мои слова, я не знал, что сейчас она чувствует, но мне нужно было знать хоть что-то. Тогда я просто снял правую руку с руля и накрыл ее руку своей. Она не стала вырываться, говорить, что она уже взрослая девочка, и не нужно ее умасливать. Благодарно сжала мою кисть. Довольно долго мы ехали в полном молчании, рука в руке.

А под Толбазами она вдруг сказала:

– Тогда помоги мне обогнать мою боль. Помоги, одна я не смогу.

Не давая себе времени на метания, я включил левый поворотник и сошел с оренбургской магистрали.

Красноусольск. Святое место, один из самых красивейших курортов Башкирии. Народная молва донесла до нас предание, что где-то в этих местах была обнаружена плачущая икона Божьей Матери. Можно сказать, что романтичнее места, куда можно пригласить девушку, не сыщешь. Только я знаю другую правду, я был в иных местах, я видел красоты ярче и величественнее.

Но до них далеко. Еще стояла ночь, но уже чувствовалось, что она на ущербе, и начинает отступать. Дорога нас немного утомила, и мы с Аленой вздремнули прямо в машине, припустившись на обочине вблизи курортного городка. Перед тем, как провалиться в сон, я рассказал Алене легенду об автомобилях из параллельных миров, о том, что по ночам на трассах пространство и время истончается, и некоторые водители имеют возможность заглянуть за пределы нашей

реальности. Мы немного посмеялись над этими глупостями, но когда я вновь взял ее за руку, она снова благодарно сжала мою кисть.

И был вечер, и было утро: ночь первая.

Утром я заметил на ее лице озабоченность. Солнце уже взошло, принесся с собой утро субботы, пустынная трасса, на обочине которой мы заночевали, наводнилась автомобилями: со всех концов Башкирии сюда стягивались люди, чтобы прикоснуться к святым источникам и – кто знает?– может, найти панацею от всех бед.

Я спросил ее, в чем дело. Алена нервно усмехнулась.

– Я даже выйти из машины не могу.

Сначала я не врубился, о чем она, а потом понял. Скользнул глазами по ее открытым коленкам – ниже, к туфлям, одна из которых теперь была полным инвалидом.

– Нашла о чем переживать, – проворчал я, завел двигатель и тронулся в сторону поселка.

В одном из магазинов мы подобрали Алене свежую пару туфель. Я расплатился; она одарила меня благодарным взглядом, потом рассмеялась.

– Впервые парень на свидании дарит мне туфли.

– Впервые дарю туфли кому бы то ни было, – парировал я.

Мы нашли кафешку, где перекусили пирожками с кофе. Украдкой я наблюдал за девушкой. Уписывая пирожок за обе щеки, она ни на секунду не переставала озираться по сторонам. Я понял, что путешествия ей в новинку. И мне вдруг

захотелось раскрыть перед ней весь мир. Хотя бы те места, где побывал я сам.

А потом мы долго бродили по курорту. Люди прибывали, я сам, признаться, не ожидал, что их будет так много. Они шли – в купальниках и в одеждах, загорелые и бледные, молодые и старые, кто-то снимал достопримечательности на камеру, кто-то фотографировал. А еще было много детей. Наверное, когда у меня будут свои дети, я тоже привезу их сюда.

Я ненадолго оставил девушку, купив себе и ей по мороженому, а когда вернулся, то обнаружил ее возле святых источников. Алена смотрела на ныряющих людей не столько с любопытством, сколько даже зачарованно. Я молча встал рядом, протянул ей мороженое. Она взяла его, но как-то рассеянно.

– Сколько я, оказывается, пропустила в своей жизни, – произнесла она тихо.

Я едва не рассмеялся. Сколько пропустила? И это она говорит, увидев всего лишь этот курортишко? Да уж, мои предположения были верны, и для нее путешествия – все равно что сказка, в отличие от меня, для которого жизнь неразрывно связана с поездками.

– Никогда не поздно наверстать, – сказал я.

– То есть?

Я указал рукой с мороженым на святой источник.

– Есть желание окунуться?

– Знала бы, одела бы вчера купальник,– хмыкнула Алена. Только сейчас я вспомнил, что она до сих пор при параде, так как вчера, выбирая наряд, она рассчитывала всего лишь посетить городскую тусовку.

– Как раз вовремя.– Я кивнул на тучную женщину, скинувшую с себя все нижнее и неуклюже грохнувшуюся в водоем, чуть не утопив всех.

– Нет уж.– Алена стрельнула в мою сторону глазками. Впервые она позволила себе кокетство.– Не доставлю такого удовольствия.

– Слушай, а у тебя есть парень?– внезапно спросил я ее. Вопрос, конечно, на засыпку. Хороша бы она была, если бы, имея с кем-то отношения, рванула со мной куда глаза глядят. Хотя на моем веку встречалось и не такое.

– Было несколько романов,– неопределенно ответила она.

– Пылких?

– В общем, да.

– А теперь?

– А теперь я на распутье.

Я не понял, что это значит, но допытываться не стал. Все-му свое время, узнал же я о ее проблемах дома, не прилагая никаких усилий, даже не подозревая, что они есть. Никогда не следует торопить события, иначе рискуешь застрять на обочине – уж эту-то истину я усвоил.

В святой пещере под церковью, что располагалась на горе, мы поставили свечи и написали записки с пожеланиями.

А точнее, написала одна Алена. Я лишь собирался наказать что-то, чего мне в жизни больше всего нужно, о чем я мечтаю, но вдруг на меня обрушилось откровение, и я, всегда воспринимающий святые места как нечто вроде музейных выставок, впервые ощутил благодать этого места. Я вдруг осознал, что мне нечего себе пожелать. Вдруг понял, что чувство, острое чувство, посещающее меня на трассах, будто мне чего-то не хватает, исчезло. Я абсолютно счастливый человек, и у меня все есть. Дорога и любимая женщина рядом. Да, я начинал в нее влюбляться. Но что было причиной тому – она сама или путешествие, я, конечно же, не знал.

Мне было интересно, что загадала Алена, но я не рискнул спросить. Мы покинули пещеру в полном молчании, она задумчивая, я – слегка шокированный откровением. Когда шлагбаум, препятствующий машинам въезд на территорию курорта, остался позади, я обнял ее за талию.

– Ну что? Поехали?

– Обгонять мою боль?

– Нет.

– Нет?

– Просто – дальше.

В салоне она не выдержала. Залезла рукой под юбку, спустила душные колготки, которые натянула вчера вечером, а теперь изнывала в них. Я не мог не посмотреть туда, да и не хотел строить из себя джентльмена. Сверкнули беленькие трусики. Она застыла. Я поднял глаза, ожидая, что она оку-

нет меня в ледяную воду, но она улыбалась.

– Сейчас же отвернитесь, молодой человек.

Я поступил с точностью наоборот: продолжал наблюдать до конца, пока она не избавилась от колготок. Только после этого тронул машину с места.

Мы понеслись дальше. Мимо ее родного города, мимо городка под названием Ишимбай, в котором через год я буду участником погребальной колонны автомашин, – в сторону Башкирского заповедника, к подножью горного плато, где природа несравнимо величественней, чем в Красноусольске, и где, в отличие от курорта, нет ни души. Там, расстелив покрывало на пологом склоне горы, мы с Аленой занялись любовью, и лишь кузнечики и птицы были свидетелями нашей страсти. Мы любили друг друга так, как никто из смертных. Мы любили друг друга как два незнакомца, которых столкнула ирония судьбы, и это придавало незабываемый колорит экстазу. Насытившись друг другом, мы вновь задремали, но уже не рука в руке, а в объятиях.

Ко мне домой прибыли лишь под вечер. По пути прихватили бутылку вина. Дорога измотала меня полностью, но красное вино придало сил. Мы проболтали до поздней ночи. Я рассказывал Алене о дорогах, о приключениях, что случались со мной или моими знакомыми. Рассказывал ей дорожные легенды и притчи, которые знал тысячи. Она молча слушала, полуприкрыв глаза от удовольствия, не спеша потягивая вино из бокала. Я знал, что уже завтра мои руки

вновь будут машинально сжиматься в поисках руля, но той ночью я впервые не думал об автомобиле. Я не думал ни о чем, кроме нее.

И был вечер, и было утро: ночь вторая.

А утром Алены не стало. Я проснулся в одинокой постели, как обычно, как происходит изо дня в день лишь с редкими исключениями, и в первую секунду даже ничего не почувствовал, подумав, что это рядовое утро, и девушка мне просто приснилась. Потом подскочил, как ошпаренный, стал искать ее по всей квартире, хотя чувство сразу же подсказало мне, что ее нет. Я нашел лишь записку, лежащую на краешке письменного стола.

Жаль было тебя будить. Уехала домой на автобусе. Позвоню.

И лишь теперь я понял, что за всеми этими впечатлениями успел оставить ей свой телефон, но не удосужился узнать ее.

Она не позвонила. Ни завтра, ни послезавтра, – никогда. Я не знал, почему, как многого не знаю в этой жизни. Я приезжал в Стерлитамак на улицу Гоголя – это была моя единственная зацепка, единственный шанс; я избородил эту улицу вдоль и поперек, я знал на ней каждый камешек, каждый колодец. Я всматривался в лица людей, что шагали по тротуару или переходили передо мной дорогу. Я часами простаивал возле каждого дома на этой треклятой улице, ища ее, одну ее, мечтая, что в один прекрасный день она, словно

фея, возникнет перед моей машиной, немного растерянная, но обрадованная встречей. И вновь будет трасса, одна бесконечная, непрекращающаяся дорога, ее рука в моей руке...

Я искал ее вплоть до самых снегов, когда лица людей стали уже неразличимыми за шапками и капюшонами. К тому времени я уже стал забывать лицо самой Алены. Я признал свое поражение, и в тот же вечер напился дома в стельку.

Я вспоминаю ее до сих пор. Я спрашиваю себя: что случилось? Почему она не стала звонить? Еще одна насмешка судьбы, и она потеряла мой номер? Вряд ли, она знала адрес, она могла бы приехать, если бы хотела... Проклятье, я даже не знаю, благополучно ли она добралась до дома! А если даже так, то что ждало ее там? Эти ее рассказы о матери... тревожные мысли о самоубийстве... Или, может, это я взял на себя слишком большие обязательства? Я пообещал Алене, что мы обязательно обгоним ее боль, оставим ее далеко позади на трассе. А в то утро, когда она проснулась, она обнаружила, что ее боль тут как тут, и она перестала мне доверять. Черт, я ничего не знаю, и именно это сводит меня с ума.

В тот день, когда уехала Алена, оставив мне на прощание записку, которую я храню по сей день, мне на мобильник пришло сообщение.

<Блондинка>: Ты, наконец, освободился?

Я не выдержал и настрочил:

<Муха>: Как хорошо, что у меня есть ты!

Она дулась на меня два дня. Скорей всего уловила в мо-

ем пылком послании тоску по другой. Я не винил ее за двухдневное молчание, хотя не совсем понимал.

Как бы то ни было, по прошествии двух дней на табло моего телефона высветилось:

<Блондинка>: Привет. Как трасса?

И вновь она безошибочно угадала, что я за рулем.

480 миль.

Я очнулся от воспоминаний и обнаружил, что нахожусь на подступах к Стерлитамаку. Машинально придавил тормоз, не желая въезжать в город, ставший мне враждебным после исчезновения Алены. Совершил разворот, остановился возле придорожной кафешки. Там я купил сигарет, обменявшись несколькими любезностями с продавщицей. Мне вдруг захотелось поболтать с кем-то, пусть даже с ней, поболтать ни о чем, так просто, но сзади подошел какой-то мужик, и я вернулся в машину. Закурив, я битых четверть часа тупо пялился на снующие мимо меня машины.

Говорят, старые раны не затягиваются, а истина «время лечит» настолько же надуманная, насколько может быть надумана легенда, если она проходит через уста человека недалекого. Теперь я понимаю, что это верно. А может, моя рана особенная, отдающая экстримом, как и любая езда? Ты можешь встречаться с девушкой – у вас любовь до гроба в течение этак месяцев пяти, а потом – скандал, разрыв отношений, и ты мало-мальски можешь увязать в памяти осколки, объяснить хотя бы самому себе, почему это случилось. Я не мог. Злюка-судьба не дала мне даже такой возможности.

Я тряхнул головой, отгоняя остатки мыслей, настраиваясь на обратную езду – плевать, поеду домой. Внезапно в зер-

кальце заднего вида я заметил, что по обочине в мою сторону направляется девушка.

Вообще-то, их много тут. Особенно по ночам, поскольку в окрестностях много кафе и шашлычных. Рефрижератор, насколько я знаю, постоянно промышляет в этих местах. Причем он такой типус, что после каждого раза, когда ему удастся подцепить девчонку, он непременно раструбит об этом по «Сети». Прикольный малый, и деньги, судя по всему, у него водятся.

Девушка приблизилась. Заметив в боковом зеркальце мой взгляд, она сделала независимое лицо, проходя мимо. Однако стоило мне ее окликнуть, замешкалась.

– Гуляешь, красавица?

– Ну... В общем, да.– Ее глаза пытливо изучали меня поверх опущенного бокового стекла. Смазливое личико, ладная фигурка в простом летнем платье. А мне вновь вспомнился другой взгляд, взгляд другой девушки, изучающей меня, когда я предложил ей покататься.

– Есть желание присоединиться?

На фига она мне сдалась, спросил я себя. Черт меня дернул за язык. Но было уже поздно идти на попятную: девушка обогнула машину и уселась рядом. Я предложил ей сигарету. Мы закурили.

– Какие планы на вечер?– спросил я.

– Ну... Еще не знаю.

Я счел, что терять мне нечего. А потом, своей наглостью

я, быть может, добьюсь того, что она уйдет.

– А как насчет переспать?– спросил я в упор.

– Ха!– Она покачала головой, как бы сообщая, что просто в шоке от такой дерзости. Но убираться не спешила. Продолжала сидеть и курить.– И что, заплатишь?

– Это как договоримся.– Я продолжал ломать комедию.

– А сколько?

Нет, это гениально! Только в жизни, наверное, такое может быть. Она спрашивает меня – сколько! Расскажи мне кто-нибудь, не поверил бы.

– А сколько берешь?

Ее лицо стало возмущенным.

– Ты чего! Я тебе не шлюха.

А кто ты, хотел спросить я. Вольнонаемная? Но я придержал язык. Не стоит хамить незнакомке только потому, что у тебя паршивое настроение, с утра ты попал на похороны, твоя любовь затерялась в чужом городе, а домой ехать нет желания. Она ведь мне ничего плохого не сделала.

– Давай за двести,– предложил я.

– Что двести?

Я чуть не расхохотался.

– Двести рублей за то, чтобы переспать.

Она хмыкнула и не ответила. Ладно, все понятно. И хочется халявы, и колется – она ведь не шлюха, чтобы требовать мзду. Я перевел взгляд на трассу. Машины продолжали носиться мимо. Девушка прикурила новую сигарету из моей

пачки. Меня она не торопила, а сама, судя по всему, не торопилась никогда.

И вновь идея заворочалась во мне – идея, впервые пришедшая на ум год назад, когда все произошло: мое знакомство с Блондинкой, членство в «Сети», а главное, мой короткий, как вспышка, роман с Аленой. Идея была неосознанная, зачаточная, но сейчас вдруг она сформировалась в единую картину, и вновь я был поставлен перед фактом: идея – вот она, остается решить, что с ней делать.

Я покосился на свою полузнакомую.

– Какая сейчас интенсивность движения на дороге?– ехидно спросил я.

– В смысле?– Она уставилась на меня в непонятках.

– Сколько машин проедет мимо нас, ну, скажем, за час?– пояснил я.

Девушка оглядела проезжающие машины как-то по-новому, словно я раскрыл ей какой-то секрет.

– Я их что, считала?

Нисколько не сомневаюсь в этом. Ты не считала. Но наверняка найдутся люди, которые знают. Раз уж эта мысль пришла ко мне, она обязательно должна была прийти до меня к кому-то еще.

Я взял в руки мобильник. Ввел интересующий меня вопрос. Есть там такая функция – «сразу всем абонентам». Ее я и использовал, отправив запрос в «Сеть». Повесил мобильник на место, откинулся на кресле и расслабился.

– Ну?– Похоже, это было любимое слово моей полужнакомой.– Что будем делать?

– Ждать сообщений.

Она пожала плечами и вздернула носик. Я ожидал, что сейчас она пошлет меня куда солнышко не заглядывало, грохнет дверцей и продолжит путь по обочине с независимым лицом, но она этого не сделала. Сидела себе и сидела. Или я действовал на нее расслабляюще?

Когда посыпались ответные sms-ки, я минут пять просто ничего не делал, даже не шевелился, – ждал, когда схлынет шквал сообщений. Заметил, что девушка с интересом косится на мой телефон, точно увидела говорящую муху (кем я и был, мое почтение). Дождавшись паузы, я вновь снял трубку и стал считать то, что мне пришло.

<Осколок>: Решил написать статью?

<Свин>: Ни фиги себе запросы! А вообще, спроси Рефрижератора, он там постоянно тусуется.

<М.Еж>: Наверное, пять к одному.

Да, он загадочный, этот М.Еж, как и его логин. Над этим стоило поразмыслить. Пять к одному – что, интересно, это значило?

<Рефрижератор>: Понятия не имею. Не считал.

Я и не ожидал, что он знает. Интересы Рефрижератора, насколько я понял, не распространяются дальше баб. Ну, каждому свое.

<Птица>: В среднем двадцать машин в минуту в одну сто-

рону. Столько же в другую. Один из наиболее интенсивных периодов.

Мои предположения, что среди нас есть сотрудники ГИБДД, стали обрастать фактами. Кто еще мог знать ответ? В принципе, я узнал, что мне требовалось, но все-таки пролистал еще несколько сообщений, пока не нашел то, которое искал.

<Блондинка>: Что ты задумал?

Я уловил в ее голосе тревогу. Я давно уже начал чувствовать интонации, не имея возможности ее слышать. Возможность-то как раз была: я мог ей позвонить, она могла позвонить мне. Все-таки с ней я общался несравнимо теснее, чем с остальными членами виртуального ордена. Но мы этого не делали, ни я, ни она, а почему – сказать не могу.

Я набрал ответ на ее вопрос и вновь отослал его сразу всем абонентам. Откинулся на спинку кресла. С удивлением обнаружил скучающую девушку у себя на пассажирском сиденье. Я думал, она уже ушла, пока я был с головой погружен в «Сеть». Заметив, что я перестал терзать телефон, она повторила:

– Ну так что?

– Ждем еще немного. И я узнал интенсивность. Двадцать машин в минуту по одной полосе. Вот так, можешь теперь похвастать перед кем-нибудь.

– Ни фиги себе! А откуда ты узнал?

– У меня друзья в ментах.

Будь она посмышленнее, она задалась бы вопросом: а сколько у меня этих самых друзей, если на один мой запрос мне пришло сообщений тридцать? Весь ДПС-ный гарнизон, что ли? Но она всего лишь поглядела на меня удивленными глазами газели и промолчала. Наверное, я казался ей какой-то диковинкой.

Вновь посыпались сообщения.

<Рефрижератор>: Невозможно. Я знаю эту дорогу.

<Осколок>: Срежешься на развороте. Вылетишь.

<Птица>: Только что прошел товарняк. Шлагбаумы открыты. Попробуй. Но можешь наткнуться на вагонетку, предупреждаю. Они часто ходят в это время.

Нравится мне все-таки этот Птица (или это она?). Говорит по делу и продуктивно.

<Пуля>: Твою мать, почему мне раньше не пришла в голову эта мысль!

<Дракон>: В принципе, возможно, если повезет. Но на кольце все равно сбрасывай скорость. Даже не думай, – вылетишь.

<Лада>: Если ты это сделаешь, я тебе отдамся. Клянусь! Даже если ты страшный, как черт.

Я пролистал еще кучу пустяковых сообщений, ища только одно. Но Блондинка молчала. Я не знал, почему. Ну, я много чего не знал.

Деввица рядом со мной стала подавать признаки нетерпения.

– Ну так что?– в третий раз повторила она.

– Есть идея.– Предполагаю, что при этих словах мои глаза разгорелись, поскольку ее взгляд на меня сделался странным, и в нем мелькнуло замешательство.– Хочу проверить, смогу ли я выдержать 100 км/ч до развилки с Ишимбаем и назад.

Некоторое время она мигала на меня в непонимании. Потом спросила:

– Ты что, дурак?

– Типа того,– беззлобно согласился я.– Ты можешь выйти.

Она сделала две вещи, которые, по моему разумению, должны были мне все объяснить: фыркнула и осталась на месте. Я пожал плечами. Ей было нечего делать, она не шлюха, чтобы мотаться по обочине; скорей всего, она просто вышла из дома и двинулась навстречу судьбе, как это делаю я каждый день, отправляясь в поездку. Судьба свела ее со мной, и она, как некогда Алена, просто доверилась. Определенно, этот город полон для меня сюрпризов. Неизвестно, правда, к чему приведет моя новая встреча.

– Тогда держись.

Я завел мотор. Врубил музыку. Вывел машину с обочины на трассу.

До деревни под названием Покровка было легко. Двадцать или не двадцать – мне лично показалось, что на этом отрезке нам повстречалось от силы машин пять. Я уж грешным делом подумал, что если так пойдет и дальше, то 100

км/ч – рубеж пустыяковый и театральный, рассчитанный на эффект того, что до меня такого форсажа никто не предпринимал. Но стоило лишь достичь населенного пункта, как все мое легкомыслие как ветром сдуло.

Черные буквы на белом фоне перед населенным пунктом уведомляли, что тут нужно держать не больше 60 км/ч. Кто-то плевал на сие предписание, но находились и педанты, следующие букве закона неукоснительно. Именно они были сейчас моими самыми главными врагами, как ни дико это звучит. Я пристроился в хвост несущегося впереди меня «мерса», зная по опыту, что иномаркам закон не писан. Почти тут же я заметил, что на «жигулях», идущих перед «мерсом», загорелись тормозные огни. Водитель внимал дорожным указателям. Как следствие этому, водитель «мерса» тоже притопил тормоз.

Навстречу летела «Газель». У меня не хватало времени на то, чтобы определять, какая у нее там скорость, оставалось лишь полагаться на судьбу. Ну, и на судьбу девушки рядом со мной. У меня не получилось обогнать боль Алены однажды, и она пропала. Интересно, смогу ли я обогнать смерть? Как и год назад, рядом со мной сидит девушка. Быть может, ставки делаются вовсе не на меня, а на моих попутчиц?

Мне нужно было выдержать 100 км/ч, а потому я врубил левый поворотник и, обгоняя «мерс» с «жигулями», ринулся прямо навстречу «Газели».

Я так и не понял, какая у него была скорость. Не понял

я и того, как мне удалось выйти из этой ситуации живым. Возможно, в последний момент парень за рулем «Газели» притормозил, оставив мне лазейку, да и водитель «жигулей» молодец – смекнул, что обгоняет его тип, у которого с винтиками плоховато, и буквально прижался к низкому заборчику, что шел в этом месте вдоль дороги. «Мерс» катил себе и катил – он не привык, чтобы его так хамски обгоняли, потому, видимо, тоже ничего не успел понять. В последний миг я разглядел лицо водителя за ветровым стеклом «Газели», его открывающийся рот, по всей видимости, сыплющий комментариями.

– Ты что, серьезно надумал?!– Теперь в голосе моей полузнакомой была не тревога. В нем звенела самая настоящая паника. Поздно, девочка. У тебя был шанс, я предлагал тебе выйти. Ты не захотела. Я лишь надеялся, что она не станет за меня цепляться от страха. Если она это сделает, я ее ударю. Сильно и наотмашь.

Я не смог ей ответить, поскольку в ту же секунду с остановки прямо на меня стал выруливать рейсовый автобус.

Этим вообще на все похер. Законы дорог возвели автобусы в ранг неприкосновенных. Трогаясь с обочины или с остановки, водители просто включают поворотники и рулят, зная, что правы, а все остальные должны уступить им дорогу, участвуют они в забеге или нет. Все бы ничего – как раз в этом месте дорога имела полосу разгона. Вот только, обгоняя автобус, параллельно ему на скорости около 50 км/ч та-

щился «москвичонок».

Сотой доли секунды мне хватило, чтобы я повторил мысленно себе напутствие человека под логином Дракон: даже не думай. Навстречу шел грузовик, а «москвич» – единственное чудо техники, которое помещалось в просвет между гигантами дорог. Пристраиваться за «москвичом» – стало быть, сбавлять скорость. Обгонять его вместе с автобусом – значит, таранить грузовик. Брать еще левее – боковое зрение различило там каких-то людей.

Что ж, вознесем хвалу дураковатому водителю «Газели» с желтой рожицей на задней двери. Я взял вправо. Автобус к тому времени уже вырулил с остановки, благо дело, он забрал с собой людей, и на остановке никто не стоял, и я втиснулся как раз в освобождающуюся полосу разгона.

Я знал, что выиграю этот раунд. Мне нужно всего лишь успеть выйти на трассу, пока не закончилась полоса, но я был уверен, что с моей скоростью я сделаю это влегкую. Единственное, о чем я молил Бога, это чтобы правые колеса моей машины не сошли на щебенку. Иначе – смерть. На скорости 100 км/ч вылететь на щебенку, все равно что прыгнуть без парашюта.

Не сошел. Пролетел справа от автобуса, подрезал с правой же стороны обогнавший того «москвич». «Москвич» испуганно вильнул влево. К тому времени грузовик уже проехал. Иначе как пить дать я стал бы причиной аварии.

Мои ладони вспотели, глаза выпучились. Я видел перед

собой лишь трассу, впервые в жизни я не смотрел по сторонам, не замечал ничего вокруг себя, сидя за рулем. Молнией сверкнула мысль, как себя чувствует моя спутница. Что-то она резко притихла. Но я не мог взглянуть на нее, даже мельком. Взгляд прирос к дороге, руки приросли к рулю.

Первый железнодорожный переезд мы миновали благополучно. Прогрохотали по рельсам, понеслись дальше. Не исключено, что завтра мне придется менять стойки. До второго переезда тоже все шло более или менее гладко, не считая мелких казусов, что вызывали злые сигналы клаксонов. А на подступах ко второму переезду я понял, что если срочно что-то не придумаю, то мне конец. Либо как живому человеку, либо как личности.

Передо мной мелькал зад моего собрата, водителя «девятки», что медленно сбавлял скорость, подъезжая к рельсам. В то же время навстречу нам через рельсы переваливался опять же (вот уж везет!) рейсовый автобус. Переваливаются они тоже своеобразно, точно пьяница перелезает через забор. Медленно, вразвалку, того и гляди заглохнут. Оставалось либо тормозить, либо идти на отчаянный шаг.

«Только бы за переездом не было ментов!»— взмолился я, зная, что если бы это было так, то кто-нибудь, к примеру Птица, уведомил бы меня об этом. Но те могли появиться там минуту назад, ведь так?

И снова я столкнулся с ощущением, словно кто-то сверху правит моими действиями. Интуитивно я протянул руку к

приборной доске и влупил свет дальних фар. После чего той же рукой с бешеной силой надавил на клаксон.

«Ну, давай, не окажись тупицей!»— мелькнуло у меня в голове.

Тупицей водитель «девятки» не был. Ему оставалось до рельсов каких-нибудь метров двадцать, и он уже успел сбросить скорость чуть ли не до 30 км/ч. Он ничего не понял, и я его не виню. Но он сделал главное: увидев, что сзади него творится что-то странное, водитель «девятки» резко дал вправо и, нарушая все мыслимые законы дорог, затормозил на обочине в десяти метрах от рельсов. Насколько я успел увидеть, он даже включил «аварийку».

Я ринулся в освободившийся просвет. Прогредел по рельсам, в очередной раз пожалев свои стойки. Переезд остался за спиной. Оставалось надеяться, что вахтерша не успела записать номер моей машины.

Третий переезд я пересек, не выключая фар, готовый при случае вторично воспользоваться клаксоном. Свет пришелся кстати, водители инстинктивно жались к обочине, но клаксон использовать не пришлось. А за третьим переездом, когда до разворота оставались считанные километры, меня на скорости около 130 км/ч обогнал тот самый «мерс», который шел впереди меня в деревне Покровка. Что ж, я оказался прав, водитель иномарки не смог пережить, что его обошел какой-то пройдоха. Еще одна примета в добавление к перечисленным: у некоторых людей портится настроение,

если в дороге их кто-то обгоняет.

Вот и развилка. Путь влево – на Ишимбай, вправо – к моему родному городу. Мне не нужно было ни туда, ни туда. Мне нужно было исхитриться, совершить круг, чтобы вновь выехать на основную трассу. Вовсе не проблематично на скорости этак 40 км/ч. Но под 100... Нехорошее это место, кровавое. Перед глазами всплыли сообщения членов «Сети».

Даже не думай. Вылетишь.

Чтобы не дать страху шанса, я вдруг завопил благим матом, перекрикивая звуки музыки в машине.

– Ангелы небесные, не отвернитесь теперь!

Неподалеку я заметил кучку припаркованных машин. Это были члены «Сети». Я убежден. Те, кто оказался поблизости и не смог преодолеть искушение. А еще удостовериться, что мои слова – реальность, а не бравада. Руку даю на отсечение, что Птица там был, возможно, и Рефрижератор. Вот я и стал ломателем традиций. Благодаря мне произошла встреча людей, ограничивающихся ранее общением по мобильной связи. А что это за Лада такая, которая обещала со мной переспать?

Больше я ни о чем не мог думать. Не знаю, успел ли кто-нибудь из зрителей разглядеть в салоне мое лицо. Я их точно не разглядел. Мне было не до этого.

Мы въехали на кольцо. Машину сначала занесло, потом правые колеса взвились над дорогой. Звуки музыки перекрыл чей-то истошный визг, и я не знал, кричит ли это де-

вушка, что сидела рядом со мной, или вопль вырывается из моих легких. Что-то завалилось на меня справа – моя спутница, моя полужнакомая, которая не смогла удержаться. Я успел еще подумать о том, что причиной нашей смерти будет простая забывчивость: я забыл предупредить девушку, чтобы она пристегнула ремень безопасности. Да и сам не пристегнулся. Я хотел зажмуриться перед тем, как встречу смерть, но не смог.

А секунду спустя мы неслись по прямой дороге.

Я не знаю, почему так вышло. До сих пор не знаю. Наверное, нам повезло, иного объяснения я придумать не могу. Нам повезло хотя бы в том, что поблизости не оказалось машин. Выезжая с кольца, ты минуешь знак «уступите дорогу». Если бы кто-то несся нам наперерез, то кирдык.

Сзади раздались взрывы клаксонов. Позже я сообразил, что звуки эти были в мою честь. А в тот миг я думал только о том, как быстрее унять дрожь в руках. Ее нужно было унять оперативно и до конца. Нам еще предстоял обратный путь, так-то если что.

Или у Птицы были неточные сведения, или же он утрировал, или статистика – такая штука, что сегодня она одна, а завтра – совершенно иная. Как бы то ни было, обратный путь оказался для нас намного проще. В сторону Стерлитамака шло машин плачевно мало, я несся вперед, и никто не препятствовал мне выдерживать мои установленные 100 км/ч. Лишь на последнем переезде пришлось опять выкручивать-

ся, поскольку издали я заметил мигающие семафоры.

Шел вагон, о чем предупреждал Птица. Или еще один товарный поезд. Или обычный поезд. Или чертова дрезина. Не знаю, что именно, но удача оставалась со мной. Семафоры мигали, но шлагбаум был еще поднят. Лишь когда я приблизился, шлагбаум дрогнул и пополз вниз.

Все машины послушно выстроились в очередь на обеих полосах. Объехать правую колонну, юркнуть под шлагбаум в последний момент, вынырнуть под носом у левой колонны оказалось куда проще, чем слепить фарами и сигналить водителю «девятки».

А стоило мне вторично миновать деревню Покровку, еще не доезжая до города, я уже знал, что выиграл. Что именно? Судите сами.

В город мы въехали на скорости 30 км/ч (уму непостижимо!). Добравшись до моста, уводящего вправо, я свернул на него. За ним – влево, в узкую лазейку. Мимо частных домов по грунтовке я проехал до конца. Внезапно кусты раздвинулись. Перед нами предстала спокойная речка Ашкадар.

Я заглушил двигатель. Минут пять мы сидели, не шевелясь. Слышно было, как жужжат мухи, как перекачиваются воды реки; где-то вдали раздавались детские крики, однако вокруг не было ни души. Река действовала успокаивающе. Я наблюдал за тем, как стресс потихоньку отпускает меня, как в голове начинают возникать связные мысли. Еще я чувствовал, как мои челюсти разжимаются – похоже, всю дорогу я

ехал, с силой сжав зубы.

Я взглянул на мобильник. На табло мигал конверт. Сообщение. Я взял трубку.

<Блондинка>: Ты еще жив?

<Муха>: Жив.

<Блондинка>: Ты сделал, что хотел?

<Муха>: Да.

<Блондинка>: У тебя получилось?

<Муха>: Да.

<Блондинка>: Ты не шутишь?!!

<Муха>: Нет.

Я посмотрел на девушку рядом с собой. Одну за одной она курила мои сигареты. Ее тело колотила дрожь, она тупо плялилась на реку, по-видимому, ничего не соображая. Мне стало ее жаль чуточку, но с другой стороны, когда еще в жизни ей выпадет возможность так рискнуть? Я знаю, когда: никогда. Ее платье сбилось меж бедер и обнажило колени. Я положил руку на ее бедро. Она сильно вздрогнула, потом вновь затряслась.

Я приблизился к ней. Свободной рукой забрал у нее сигарету, вышвырнул ее в окно.

Она отдалась мне легко и задаром.

450 миль.

Ночью мне не спалось. День выдался до ужаса насыщенным. Мне уже казалось, что мой откровенный разговор с Маратом Ибрагимовым состоялся не сегодня утром, а месяц назад. Я ворочался с боку на бок, в отчаянии я даже думал прилечь к моим соседям-полуночникам и зависнуть на балконе. Или сесть за руль? Нет уж, хватит с меня гонок.

Я подумал-подумал, а потом вдруг понял, чего мне не хватает. Вернее, кого.

Я протянул руку и нащупал сотовый телефон.

<Муха>: Ты где?

<Блондинка>: Я дома.

Это было удивительно. Обычно, в какое время бы я ни писал, никогда не заставал эту девушку дома. Всегда в дороге. Интересно, что подразумевает это понятие – дом? Какой он у нее? Громадный особняк из полста комнат, где, чтобы найти друг друга, нужно прибегать к помощи компаса? Или она живет отдельно от семьи, в собственной квартире? А может, у нее их несколько в разных городах?

<Муха>: Я тоже. Не спится.

<Блондинка>: «Сеть» бурлит после твоей сегодняшней выходки.

<Муха>: Рад за них.

<Блондинка>: Брат передает тебе поздравления.

<Муха>: Скажи, что я благодарен. Он, кстати, бесился, что ему первому не пришла в голову такая идея.

<Блондинка>: Да, я в курсе.

<Муха>: А действительно, почему?

Я уже задавал себе сегодня этот вопрос. «Сеть» существует два года. Почему до меня никто не подумал, что, имея сотни, даже тысячи связей, можно применить их на практике, применить с размахом, а не так, как мы до этого делали: вызвали, где засели менты, или где можно снять на обочине девчонку. Почему Пуля, будучи автогонщиком, и, насколько мне известно, даже имеющий несколько призов, не воспользовался «Сетью» в таком качестве?

<Блондинка>: Я не знаю. Как тебе это удалось?

<Муха>: Мне просто повезло.

<Блондинка>: Да ну, не скромничай!

Я вспомнил вираж на кольце, когда два колеса моей машины взмыли над землей. Вспомнил истеричный визг девушки рядом, имени которой не узнал даже после животного секса с ней на берегу речки, в салоне моей машины. Я вспомнил, и даже сейчас зажмурился от ужаса. Я не кривил душой. Я правда не знал, как так получилось, что мы не вылетели с дороги в кювет.

<Муха>: Не до скромности. Чуть сиденье не намочил.

<Блондинка>: Кстати, тебе не писала случайно некая Лада?

<Муха>: Было дело.

<Блондинка>: Случайно, не предлагала переспать?

<Муха>: Каюсь.

<Блондинка>: Она всем парням предлагает. Да только те потом в ужасе. Слишком страшная. Я просто хочу тебя предупредить.

<Муха>: Уж не ревнуешь ли?

Нет ответа. Я подождал-подождал, а потом понял, что его и не будет. Иногда я ее просто не понимал.

<Муха>: А ты лично знакома с кем-нибудь из «Сети»?

<Блондинка>: Только с братом. Он, кстати, передает тебе, что побьет твой рекорд.

<Муха>: Да ради Бога! Пусть бьет.

<Блондинка>: Теперь многие захотят повторить твоё ралли.

Муха: Да уж, начнется беспредел... Надеюсь, что меня не успели засечь. А то будут судить по двойному тарифу: как правонарушителя и как зачинщика.

<Блондинка>: Можно нескромный вопрос?

<Муха>: Легко.

<Блондинка>: Зачем тебе это было нужно?

Она ошиблась в определении. Вопрос был сама скромность, это нормально, это рядовое любопытство. Вот только он был из тех, что вызывают морщины на лбу. Зачем? Действительно, зачем? Что я хотел этим доказать? Что обогнать свою боль возможно, раз уж мне удалось обогнать свою

смерть? Что причина исчезновения Алены прямо противоположная: я действительно помог ей обогнать ее невзгоды, оставить их позади на дороге, а потому стал ей не нужен, и она забыла меня за ненужностью?

<Муха>: Скажу честно: я не знаю. Но я точно не пытался установить рекорд или задать тон.

<Блондинка>: А у тебя есть девушка?

Я рассмеялся. Я мог позволить себе такую вольность, ведь она меня не видела и не слышала. Кто-то ей настучал, что в машине я был не один, когда разворачивался на кольце. Но это все ерунда: будь у меня подруга, я бы точно не стал сажать ее рядом, отправляясь наперегонки со смертью. Я представил, как вместо моей полузнакомой в салоне сидит Алена, и мне стало дурно.

<Муха>: Ничего постоянного.

<Блондинка>: Как и у меня.

<Муха>: А почему?

<Блондинка>: Откуда мне знать? Вот у тебя – почему?

Интересно все-таки, какая она, уже в который раз спросил я себя. Вся информация, которой я обладал, все то, что она мне успела о себе рассказать за год знакомства, не продвинули меня в моих фантазиях ни на шаг. Ее внешность по-прежнему оставалась белым пятном. Я представлял ее, конечно же, я не мог не рисовать в мыслях ее портрет. Только вот насколько он соответствовал действительности?

<Муха>: А как насчет поклонников?

<Блондинка>: Тоже отсутствуют.

<Муха>: И кто говорит о скромности? Ладно, спрошу Пулю об этом.

<Блондинка>: Брат тебе ничего обо мне не скажет.

Мы пришли к тупику, что часто случается во время общения по мобильной связи. Оставалось два выхода: либо прощаться, либо перескакивать на другую тему. Прощаться мне не хотелось.

<Муха>: Я могу ответить тебе на твой вопрос. Возможно, я один не потому, что мне не везет или я далеко не эталон. Просто я в душе одиночка и, наверное, девушки это чувствуют, а потому выбирают других. Тех, которые более коммуникабельны.

<Блондинка>: Спасибо за правду. И я тоже это чувствую. Это разит от тебя, даже от твоих сообщений. Трудно поверить, но это так. Проблема в том, что я – точно такая же. И мне от этого совсем не сладостно, но и переделать себя я не могу.

<Муха>: И что нам остается делать?

Ноль эмоций. Я опять подождал немного. Может, ее отвлекли, или возникли какие-нибудь дела, помешавшие ей ответить. Я почувствовал, что в памяти вновь начинает оживать картина моей сегодняшней сумасшедшей гонки. Гонка запомнилась намного ярче, чем даже последовавший за ней секс. Я не хотел вспоминать об этом, а потому быстро набрал повтор.

<Муха>: Ты еще здесь?

На этот раз ответ пришел незамедлительно.

<Блондинка>: Да. Думаю над твоим вопросом.

<Муха>: И насколько продуктивно?

<Блондинка>: А вот об этом в другой раз. Спокойной ночи.

<Муха>: Пока.

Я убрал телефон на место и моментально заснул.

420 миль.

У каждой дороги своя история, своя легенда. Проложенные в разное время, они отличаются друг от друга, как города, поколения или планеты. Можно сказать, что у каждой дороги есть свое лицо, свой характер, как есть свой характер у каждого автомобиля. Мораль побасенки проста: сидя за рулем – бди. Даже на ровной с виду трассе тебя могут подстеречь большие неприятности.

Если двигаться от города Мелеуз в сторону Нугушского водохранилища, то приходится преодолевать участок дороги, на котором лучше не превышать 40 км/ч, и по возможности жаться к борвке, опасаясь встречного транспорта. На дороге наложен знак «Вилы». Сие означает, что смерть неусыпно стоит у обочины, она не отлучается от поста ни на секунду, высматривая, кого из водителей предпочтительней сегодня подсесть. Наложила заклятие одна из местных, как ее называют в народе, – мяскяй, колдунья, ведьма, – короче, не совсем хороший человек. Случилось это во времена давнишние, когда только велось строительство трассы. Что этому предшествовало, легенда умалчивает, на этот счет имеется несколько гипотез, но какая из них наиболее приближена к правде, никто не знает. Это не сказка и не метафора. Почти каждый раз, проезжая по этому перешейку, я натыкался на

милицейские заграждения, и мне приходилось спускаться в кювет, чтобы двигаться в объезд, при этом наблюдая поверху картину жесточайшей аварии, как правило, со смертельным исходом.

В Гафурийском районе, за деревней Табынское, в сторону Белого Озера есть глухой дорожный перешеек, окруженный чащобами. Справа находится болото, его даже можно разглядеть в просветах между деревьями. Совет: увидев болото, а тем более кого-нибудь на болоте, ни в коем случае не останавливайте машину и не выходите, чтобы поглазеть. Случаи, когда здесь обнаруживали пустые машины, водители и пассажиры которых исчезли без следа, исчисляются десятками. Здесь, на болоте, ошивается существо – наполовину цапля, наполовину леший. Обитает издревле. Уворовывает людей.

Шиханы образовались миллионы лет назад, когда один пласт земли надвинулся на другой. Древнейший природный памятник, живописнейшее место на земле. Но только что касается дня. Ходит поверье, что ночью горы покидают духи, некогда жившие глубоко в недрах земли, а благодаря природному явлению вышедшие на поверхность. Тем, кто ночует на трассах, рекомендация: ночуйте где-нибудь в другом месте, не там. Были случаи, когда люди во сне сходили с ума. Почему-то духи выбирают именно машины и водителей, быть может, приходя в негодование, что люди изобрели столько техники. Местных жителей духи не трогают. Те и не знают ничего такого.

В Аургазинском районе, западнее Толбазов, есть дорога, славящаяся своими крутыми поворотами. Много лет назад здесь была сбита женщина из ближайшей деревни. Водитель с места преступления скрылся. Поговаривают, что дух женщины по сей день бродит по этому участку дороги, липнет к стеклам проезжающих машин, высматривая своего убийцу.

Если двигаться кратчайшим путем к Юрактау от Стерлитамака, то приходится пересечь местность, где по слухам в пятидесятых годах хоронили радиоактивные отходы. Считается, что в ближайших чащах обитают мутанты, время от времени совершающие марш-бросок на дорогу, а точнее, на проезжающего бедолагу.

Где-то восточнее местечка под названием Хазиново, на горном плато, испещренном каменистыми дорогами, есть аномальная зона, где искажается пространство. Благо дело, никто туда не суется без особой необходимости, поскольку даже без всяких зон и аномалий есть большой риск сбиться с курса и плутать меж гор, пока не кончится бензин. Но время от времени все же какой-нибудь боец невидимого фронта лезет туда, чтобы сгинуть безвозвратно вместе со своим авто.

На трассе между Белебеем и Ермекеевым несколько свидетелей видели странную птицу, сидящую посреди трассы и взмывающую вверх, чуть только заслышит шум мотора. Говорят, что это птица феникс, единственная из оставшихся в живых, гнездящаяся где-то на Белебейской возвышенности. Здесь, на этой дороге, грузовик размазал по асфальту

единственного питомца птицы, способного дать продолжение рода.

Между городами Кумертау и Мелеуз прямо у дороги раскинулась деревенька под названием Ира. Несколько раз деревня выгорала дотла. Люди рассказывают, что на деревню было наложено проклятие задолго до того, как появились дороги. Одна бродяжка попросила приюта в нескольких домах. Ей отказали, и бедняжка умерла прямо в том месте, где сейчас проходит трасса. Естественно предположить, что проклятие, наложенное на деревеньку, распространяется и на дорогу.

Не все легенды достоверны. Но они – суть частица характера дороги, и даже самые фантастические из них скрывают в себе зерно правды. И все-таки есть нечто общее. Нечто такое, что объединяет трассы всего мира, вплоть до грунтовок и земляных дорог. Я чувствую это общее нечто, хотя не могу объяснить, что это такое. Я улавливаю это чутьем, но моего чутья недостаточно, чтобы докопаться до истины.

390 миль.

Это началось в пятницу вечером. Ралли, конца и края которому я не вижу до сих пор. Только что я вернулся с южных окраин Башкирии. Работы сегодня было мало, Ибрагимов отпустил меня после обеда, сказав, что я ему больше не понадоблюсь. Кто-то, быть может, купил бы себе по такому случаю пива. Кто-то бы завалился на диван смотреть футбол. Я пересел из служебной машины в личную и – рванул.

Меня занесло аж до поселка Ермолаево, откуда до границы республики можно перепрыгнуть. Немного постоял вблизи спиртоводочного завода, снабжающего своей продукцией весь регион, полюбовался огромной рекламной бутылкой, как символом нашей эпохи. На обратном пути свернул с трассы в сторону деревни Васильевки, выкупался на излучине реки Белой, где вода намного чище, чем в моем родном городе, куда по течению прибывают все отходы с верховья. Специально рассчитал время так, чтобы вернуться домой затемно. После того, как провели новую дорогу, возвращение в город стало похоже на сказку. Особенно ночью. Стена огня, яркие светофоры, пустыньность на дороге, позволяющая развить максимальную скорость.

И вот я дома, только-только снявший с себя дорожную пыль посредством ванны и чашки кофе. Внезапно ожил мой

мобильник. Как вы думаете, кто мне писал?

<Блондинка>: Есть желание встретиться?

Я смотрел на ее сообщение. Это было не просто громом Господним, это было сродни трансу, словно музыка затянула меня, и мысли превратились в сплошное «бум-бум-бум». Глазел и глазел на sms-ку, убеждая себя, что именно эти слова я и вижу, а не напридумывал себе еще одной сказки после долгого пути. Из оцепенения меня вывела новая призывная мелодия.

<Блондинка>: Эй, есть кто живой?

Я стал поспешно стрекотать кнопками.

<Муха>: Конечно!

<Блондинка>: Это ответ на какой вопрос?

<Муха>: И на второй, и тем более на первый!

<Блондинка>: Отлично. Я кое-что придумала.

<Муха>: Где? Когда?

<Блондинка>: В Уфе, если ты не против.

Был ли я против? А как вы думаете, черт возьми? Что может быть лучше долгожданного свидания, кроме длинной и прямой трассы перед долгожданным свиданием? Я был так взволнован, что мои руки слегка задрожали.

Впрочем, я поторопился насчет прямой трассы. Я очень поспешил.

<Блондинка>: Только сначала пари.

<Муха>: Что за пари?

<Блондинка>: У тебя есть атлас дорог?

Ну, еще бы. Я думаю, таковой имеется у всех автомобилистов, не говоря уже про таких фанатов, как я.

<Муха>: Есть.

<Блондинка>: На западе от тебя, у самой границы, есть такая дыра – Аитово.

Прежде чем ответить, я вытащил атлас, полистал его, нашел нужное место, а также упомянутое селище. Практически на одной линии с моим городом, но только не вели туда прямые дороги, поскольку вся ближайшая территория была заполнена такими же вот «дырами» и ни одного крупного населенного пункта.

<Муха>: Есть такая дыра. Только я там не был ни разу.

<Блондинка>: Отлично! А я никогда не была в Верхних Татышлах.

Я подумал: а собственно, с ней все нормально или как? О чем она городит? Какие, к такой-то матери, Татышлы? При чем здесь Татышлы вообще?

<Муха>: Я ни черта не понял.

<Блондинка>: Жаль, ты не можешь слышать, как я смеюсь. Если завтра ровно в двенадцать ты будешь в этом самом Аитово, будет здорово.

Что-то шевельнулось во мне – глубоко и ощутимо. Какая-то искра понимания, и даже не искра, а словно сдвинулся огромный вал после тысячелетнего бездействия. Сдвинулся не намного, на чуть-чуть. Я осторожно, боясь этого самого вала, поинтересовался:

<Муха>: Зачем?

<Блондинка>: Потому что я в это время буду в этих самых Татышлах. Мы стартуем одновременно. Уфу я знаю, как пять пальцев, так что большая ее часть – моя. Встреча на въезде у Монумента Дружбы. Ну как пари?

В животе что-то медленно, но неумолимо стало скручиваться в узел. Волнение вдруг переросло в страх. Я не знал природу этого страха. Странно, что он вообще возник, этот страх, но факт есть факт. Когда я набирал следующее сообщение, мои ладони вспотели.

<Муха>: Сколько выжимает твоя тачка?

<Блондинка>: Максимум брала 180.

Хорошенькое пари. Будет чудом, если я выжму из своей 160 км/ч. Не успел я набрать очередную sms-ку, как Блондинка, прочитав мои мысли на расстоянии в двести километров, прислала свою.

<Блондинка>: Но это ведь было на закрытой трассе, вовсе не на дороге. Я все продумала. Я специально выбрала такие районы, где важна не скорость, а умение и соображалка. Расстояние практически одинаковое. Главное – не заблудиться. Ну как?

И вот тут-то я понял, что у меня нет выбора. Что дороги завладели мной давно, завладели настолько, что возможности ударить по тормозам и развернуться уже нет. Быть может, это и было причиной моего страха. Но хотел ли я этого выбора? Хотел ли я ответить как-то еще?

Нет.

<Муха>: Это гениально и потрясающе!

<Блондинка>: Надо же, какие слова! Значит, тебе действительно понравилась идея.

<Муха>: Еще бы! Слушай, а ты мне доверяешь? Ну, что я действительно стартую из этого Аитово, а не где-нибудь ближе?

<Блондинка>: Странный вопрос, Муха. Конечно, доверяю. А ты мне что, нет?

Я почувствовал, как мобильник в моей руке обдало холодом.

<Муха>: Прости пожалуйста. Неудачная шутка.

<Блондинка>: Прощаю. Когда прибудешь на место, позвони.

<Муха>: Позвонить?

<Блондинка>: Именно! Позвони! Сбрасываю тебе свой номер. Все, я спешу. Завтра в полдень. Пока!

Единственное, в чем я был сейчас уверен, это что мне будет крайне проблемно сомкнуть глаза до зари.

360 миль.

Я нашел нужный пункт, руководствуясь атласом дорог. Остановился вблизи скособоченной автобусной остановки, заглушил двигатель. Выкурил сигарету, стараясь вместе с дымом вытряхнуть из себя ненужные мысли и сомнения (последних было больше, чем мыслей, о да, сомнений было хоть отбавляй!). Сделал несколько глотков из бутылки с минеральной водой, поскольку неизвестно, когда мне удастся попить в следующий раз (и удастся ли вообще, вероятен и такой исход, ведь это трасса, а на трассе возможно все). Взглянул на часы. 11.30. До старта оставалось полчаса.

Как я и предполагал, мне удалось заснуть лишь под утро. И это было кстати. Большую часть ночи я провел, штудирюя дорожный атлас: я обнюхивал его до тех пор, пока предстоящий маршрут не стал высвечиваться у меня в голове по щелчку. Во время гонки не будет возможности сверяться с картой; если это делать, то приходится ощутимо сбрасывать скорость. Нашел я и Верхние Татышлы, откуда через тридцать минут будет держать со мной связь Блондинка. Она действительно все рассчитала, выбрала практически идентичные по трудности дороги. Я вспомнил ее брата и усмехнулся. Пока Пуля готовился побить мой рекорд, его сумасбродная сестрица уже затеяла новое ралли. А может, мой рекорд дав-

но побит, просто я пока об этом не знаю. Да и мне все равно.

Пока шло время, я огляделся. По меркам Уфы, без сомнений, дыра, особенно с колокольни баснословно богатой девушки, бороздящей регион на красном «Ситроене». Но все-таки здесь кто-то живет, кто-то считает это место своей родиной, по-своему привязан к нему, даже от безысходности любит. Невдалеке от меня, у подножья невысокого холма, паслись коровы. Двое мальчишек пронеслись мимо на дребезжащих велосипедах, оглядев меня наивно-удивленным деревенским взглядом. А потом – вот чудо! – мимо меня прошла татарская девушка в модных обтягивающих джинсах и блузке с низким вырезом на груди. Ну вот, а вы говорите – дыра. Везде свои модницы и модники, даже среди коров и пастбищ.

Когда я взял в руки мобильник, то вдруг понял, что испуган не на шутку. Куда как проще было бы набрать сообщение, мол, я на старте, готов схлестнуться в гонке. Да уж, вот сидит человек, которому не так давно рукоплескала вся «Сеть», после того как он выдержал 100 км/ч между двумя городами. Знали бы они, эти «птицы» и «рефрижераторы», что этот же тип испугался обычного звонка девушке.

Я высветил ее номер и нажал на кнопку с зеленой трубкой.

– Алло?

– Это Муха.

Я услышал в трубке ее смех и почти расслабился. Мне понравилось, как она смеется.

– Ну а это Ольга.

– Тогда я – Роман.

– Как тебе Аитово?– поинтересовалась она.

– А как тебе Татышлы?– парировал я.

– Видала места и похуже.

– Я думаю, ты много чего видала,– польстил я ей.

– Как и ты.

– Я представляю сейчас эту картину,– воодушевился я.– В тихую мирную деревню вдруг въезжает принцесса на Xsare. Там коровы не разродились от восторга?

– Спасибо за принцессу. Но ты не знаешь, какая я, так что не ври.

– Я слышу по голосу,– запротестовал я.

– Опять врешь,– отрезала она.

– Вру,– согласился я.

Она издала смешок. Ее голос бы слегка прерывист, и я спросил себя, всегда ли он у нее такой, или же это возбуждение от предстоящей гонки.

– Хочу тебя еще раз поздравить,– сказала Ольга.– Десять человек уже пытались повторить твою выходку между городами.

– И как?– спросил я без особого энтузиазма.

– А никак. Ни один не смог.

Это было для меня новостью. Никогда не считал себя заправским гонщиком, тем более не считал себя асом или королем дорог. Да, у меня огромный опыт, как-никак двадцать

пять лет за рулем, но это опыт вождения, а никак не гонки, а ведь это разные вещи. Странно, что до сих пор не нашелся водитель, который прислал бы мне сообщение, типа, туфта, Муха, я смог круче!

– Ну что, Муха? Ты готов?

Вновь в животе все стало скручиваться в тугой узел. И хотя стояла жара, и холм, у которого паслись коровы, защищал меня от ветра, мои ладони вспотели вовсе не от этого.

– Готов, Блондинка.

– Кстати, ты куришь?

– Курю.

– Тогда давай так: спокойно, без нервов, выкуриваем по сигарете, а потом стартуем. Кто первым доберется, звонит другому.

– Договорились.

– И Роман... – В ее голосе пробудились какие-то дьявольские нотки, и мое возбуждение усилилось до предела.

– Что?

– Держи глаза открытыми. Мы не одни.

Я понял, что она имеет в виду.

330 миль.

Первое сообщение пришло ко мне уже через пятнадцать минут после старта. Поначалу я разогнался до шестидесяти, потом до 80 км/ч. Дороги здесь были такие, словно инопланетяне забивали в них исполинские гвозди. Официально они считались «дорогами с твердым покрытием», только покрытие это перемежавывалось с такими колдобинами, что становилось страшно. Вскоре и этого мне показалось мало, и я прибавил до 100 км/ч. Это был максимум на этом участке, мне приходилось отчаянно выкручивать руль, чтобы не угодить в зияющую дыру и не оставить колесо позади себя. Внутри меня прочно обосновалось ощущение, что я еду, как телепень, и вопрос о первенстве уже можно считать закрытым. Картина несущегося на предельной скорости «Ситрое-на» действовала на меня так, словно за мной гнались все жители Аитово с кочергами и палками, чтобы отомстить за то, что я испортил их воздух переработанным бензином. «Максимум брала 180», написала мне Блондинка. Конечно, у нее брат – автогонщик, и уж она-то знает толк в скорости. Вряд ли, конечно, вообще возможно взять такой рубеж на обычной дороге, но все-таки...

Мне писал парень, имеющий чудной логин – Педаль. С ним я никогда не общался, это имя даже не появлялось на

табло моего телефона. Еще одно удивление легким уколом подтвердило то, что вся «Сеть» с нетерпением следит за нами двумя.

<Педадь>: Будешь в Бижбуляке, сворачивая налево, когда увидишь сломанный столб. Там дорога хреновая, но если поедешь прямо, придется возвращаться.

О'кей, Педадь. Салют тебе и долгих лет жизни. Спасибо за напутствие, буду иметь в виду. Не забыть бы только в азарте, а еще из-за того, что до указанного Бижбуляка своих проблем хватало. Мимо мелькнули какие-то скудные постройки. Я подумал, что Аитово может гордиться своим населением и многочисленностью. Напрягши память, я высветил в голове маршрут.

Мишаровка.

Я пронесся по мосту через какую-то речку, названия которой не знал, и еле вписался в поворот налево. Потом резко направо, еще раз налево – в гору. Скорость упала почти до 70 км/ч. Я взвыл от отчаяния, но потом подумал, что забег – он ведь только начался. Если я буду так остро реагировать на каждое препятствие, сойду с дистанции досрочно. Я взял себя в руки, но ощущение погони все равно усиливалось: к жителям Аитово присоединились люди из других деревень, и все они неслись за мной сломя голову.

Вот другим шоферам лафа. Я с ненавистью глядел на иду-

щий навстречу со скоростью не выше 70 км/ч транспорт. Пилят себе в свое удовольствие! А вообще, то, что я никогда не был в этих районах, ни хрена не значило – люди тут ездят, причем довольно часто, насколько я могу судить по интенсивности. Может, вокруг меня красивые места, где можно отдохнуть? Я этого не знал, а приглядеться возможности, конечно же, не было.

Матвеевка.

Дальше трасса шла ровно, словно ее вымеряли по линейке, и колдобины остались за спиной. Рад. Радость несколько омрачало внезапное исчезновение машин – как встречных, так и идущих в ту же сторону. Интересно, куда меня несет нелегкая, почему тут никто не ездит-то? Или это просто время не ездовое?

В любом случае я набрал 120 км/ч, стараясь нагнать упущенное на этих проклятых поворотах время. Едва вдали показался Бижбуляк, я наострился. Еще из атласа я помнил, что тут нет объездных дорог, а по опыту скажу вам, что самое противное, это когда дорога идет через населенный пункт, причем такого мелкого пошиба, где нет указателей, и начинаешь плутать почем зря и теревить прохожих. Мне нужен был сломанный столб. «Мы не одни», сказала мне Блондинка. Да только сейчас я подумал о другом. Что если кто-то, кто болеет за нее (я вообще не удивлюсь, если узнаю, что на

нас делали ставки), сбрасывает мне ложные сведения?

И опять же, вариантов не было – факт есть факт, дружище, сказано тебе про сломанный столб, стало быть, ищи сломанный столб. Нехрен мнить за каждым углом врага с рогаткой. Я влетел в поселок на скорости 120 км/ч, чуть не придавив замешкавшуюся тупицу-курицу. Я напряженно всматривался вперед, ища опознавательный знак, надеясь, что Педаль, по крайней мере, не шутник. Когда я его увидел (не Педаль – столб), меня прошиб пот, настолько сильное накатило облегчение.

Я ударил по тормозам, помня предупреждение насчет хреновой дороги. Да, действительно, участок хуже некуда – его топтали слоны как минимум. Если бы не Педаль, я бы ни за что сюда не сунулся, петлял бы и петлял, а в это время Блондинка ушла бы далеко вперед. Я проехал по колдобинам на второй передаче, а буквально через сотню метров уже прочно стоял на колесах. Еще через минуты две-три поселок оказался за спиной.

Шампанское Педали! Век не забуду.

Дальше по дороге, ставшей извилистой и даже какой-то ломкой. Досадливо сдавил челюсти, поскольку пришлось ощутимо сбавить скорость. Краем глаза увидел, что пришло новое сообщение. Этого парня я знал. Мы изредка с ним переписывались, в основном, по пустякам.

<Труба>: За Базлыком дорога идет налево. Но ты на это дело наплюй, держи прямо. Там грунтовка, сэкономилшь ми-

нут пять.

Пять минут в состязании с Блондинкой – уйма времени. Ладно, Труба. Будем надеяться, что ты был там недавно, и я не наткнусь на какой-нибудь деревенский шлагбаум из оглобель. Кстати, был в моей практике такой случай. На дороге стоял шлагбаум, сварганенный самоделами, а самим шлагбаумом управляли дети из деревни. Пришлось отстегнуть им десятку, чтобы пропустили. Общаясь раньше с Трубой, я никогда не задавался вопросом, откуда он, где любит бывать. Теперь выясняется, что Труба неплохо ориентируется в этих местах (как и Педаль). А может, он именно из этих мест родом? Вновь я задумался: сколько же нас, членов «Сети»?

Дальше думать не пришлось. Все оказалось так, как мне сообщил Труба. Моя нога на мгновение поколебалась между газом и тормозом, а если быть точным – между поворотом и прямой. Я выбрал прямую. Будь что будет. Блондинка говорила, что тоже не знает тех мест, где она сейчас, и я ей верил. Стало быть, и она не застрахована от ошибок.

Грунтовка была на самом деле удобоваримой на скорости этак 40-60 км/ч. Я влетел на нее под 100. Пыль вокруг меня встала столбом, из-под колес вылетала щебенка. Машину сразу же начало «вести» из стороны в сторону. Это никак не повлияло на мою решимость, я ничуть не ослабил нажим на газ. Отчаянно вцепившись в руль, я старался двигаться как можно ровнее. Вот сейчас бы сюда того парня, который считал камешки и после десятого молился. Заколебал-

ся бы считать (как и молиться). Одинокие шоферы, идущие навстречу, глядели на меня очумело. Для меня же они были свидетелями одного – значит там, на том конце, не тупик, ведь едут же они откуда-то.

Ермолкино.

Телефон вдруг начал разоряться, но мне сейчас было не до него. Пришлось повернуть направо; еще вчера, изучая дорожный атлас, я выяснил, что без круговой тут не обойтись – сунуться некуда, разве что в поле. Колеса вновь встали на твердое покрытие, хоть это радовало. Обогнав пару автомобилей, я выровнял машину, набрал соответствующую этому участку скорость и снял телефон.

Вновь незнакомый тип.

<Ястреб>: В Новой Васильевке осторожно. Сразу сворачивай налево, на грунтовку. Если поедешь по дороге, вернешься чуть ли не обратно.

Эх, Блондинка! Уж не нарочно ли ты выискивала на карте такие места? Кстати говоря, именно этот район напрочь выпал из моей памяти, я ни черта не помнил, куда тут нужно рулить. Я точно знал, что мне нужно добраться до деревни Аксеново, и это будет концом наиболее сложной части пути, поскольку дальше до самой Уфы идет прямая дорога.

Кое-как достав сигарету, я прикурил. Интересно, Блондинка курит на ходу? Или она достаточно умна, чтобы по-

терпеть до финиша?

Ястреб оказался толковым помощником ровно наполовину. Свернув, как мне было велено человеком, производящим впечатление сведущего, налево, я оказался на грунтовке. Проблема в том, что сама грунтовка тоже раздваивалась: одна ветка шла прямо, другая вела правее.

Какую? Сверяться по карте? Тормозить? Я решил рискнуть. Надо быть кретином, чтобы думать, будто все пройдет гладко, без риска. Коротко поколебавшись, я двинул автомобиль прямо.

Вновь грунтовка, вновь пыль до небес. Все равно здесь невозможно было разбежаться по максимуму. Продолжая вести машину, я взял карту, развернул ее в нужном месте, положил ее на руль, одним глазом следя за дорогой.

Чудеса какие-то, мне опять повезло! Возьми я правее, я бы тоже выехал куда нужно, но пришлось бы делать ощутимый крюк, а крюк на грунтовке все равно что спущенное колесо. Черт! Я поплевал через плечо и прикусил язык. Не хватало еще накликать беду.

Воздвиженка.

В следующую секунду мое сердце остановилось. Такого небывалого ужаса мне не приходилось испытывать. Выбравшись с грунтовки на ладную дорогу с твердым покрытием, я привычно нарастил скорость до 100 км/ч, продолжая при-

давливать на газ сильнее. В этот момент прямо передо мной возник обрыв.

Я врезал подошвой по тормозам и выкрутил руль. Шины завизжали, машина пошла юзом, и если в прошлый раз я испытал ужас, когда колеса оторвались от земли, то тогда я просто не знал, что такое настоящий ужас. Я летел к обрыву, уже боком, а обрыв, повинуюсь аномальным законам дорог, несся мне навстречу. Я услышал чей-то крик, на минуту полностью заглушивший звуки музыки в салоне. Это вопил я сам.

А потом автомобиль вдруг замер. Я не знаю, как это вышло. Машина замерла, а до обрыва оставался еще хороший метр.

Я вырубил зажигание. Я знал, что теряю время, но мне было плевать. Руки ходили ходуном, сердце kloкотало где-то в горле. Минуту я пытался прикурить сигарету. Мне удалось это лишь после того, как я правой рукой схватил левую, в которой держал зажигалку. Я затянулся, потом, одновременно выпуская дым из ноздрей, затянулся еще... и еще... Я сосал эту сигарету, высасывал дым, как наркоман. Постепенно в голове прояснилось. Я понял, что произошло. Крутой поворот, и я проморгал знак. Я просто просмотрел его в запале, надо полагать, он был где-то за спиной. Или его не было. Или он был просто незаметен.

Мимо меня протрясся молоковоз. Водитель с неудовольствием оглядел мою раскоряченную поперек дороги тачку,

но не стал бибикать в гнев, просто объехал. Мир тебе, аксакал. Кати дальше.

Ожил телефон. Я прочитал sms-ку.

<Ястреб>: За Воздвиженкой крутой поворот.

Почти своевременно, твою мать! Я вошел в «меню» телефона и со злости заблокировал этого абонента. Но тут же, поразмыслив, снял блокировку. Хреновый он помощник или нет, но дороги тутошные он знает. Мало ли что еще ждет впереди.

Я подумал о Блондинке. Несмотря на то, что она назвала мне свое имя, я продолжал в мыслях называть ее так. Где она сейчас? Несется по дороге? Или вот так же стоит у обочины, куря сигарету за сигаретой, пытаюсь унять дрожь? Нестерпимо захотелось ей позвонить, но я знал, что этим испорчу всю игру.

Я сомневался, что смогу продолжить гонку. Смог. Сам удивился, насколько легко. Выровнял машину. Двинул вперед.

Челноковка.

Скорость росла, а вместе с ней росло мое самообладание. Я должен был спешить. Не потому, что жажду победы – скажу честно, я ее вовсе не жаждал. Просто, как бы это поточнее сформулировать, – гонка есть гонка. А мой противник – всего лишь женщина, и уж если она не побоялась бросить

вызов дороге, то и я не сдрейфлю.

Преодолев несколько километров, я отважился включить музыку. Трансовый ритм наполнял меня энергией. Дорога пошла вся в рытвинах, и пару раз я ощутимо вляпался в яму. Что ж, без издержек тоже не обойтись.

Самодуровка.

Там, по всей видимости, дурят. Ладно, проехали. Еще совсем немного, и я окажусь на ровной трассе.

Развилка. Я оказался на дороге с куда более качественным покрытием и свернул налево. Вновь заговорил мобильник. Я думал, это опять тупорылый Ястреб со своими советами, но это оказалось новое причудливое имя.

<Поворот>: На развилке у Аксеново менты.

Коротко и ясно. Развилка почти под носом; я ее не видел покуда, но помнил из карты. Тут же встречная «десятка» приветливо мигнула мне фарами.

Знаю уже. Поворот сказал. Не знаю Поворота (может, у него фамилия такая – Поворотов, отсюда и логин), но он, как и все, принимает живейшее участие в соревновании. На нашем ралли не было зрителей, никто не подбадривал нас криками, не крутил динамо. Но я все равно чувствовал себя окруженным со всех сторон болельщиками и просто зеваками. Получается, Поворот этот только что проезжал мимо и на всякий случай решил уведомить меня об опасности.

– Граждане, передайте привет Ястребу, – буркнул я с криковой ухмылкой. – И да пусть он сверзится в кювет.

Они действительно там ошивались и смотрели на всех подозрительно, эти храбрые люди в форме. Они могли торознуть и меня, несмотря на допустимую скорость и скорбно-послушнический вид, но они этого не сделали. Только проводили меня подозрительными взглядами, о чем-то подозрительно пошушукались. Мир и вам тоже, други. Патрулируйте дальше.

Вправо. Новая трасса. Ну, милая Блондинка, теперь начинается самое интересное.

Бикчагул.

На этом этапе меня интересовали лишь предупреждения о постах ГИБДД. Дальше дорогу я знал. Я уже проезжал по ней как-то, разумеется, не в таком темпе. Опять же, мне говорили о направлении указатели.

Я придавил педаль газа. Вспотевшие ладони соскальзывали с руля, я периодически вытирал об одежду то одну, то другую руку. Я мчался к месту назначения, к финишу, но мысленно я не представлял себе кубок победителя. Я мчался на свидание. Ну, а пари, придуманное Блондинкой – всего лишь обертка, чтобы было интересней.

Слак.

Курить хотелось смертельно, но я терпел. Я смогу вволю обкуриться километров через 12-14, здесь же предпочтительней следить за дорогой в оба. Ну и за машинами тоже, которых тьма. Это вам не Аитово, где интенсивность даже измерять нет смысла: равна нулю или даже «минус один».

ШАФРАНОВО.

Не успел я подумал об интенсивности, как за мной увязалась «99». Я обогнал ее, и водитель, судя по всему, почувствовал себя уязвленным, а потому припустил за мной, чтобы восстановить справедливость. Я выжимал газ до упора, но тот, что пыхтел мне в затылок, выжимал тоже. Он хотел меня обогнать, ясен перец, чтобы показать наглядно, кто в доме хозяин. Он думал, я от него убегаю, олух неотесанный.

Он как раз успел меня догнать, когда перед нами вырос знак-ограничитель, а чуть дальше показался мост. Если мне не изменяет память, это река со странным названием Курсак. «99» пришлось сбавить темп, мне оставалось мысленно зажмуриться и выдерживать прежнюю скорость.

Миновав мост, я потерял в зеркальце заднего вида прилипчивую «99». Может, он смекнул наконец, что я беспредельщик конченный и со мной лучше не играть наперегонки. Жаль, что он пропал. Своим преследованием он держал меня в тонусе, не позволял забывать, что я – гонщик. Благо-

даря ему я бы ехал быстрее.

РАЕВКА.

Левее. Теперь везде нужно брать левее, во всех ближайших населенных пунктах объездная дорога уходит влево. Раевка была огромной в сравнении с предыдущими населенными пунктами, но у меня не было возможности разглядывать ее издали. Дорога немного склонилась вправо, как от дуновения ветерка клонится стебель, а потом резко выпрямилась.

Теперь держись, скомандовал я самому себе и навалился на газ. Около 20 километров ровной трассы простиралось передо мной, и я намеревался выжать из этой «стрелы» все возможное. Ведь и у моей соперницы тоже будут попадаться такие прямые участки. В который раз перед глазами мелькнула картина несущегося на скорости 180 км/ч «Ситроена», у меня даже голова закружилась. Нет, вряд ли. Тут особо не разгуляешься – только не с таким движением на трассе.

Теперь я закурил. Моя скорость была такой, что я боялся лишней раз отцепить от руля даже одну руку. Я, как инвалид, курил сигарету, сдувая пепел перед собой – на руль, на приборную панель, на свои колени. Напряжение усилилось, не помогала даже музыка. Если бы только дорога была свободной! Если бы...

В этом вся сложность. Вот какой-то трактор впереди ме-

ня, а навстречу, как назло, поток машин, и дорога узкая – ни справа не подлезешь, ни слева. Кружочек с цифиркой на задку трактора заставил меня заскрежетать зубами. 30. То есть для тех, кто в этих делах не смыслит, поясняю: это его скоростной ограничитель. Ну не можно тракторам сигать со скоростью больше 30 км/ч, развалятся они. Учитывая встречный поток, я мог бы с таким же успехом пришпандорить аналогичную цифру себе на лоб.

Мне вспомнилось мое первое ралли в начале недели, которое вышло спонтанным, даже невольным. Тогда я влупил свет дальних фар и нажал на клаксон, чтобы водитель посторонился. Тут я мог запускать фейерверк, палить из ружей и учинять сотню подобных вещей: я знаю этих водителей, им хоть кол на голове теши, они как в танке.

Еле-еле дождавшись «окна» во встречном потоке, я нырнул в него. Встречная «десятка» рывкнула на меня, водитель помахал кулаком. Прости, товарищ. Нужно очень, не до тебя. Обойдя трактор, я восстановил прежнюю скорость, но ощущение, что я не выжал из этой прямой трассы все 100%, испортило мне настроение.

ДАВЛЕКАНОВО.

Дорога шла параллельно железнодорожной ветке. Впереди на обочине выросла фигурка человека с вытянутой рукой. Человек знаком просил подвезти его, – он устал, а идти да-

леко. Да уж, дружок, ты не знаешь, на что напрашиваешься. Тебе бы пообщаться с той девчонкой, которую судьба упекла ко мне в машину, когда у меня снесло крышу, и я задумал прокатиться между городами с ветерком. Сейчас та моя сумасшедшая гонка казалось детской проделкой. А еще есть один парень в «Сети», который свято верит, что подбирать в дороге попутчиков – к несчастью.

Я пронесся мимо человека на обочине. Было мгновение, когда наши с ним глаза встретились, и прежде, чем оставить его позади, я успел заметить, как человек испуганно отдернул руку.

Черт возьми, как это называется? У меня что, лицо такое, что этот бедолага так перепугался? Я слегка подался вправо, поглядел на себя в зеркальце, в котором я обычно ловлю приближающиеся сзади автомобили. Лицо как лицо. Глаза слегка сверкают, но до безумца далековато. Может, этот тип испугался вовсе не меня? Может, кто-то сидит сзади на пассажирском?.. Кто-то, кто непременно сопровождает водителей, учиняющих на трассах беспредел...

Вперед.

Нет, это я не сам себе команду, это поселок такой. Не имею представления, с чего его вдруг так обозвали и что это означает. Хрен с ним: неподалеку от этих мест есть деревенька под названием «Мочилки». И если в Самодуровке дурят,

в Косяковке косячат, то там... сами понимаете. Лучше не соваться.

Причудливых названий у нас хоть отбавляй. Есть деревня Ташкент и есть Париж. Есть Тартар и есть Прогресс. Есть Сбродовка и даже Новая Сбродовка. Есть Пришиб и есть Дурасово. В Балтачевском районе есть поселок Малонакарякино. Есть деревня под названием Реветь (не знаю даже, куда ударение ставить). Под Уфой есть три рядом расположенные деревни: Волково, Зайцево и Блохино, – как три партнера за игральными картами.

Шингак-Куль.

Влево. Короткая объездная, снова – вдоль железнодорожной ветки. Теперь мне стало мерещиться, что мой автомобиль летит над землей, не касаясь асфальтового покрытия. Я вжился в бешеную скорость гонки, я породнился с трассой, мы стали с ней одним целым. А мой автомобиль стал посредником, своеобразным переводчиком между нами, чтобы мы могли понимать язык друг друга. Дорога оживала; она, как родная, подставляла мне ладони, переносила через труднопроезжие места целым и невредимым, выравнивала для меня ямы. Наверное, это апофеоз моей дорожной жизни, апофеоз меня самого, как водителя, как патологического автомобилиста...

Знал бы я тогда, что мне еще предстоит пережить.

Где-то там, правее, идут болота, а еще дальше протекает речка Дема. Живописные места, как и тысячи таких мест по Башкирии. Жаль, что я не могу сбавить скорость и насладиться пейзажем. А впрочем... Преступно загадывать, знаю по опыту, но если мы действительно встретимся с Ольгой... Дети дорог вместе, черт возьми, я даже представить не могу, как это будет здорово.

Я проверил свой мобильник. Нет сообщений. Сеть знала, что здесь проблематично заблудиться, и если меня все же угораздит, значит, быть мне пешеходом. Я мысленно поблагодарил всех участников гонки, что они не забрасывают меня мусором, типа подбадриваний или дружественно-наставительных приколов. Молчал и тупорылый Ястреб. Хотя не факт, что он в данный момент не пудрит мозги Блондинке.

ЧИШМЫ.

Перед Чишмами ко мне пришло одно-единственное сообщение. Прислал его человек, помощи от которого я меньше всего ждал. И если существовала вероятность, что кто-то может слить мне подставу, то он целиком попадал под эту статью.

<Пуля>: В Чишмах – по указателям.

Мне предстояло пересечь еще один населенный пункт – нет объездных, не провели еще. А по поводу указателей... Они никогда не сбивают и никогда не врут. Это единствен-

ное, что сработано на нашей родине-матушке на совесть, ибо от указателей зависят судьбы и даже жизни. Об этом знает каждый автомобилист: в какое бы захолустье тебя не занесло, следуй указателям, не ошибешься. Можешь выкинуть свою карту, но не игнорируй указатели. Если перед тобой встанет выбор, верить человеку или дорожной стрелке, – смотри выше.

Да только у меня была ситуация сложнее, чем у обычного шофера. Я знал об указателях. И Пуля знал. Более того, он знал, что и я знаю.

Навязывается подозрение: зачем вообще возникать?

Думать некогда, я уже въезжал в поселок. Подобравшись, я озирался по сторонам, ожидая подвоха. Неужели именно здесь существует исключение из общего правила, и указатели уведут меня в деревню Дураково в тридевятое царство?

Не случилось ничего странного. Совсем. Свернул налево, повинувшись указателю. Это я и без него знал, помнил по карте: здесь придется делать крюк, иного пути нет. Я летел в сторону трассы, что соединяла два крупных города Башкирии – Уфу и Туймазы. Там мне нужно будет повернуть направо, а затем – последний перешеек, ведущий к финишу.

Вновь я спросил себя, зачем Пуля прислал мне sms-ку? Дружеская поддержка? Да ладно, неужели? Вообще-то, он сейчас должен всей душой болеть за сестру. Вне сомнений Пуля знает, где сейчас Блондинка, он может вполне сопоставить шансы. Был ли это намек на мое скорейшее поражение?

Или дань победителю?

АЛКИНО-2.

В душе не имею представления, где существует Алкино-1, знаю одно: до финиша доплюнуть. Нервно поглядываю на мобильник. Вот-вот может зазвучать мелодия звонка, я нажму на кнопку, и в трубке раздастся слегка срывающийся голос Блондинки: Ну как ты там? Ползешь? А я уже на месте!

Но телефон молчит. А у меня открывается второе дыхание. Закон организма действует и при езде. Или же во всем виноват автомобиль, ведь, как сказал Марат Ибрагимов, в каждой машине существует нечто вроде души. Тот чувак на обочине, который отдернул руку... Он мог видеть у меня в салоне ее живое воплощение.

Передо мной оренбургская магистраль. Тут нет смысла лавировать и выгадывать секунды. Машины стягиваются со всего региона, и остается только двигаться в общем потоке. Я притормозил перед светофором – красный свет, персонально для торопыг, чтоб неповадно было. Стою, кусая губы и барабаня пальцами по рулю, привлекая внимание сотрудников ДПС. Я заставил себя принять скучающий вид. Если уж случайный человек, голосующий на обочине, шарaxнулся от моего вида, что говорить про натасканных постовых. Не знаю, получилось у меня или нет, но по крайней мере ближайший сотрудник переключил внимание на другие авто.

Налево. Вместе с сотнями, тысячами машин в столицу Башкирии. Я помню, какая красота при въезде в город ночью. Хотя сейчас что об этом говорить. Стоит день, и я вдруг подумал, что даже не представляю, сколько сейчас времени. За весь путь я брал в руки телефон раз тридцать, но в пылу гонки даже не подумал взглянуть на часы. Сколько прошло времени с того момента, как из села Аитова я отзвонился Блондинке, чтобы сказать, что готов к старту? Мне даже не верилось, что я был там совсем недавно, я словно успел прожить несколько жизней.

УФА.

Мост через реку Белую. Я покосился на мобильник. Молчит. Я вижу, вижу, вижу заветный Монумент Дружбы. Я его вижу, а через пять минут я к нему подкатываю.

Здесь нет возможности остановиться, поэтому я проехал чуть дальше по улице Сочинской, где и затормозил. Заглушил двигатель. Положил руки на руль и так сидел минуту без движения. Мне казалось, что от машины, впрочем, как и от меня, валит пар.

Телефон молчал. Я огляделся. Сплошной поток машин проносился мимо меня – машинная лава, иначе и не назовешь. Людей плачевно мало в этой крайней точке города, но чуть подальше – я знаю – их будет столько, что запестрит в глазах. Я наведываюсь сюда изредка, как гость. Не имея воз-

возможности жить в столице, я стараюсь хотя бы прикоснуться к столичной жизни во время путешествий.

Телефон молчит. Я подождал еще немного, а потом взял его и набрал номер.

– Алло?

– Я на месте.

В трубке ее жизнерадостный смех.

– Тебе придется подождать. Я только-только подъезжаю к Уфе. Ты выиграл, Муха.

300 миль.

Мы лежали рядышком на широкой постели в номере одной из гостиниц города. Блондинка обо всем позаботилась заранее. Она знала, как знала всегда, на трассе я или нет, что после гонок мне будет не до баров, ресторанов и кафе. Номер был уже забронирован, и здесь мы больше шести часов. В воцарившейся паузе я слышал ее горячее дыхание, ощущал его плечом, к которому она прижалась.

Она оказалась именно такой, какой я ее представлял. Я никогда не думал, что она красавица, хоть портреты пиши. Но я знал (уже не вольнодумствовал, а знал), что едва я ее увижу, мое сердце дрогнет. Я знал, именно знал, что ее внешность неординарна, и стоит ее увидеть один раз, ее уже не забудешь никогда.

Хоть мы и условились о месте встречи, не забывайте, что это Уфа. В таком городе, не имея мобильной связи, рассчитывать на свидание бессмысленно. Минут двадцать я ждал, сидя в машине, разглядывая панорамы. Потом она опять позвонила.

Я быстро вылез наружу и обрисовал ей ориентиры. И тут же я ее увидел. Я увидел машину, истинную француженку, которая выделялась из всеобщего потока двумя деталями: своим изяществом, а также тем, что Блондинка гнала, с лег-

костью обходя другие машины (многие сторонились, уступая ей дорогу, выражая свое почтение перед ее изяществом, я заметил это даже за такой короткий промежуток).

Я замахал рукой, о чем и сообщил в трубку.

– Вот я, возле машины, машу рукой!

– Ага, вижу.– И она отключилась.

Я наблюдал за ней, не отрывая глаз. За ее легкой маневренностью, за ее грацией. Она подкатила к обочине метрах в тридцати впереди меня. Я захлопнул дверцу. С замирающим сердцем двинулся ей навстречу. И даже видя ее издали, я знал: она именно такая. Да, такая, как я думал.

Когда до нее оставалось шагов пять, произошло нечто странное. Ольга улыбалась, глядя на меня, идущего к ней; она была возбуждена минувшей гонкой, это чувствовалось по румянцу на лице, что придавал ей еще большее очарование – да, она вполне соответствовала своему автомобилю, вдвоем они дополняли друг друга. Даже простая джинсовая одежда, которая так удобна в дороге, не скрывала ее ухоженности.

И вдруг ее лицо напряглось. Румянец исчез, и если на его место пришла не озадаченность, то что-то близкое к этому. Она как будто узнала меня, как будто вспомнила. Но она не могла меня вспомнить, мы никогда не встречались. Перемена длилась секунду, один миг; не пожирай я ее глазами, я бы ничего не заметил.

Не успел я испугаться, как все вернулось. Засветилась

улыбка, на щечках заиграл румянец.

Но я помнил, что я видел.

Я пытливо заглядывал в ее карие глаза. Ветер трепал ее распущенные волосы, несколько раз ей пришлось убирать их с лица. Я боялся, что сейчас она скажет: извини, Муха, ты не в моем вкусе. Спасибо, мол, за езду, за гонку, за долгое общение, но теперь – пока. И голос у нее будет не прерывистым, а холодным.

– Здравствуй, Блондинка.

– Здравствуй.

Тушуясь, я просто протянул руку. Она пожала ее – сдержанно и вежливо.

– Поздравляю с победой.

– Сердишься?– Шутливым тоном я пытался скрыть свою нервозность.

– Я знала, что ты победишь.

Я не понял, всерьез она говорит или это тоже вежливость.

– Мне не нужна была победа,– серьезно сказал я.

– И это я тоже знаю.– Ее улыбка немного померкла, а в глазах зажглось новое выражение. Проклятье, сколько девчонок у меня было за мои тридцать холостяцких лет! И вот я встречаю ее, и чувствую себя мальчишкой. Абсолютно не могу предугадать, что она почувствует, о чем она подумает. – В этом и парадокс.

– Парадокс?

Она пожала плечами. Потом рассмеялась.

– Ты как Моцарт. Тот тоже никогда не считал себя гением, не стремился даже к этому. Писал, можно сказать, от нечего делать.

– Моцарт дорог...– Я хмыкнул.– Такое я мог услышать, наверное, только от тебя.

Прямо передо мной стояла сказка, а рядом – стояла еще одна. Даже дорожная пыль не смогла приглушить очарования и блеска Хсагы. Машина выглядела компактной, можно сказать, портативной, но из рассказов я знал, что там внутри свободного места более чем достаточно. Парадокс, как сказала Ольга. Если уж говорить о парадоксальности, то это она сама и ее машина.

Я не удержался, сделал шаг вперед, заглянул внутрь. Внутри все было овальным и мягкообтекаемым. Ни одного острого угла. Еще я знал, что в ней, в этой модели, собраны все мыслимые достижения человечества для защиты при аварии. Ужасно захотелось попроситься внутрь, как 12-летнем пацану, но я не решился.

– Ну? Ты все разглядел?

В ее глазах бегали чертики, и я понял, что это намек. Радует, что я понял хоть что-то.

– Вы обе – само очарование,– искренне признался я.

– О, опять красивые слова! Ладно, герой, поехали.

– Куда поехали?– Я не хотел никуда ехать. Впервые в жизни, черт возьми, я устал от езды.

– Держись за мной, сам увидишь,– сказала она, а потом с

ехидцей добавила:– Я постараюсь не гнать.

И вот теперь я лежал в тишине гостиничного номера и спрашивал себя: верю ли я в то, что произошло? Верю ли я, что это не сон, не забытье? Что на самом деле я не лежу где-нибудь на обочине в искореженной машине, истекающий кровью, а все это – галлюцинации, бред умирающего, так и не добравшегося до своего счастья? Даже встреча невдалеке от Монумента Дружбы стала прозрачной, еще прозрачнее – деревня Аитово, и уж совсем небывалым казалось ее первое сообщение год назад.

Привет! Как трасса?

Боясь потревожить девушку, я осторожно пошевелился и заглянул ей в лицо. Закатное солнце, с трудом проникающее сквозь задернутые занавески, делало ее лицо смутным. Но мне хотелось софитов. Я хотел смотреть и смотреть на это чувственное личико, впечатать в память каждую ее черточку. Ольга лежала с закрытыми глазами, ее дыхание было спокойным и свободным, как она сама. Я знал, что она устала смертельно: сначала гонка, потом – пылкие любовные игры вдвоем.

– Спишь?– шепотом спросил я.

– Нет, конечно.– Она улыбнулась, не открывая глаз.– Разве можно уснуть после всего этого. И потом – я сова.

– Можно нескромный вопрос?

– Победителю можно все.

– Ладно... Когда ты заказывала номер в гостинице, ты

ведь еще не знала, какой я.

– Хочешь сказать: вдруг бы ты оказался страшеньким и гаденьким?

В памяти всплыли слова девушки, зарегистрированной в «Сети» под логином Лада. Если победишь, я тебе отдамся, даже если ты страшный, как черт с кочергой. Неужели в этом вся правда взаимоотношений между полами? Неужели для того, чтобы иметь возможность обнимать такую девушку, как Ольга, нужно быть победителем, нужно взойти на Олимп? А если ты сверзился, если проиграл однажды: все кончено, она отвернется от тебя, отвернутся все.

Нахлынуло, хоть плачь. Я молчал, и Ольга удивленно открыла глаза. Наверное, по моему напрягшемуся лицу она поняла все без слов.

– Дело не в победе, Роман,– сказала она мягко.– Для меня она ведь тоже была не важна. Не скрою, я гнала, как сумасшедшая, один раз чуть не вылетела на «встречку». Но это азарт, понимаешь? Азарт, а не фанатичное желание быть везде первой.

– Тогда как ты узнала, каким я окажусь?

– А я и не знала,– ответила она и рассмеялась.– И гостиница тут вовсе не показатель. Мы в любом случае приехали бы сюда. Но мы могли просто пить вино и болтать до утра.

Я понял, что она подразумевает, и ухмыльнулся.

– А если бы я на тебя набросился?

– А я умею за себя постоять.– Она помолчала, а потом

доверительно шепнула:— Даже когда мы уже были здесь, я не знала точно, буду я твоей или нет.

И вновь я в замешательстве. Но допытываться дальше глупо. Я спросил, она ответила. Как могла, искренне. Что еще можно требовать друг от друга в первый день знакомства? Лезть в душу? Я не чувствовал готовности вывернуться перед ней наизнанку, рассказать, к примеру, о том, как бороздил проклятую улицу Гоголя в поисках Алены, или как трахал незнакомую девчонку на сиденье после первого ралли.

Я вспомнил кое-что и встрепенулся.

— Слушай, может, ты мне объяснишь, с чего вдруг твой брат стал мне помогать?

Она уставилась на меня с изумлением.

— Помогать?!

— Ну, вроде того.— Я даже смешался.— Правда, он прислал мне только одно сообщение, причем, знаешь, не совсем логичное.

Она отвернулась и задумалась. Я ждал, перебирая в пальцах ее светлые волосы.

— Помнишь, я тебе писала, что он поклялся обыграть тебя в ралли?— спросила она после недолгого молчания.

— Да. А потом ты говорила, что десять человек уже пытались.

— Вот именно. Пытались. Я никого из них не видела, но знаю об этом. А он мой брат... И я понятия не имею, сдержал он клятву или нет.

– А ты спрашивала?

– А бесполезно. Если он не хочет отвечать, хоть бомбы взрывает – не станет.

Меня это немного озадачило, но я не понимал, куда она клонит.

– Хочешь сказать, что он мог тоже пытаться, но не смог?– осторожно предположил я.

Она коротко стрельнула глазами в мою сторону.

– Дело не в этом. Десяти человек уже самих по себе достаточно.

Она опять замолчала.

– Достаточно для чего?– недоуменно спросил я.

– Для подтверждения. Или даже так: для утверждения тебя в победителях.

Я поморщился.

– Да уж, угораздило меня. Оля, скажу тебя честно. Никаким геройством тут не пахнет. Это был нервный срыв. Истерика. Да, такая вот своеобразная автоистерика. Я до сих пор не понимаю, как мне удалось удержаться на кольце при развороте.

Она уставилась на меня.

– А ты сам не думал об этом?

– Ну...– Я смешался.– Я задавался вопросом, конечно. Но не то чтобы думал.

– А ты не думал, что есть что-то такое между тобой и дорогами? Какая-то связь. Родство. Дорога сама идет тебе на

уступки?

Я медленно покачал головой. Нет, такое мне в голову не приходило. И вдруг я осознал, осознал ярко, насколько мы с ней дополняем друг друга. Как мы похожи. Прямо-таки до жути.

– Интересно, за какие заслуги?– пробормотал я.

Она пожала плечами.

– Ну и когда брат узнал, какое ралли мы с тобой задумали...

– Ты задумала,– перебил я ее.

– Я бы никогда не задумала без тебя,– отмахнулась Ольга. – Идея-то твоя изначальная. В общем, когда он узнал, то заявил, что лично не будет в этом участвовать. Он поддержал мою идею выставить нашу гонку на всю «Сеть», так намного интереснее. Но сам помогать отказался. Я-то думала, он встанет на мою сторону. А он вообще ни на какую не встал. Я пока ехала, мне пришло сообщений, наверное, сто. Он молчал.

– И почему?– Я был целиком заинтригован.

Она немного подумала, прежде чем ответить.

– Знаешь, есть такие люди... Они всегда остаются немного загадкой. Живешь с ними всю жизнь и все равно чувствуешь, что не знаешь их до конца.

Я кивнул. Есть такие. Одного я мог назвать: приятель Марата Ибрагимова, который встретил смерть на трассе.

– Вот он именно такой. Весь в себе. Он же старше меня,

так что я не могу помнить его пускающим соплю и какающим в горшок, он для меня всегда – высота. Мне кажется, что это оттого, что мозг таких людей находится в постоянной балансировке. Они словно на кончике ножа – всю жизнь. Даже сами не знают, что им придет в голову завтра. Иногда мне кажется, что он любит меня не как сестру, а как дочь. И это странно хотя бы потому, что матери у нас разные.

– А сколько ему?

– Ему 36. И по национальности он чистый татарин. А я наполовину русская, наполовину татарка.

– Да ну!

– Точно.– Она рассмеялась.– Просто я – копия мамы, от отца ничего нет. Когда умерла первая жена, отец выбрал женщину вдвое моложе себя. Тогда ему было под сорок, а сейчас – 65.

– А как зовут твоего брата?

– Не все сразу.– Она мягко мне улыбнулась.

Мне хотелось спрашивать и спрашивать. Мои сведения о ее семье были скудными, почти туманными. Я знал, что отец ее – крупная шишка, едва ли не олигарх. Как он достиг теперешних высот? Кем он был в юности? Коммунистом? Беспартийным? Цеховиком? Каким было детство Ольги? Родилась ли она в роскоши, или ее семья в те годы только-только начинала восхождение к богатству и власти? Почему ее брат, вместо того, чтобы сидеть где-нибудь в кабинете, выбрал рискованный путь автогонщика? В каких ралли он при-

нимал участие? У меня на языке вертелась тысяча вопросов, но тут внезапно Ольга прижалась ко мне, и я ощутил ухом ее пылкое дыхание.

– Я хочу еще. Очень.

Все мои вопросы исчезли, словно кто-то использовал функцию «стереть сообщения» на мобильнике.

– С удовольствием.

– Но только не здесь...

– В смысле?– Я опешил.– А где еще?

– Одевайся. Поехали.

270 миль.

Дорожная трасса уходила вперед на тысячу световых лет. Ночь липла к обшивке автомобиля. Мотор ворковал нежную песню. Миллион огней пронеслось мимо нас: миллион машин спереди, миллион машин сзади, навстречу и в ту же сторону.

Но мы были одни. Мы были одиноки на этой бесконечной дороге. Я это чувствовал.

– Ничего не спрашивай. Просто езжай.

Вот и исполнилась еще одна мечта: элегантная Xsara в моем полном распоряжении. Я сижу за рулем автомобиля, принадлежащего Ольге, но ощущение такое, будто он мой собственный. В первое мгновение, когда я понял, что мне предстоит вести «Ситроен», я оробел. Она была такой... такой утонченной, эта машина, что я, привыкший к своей «девятке», почувствовал себя варваром. Но стоило мне только сесть за руль, как чувство исчезло. Салон располагал к себе, он протягивал мне руки, обнимал меня, успокаивал. Точно так же, как это делала совсем недавно сама Ольга.

Машина летела вперед, держась за дорогу с какой-то кошачьей цепкостью. Здесь, на выезде из столицы, не место тишарям: движение мощное и сплошное, даже сейчас, когда почти ночь. Перед тем, как выехать с гостиничной стоянки, я

заскочил в свою «девятку» за музыкальным диском. Я хотел послушать музыку в «Ситроене», но больше я хотел разделить свое пристрастие с ней.

– Куда мы едем?

– Ничего не спрашивай. Просто езжай.

Я еду. У меня дрожат пальцы от предчувствия чего-то великого, чего-то настолько дьявольского, насколько дьявольскими могут быть дороги. Я не знаю, что меня ждет, я просто повинуюсь ей, моей Блондинке. Впереди КПП. С 23 часов здесь действует правило, предписывающее каждому водителю остановить свою тачку, встать в очередь и зарегистрировать себя и автомобиль. Глупое правило, как и многое, что я встречал на трассах, но правило есть правило. Не я его выдумывал, чтобы оспаривать.

Я начал перемещать ногу с газа на тормоз, но Ольга резко бросила:

– Не тормози. Мою машину знают.

Ничуть не сомневаюсь в этом, подумал я, притопив газ. Вот только что они сделают, если заметят за рулем машины незнакомого типа с провинциальной мордой? От Ольги исходили волны опасности и возбуждения. Я хочу еще. Очень. Что она задумала? Секс на обочине дороги под покровом темноты? Это единственное, что приходило в голову. И где это произойдет? В Аитово? На переднем или заднем сиденье? Рассказы оказались достоверными: салон «Ситроена» был действительно просторен, маневр возможен. Я начал за-

водиться. Ну и она, конечно же, уловила это чутьем дорожной волчицы. На мое бедро легла ее ладонь. Даже сквозь джинсы я чувствовал, насколько она пылающая.

Контрольный пункт мы миновали без заминок, а там, за КПП, нас ждала сударушка-ночь. С каждым новым километром темнота сгущалась, а машины, что совсем недавно текли сплошной лавой, редели. Вот их не стало вовсе. Я часто замечал эту странность. Я не знал ответа на вопрос, куда девается это сонмище. Быть может, все они направляются в сторону близ расположенных деревень? Перед нами простиралась пустынная трасса, и я переключил ближний свет фар на дальний.

Я услышал, нет, скорее почувствовал шорох ее одежды. Мое возбуждение резко усилилось до разрыва осколочной гранаты, ударило в голову, вызвало помутнение в глазах. Я не смел повернуть голову, но я знал и так: она сейчас раздевается. Она справилась с одеждой легко и изящно. Вновь я почувствовал на бедре ее раскаленную руку.

– Только не останавливайся, умоляю...

И это «умоляю» припечатало мою ногу к педали газа так, словно ее прибили гвоздем.

Ее рука скользнула по моему бедру выше. Ловко расстегнула мне брюки. Мне оставалось лишь чуть приподняться, чтобы она смогла их спустить. Мелькнула отчаянная мысль, а как же, черт возьми, я смогу управлять машиной. Но в ритмах музыки, в реве моего возбуждения мысль показалась

дымком, который тут же и развеялся.

В салоне не имелось острых углов. Все плавное и обтекаемое. Ольга легко скользнула через ручку коробки передач. Я вел машину по ночной трассе, уничтожая вблизи ночь светом дальних фар, а на моих коленях сидела обнаженная женщина.

Она обвила мою шею руками, склонила голову к плечу, чтобы мне хоть как-то было видно дорогу. Ее губы были совсем близко от моего уха, и, когда я вошел в нее, то услышал наполовину стон, наполовину всхлип.

– Не останавливайся, умоляю...

Я подумал, что тут же и закончу все то, что она начала. Мне нужно было что-то делать, нужно было обойти свой оргазм, нужно было обогнать его. Мне нужно было... и я вдавил педаль газа. Я должен, ведь смог же я когда-то обогнать боль девушки из чужого города. Ведь смог же, я знаю это, несмотря на мои терзания и сомнения, я знаю, что смог. Именно поэтому она исчезла. И теперь я сделаю то же самое, но только для себя.

Сквозь пелену тумана, стоящего перед глазами от возбуждения, я увидел приближающийся свет фар. Кто-то шел мне навстречу. Вот он недовольно мигнул, напоминая, что мне следует переключиться на ближний свет и перестать его слепить. Прости, друг. Я ничего не мог поделать. На мне стонала обнаженная красавица, женщина, какой больше нет в мире. Его свет тоже ударил по глазам, ослепил. Я закричал, не

то от страха, не то от наслаждения. Руки вцепились в руль. Я уже не знал, проклятье, на какой полосе нахожусь, и может быть, сейчас мы столкнемся и расшибемся насмерть.

Он пронесся мимо, издав злобный и протяжный рев клаксона.

– Быстрее, милый! Быстрее!!!

И я не знал, относится ли ее крик к моим встречным движениям бедрами или же к моей езде.

Ее волосы забили мне глаза. Я давил на газ, летел вперед, я обгонял свой оргазм, зная, что не могу себе позволить все испортить. Это ее танец смерти, только ее, а я – всего лишь средство.

– Быстрее!!! Еще!!!

Я летел вперед, вцепившись в руль крабом. Оставшейся частицей рассудка я понимал, что машину водит из стороны в сторону. Достаточно одного автомобиля, идущего по встречке. Мы разобьемся вкляп. «Ситроен» напичкан всевозможными защитными механизмами, но на этой скорости они все бесполезны. Нас сплющит вместе с механизмами в лепешку, и мы умрем друг в друге.

Однако остановиться я не мог. Оно возбуждало меня, это понимание, эта близость смерти, возбуждало как никогда в жизни. Я сумел обогнать свой оргазм, он плетется сзади и настигнет меня, только когда я позволю. Теперь же мне предстояла новая гонка. Я должен был обогнать свою смерть.

Нашу смерть.

Ее танец стал неистовым. Она окончательно потеряла голову. От бешеного возбуждения, от бешеной скорости. Она не могла вручить свое тело этому танцу без остатка. Каким бы ни был просторным салон машины, этого простора было недостаточно. Она не могла выпрямиться, продолжала прижимать голову к моему плечу. Тем не менее моя кровь уже пропитала обшивку ее сиденья. В безумии Ольга расцарапала мне все плечи.

Вдруг она закричала, истошно и яростно, заглушив все вокруг: звуки музыки, шум мотора, мои собственные стоны или молитвы. Ее тело сотрясало на мне, крик длился бесконечно, он пронзил всю Вселенную, разнесся по неисчислимым дорогам мира, ушел в глубину. Еще много веков люди будут полупшепотом рассказывать, как однажды ночью они слышали крик под дорогой, в глубине земли – и это будет ее крик, который никогда не умрет. Дорога впитала его в себя и сохранила навеки. Я не могу представить, какой силы оргазм пронзил ее. Она кричала и кричала, а я все это время не видел дороги перед собой, и мне оставалось положиться на судьбу. А еще на скорость. На то, что Xsara окажется достаточно быстрой, и мы сумеем оставить смерть позади.

Крик медленно затихал в моих ушах. Постепенно я начал различать дорогу впереди. На мгновение Ольга затихла.

А потом вдруг разрыдалась.

В этот момент оргазм, который я обгонял на протяжении стольких километров, настиг меня. Он накрыл меня, ошара-

шил, уничтожил как личность, ненавидя меня за то, что я посмел противопоставить скорость его мощи и власти над людьми. Он вывернул меня наизнанку, вопящего и смертельно напуганного. Но сквозь мокрые волосы Ольги, залепившие мне глаза, сквозь стену безумного сладострастия я продолжал видеть дорогу. И я не мог закрыть глаза, зная, что не имею права сойти с трассы, ибо смерть осталась далеко позади, и мы сейчас – бессмертны.

А потом мы просто ехали. Скорость упала до семидесяти. Потом плавно перешла в шестьдесят. 50... 40... 30... Кто-то обогнал нас слева. У меня не нашлось сил даже поздравить этого случайного водителя: ему очень повезло, что он не попытался совершить этот маневр четверть часа назад. Я полз по дороге, тупо и медленно. Вырубил музыку, не в состоянии воспринимать какие бы то ни было звуки. Но транс был жив. Транс пропитал меня полностью. Голова была пустой, как колокол. Тело ватное и чужое.

– Остановись...

Я включил поворотник, свернул к обочине. Еще какое-то время Ольга оставалась на моих коленях. Потом также легко, как и в прошлый раз, скользнула на пассажирское сиденье. Она не стала одеваться, оставалась обнаженной, да только вряд ли я это осознавал. Как не осознавал я и то, что мои джинсы все еще спущены.

Бесконечность мы сидели в тишине, не глядя друг на друга, не говоря ни слова, только куря сигареты. Вы думаете,

быть может, что мы приходили в себя? Это не так, поверьте. Это невозможно, я знаю. После такого ты не в силах прийти в себя. Даже если ты захочешь, ты уже не сможешь. Концы отрезаны. Ты обогнал свою смерть, ты умер и возродился. Смерть не простит тебе того, что ты посрамил ее на трассе, никогда не простит. Тебе уготован жуткий конец за твою дерзость. Но ты – уже не ты совсем. Ты другой. Ты – незнакомец. В тебе нет страха, только путь.

Я взял ее за руку. Она неожиданно вцепилась в меня, словно испугалась, что это произойдет сейчас, смерть уничтожит меня прямо здесь, в салоне красного «Ситроена». Она тоже была незнакомкой самой себе. Я обогнал не только свою смерть, но ее тоже. И все-таки, когда она заговорила, я узнал слегка срывающийся голос прежней Блондинки. Той самой, что писала мне sms-ки и была путеводной звездой не только в бескрайних просторах «Сети», но и на любой трассе.

– Обними меня...

Я откинул ее сиденье до упора. На этот раз мы занялись любовью мягко и ласково, словно забавлялись два котенка.

240 миль.

Мы проснулись оттого, что играл чей-то мобильник. Спросонок, а еще потому, что пробуждение походило на похмелье, мы даже не разобрали, чей именно трезвонит, и каждый машинально потянулся к своему телефону. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что мой телефон молчит. А потому я откинул его в сторону, приготовившись вновь погрузиться в пучину забвения. Но вдруг обнаружил, что спать мне резко расхотелось.

Вспомнилось все. Сумасшедшая гонка. Обнаженная Блондинка, сотрясающаяся на моих коленях. Я, пытающийся обогнать сразу двух противников,— смерть и экстаз. Финиш, ознаменованный победой эйфории над смертью. Новая любовь на переднем сиденье, напоминающая романтическое пение или, если мне будет позволено так выразиться, тягучую вязь паучка.

Сквозь грохот воспоминаний до меня донесся чуть срывающийся голос Ольги.

— Да, все нормально.— Пауза.— Да.— Пауза.— Да, я уже говорила.— Долгая пауза.— Сейчас я не хочу это обсуждать.— Пауза.— Да, категорически.— Пауза плюс короткий смешок.— Непременно. До скорого.

Она отключила мобильник, повернулась ко мне. Увидела,

что я не сплю, порывисто прижалась ко мне всем телом, укусила за мочку уха.

– Брат передает тебе привет.

Моя голова уже достаточно прояснилась, чтобы сформировать мысль: и как он узнал, что я рядом?

Стоял второй час дня, солнце бушевало за окнами, но в номере все равно царил сумрак благодаря плотным занавесям. Одеваться нам не требовалось. Вчера мы вернулись в город лишь под утро (или правильнее сказать – сегодня?). На обратном пути я поменялся с Ольгой местами, вернув «Ситроен» хозяйке. Мы вошли в холл гостиницы, держась за руки, как дети, слишком изможденные, чтобы о чем-то говорить, а когда оказались в номере, упали на кровать в одежде и уснули как убитые.

– Вы с Пулей напоминаете мне двух заговорщиков, – буркнул я притворно.

– Перестань. – Она укусила меня за ухо чувствительнее. – Он ведь взрослый человек, все понимает.

– А он не ясновидящий часом?

– Для ясновидения ему не хватает воображения. – Ольга посерьезнела. – Такого воображения, которое есть у тебя.

– Да уж, воображение. – Я хмыкнул. – После встречи с тобой я чувствую себя деревянным.

Она вдруг покраснела и спрятала лицо у меня на груди. Думаю, если бы Пуля был здесь, он бы взревновал: я уверен, что никто до меня не видел покрасневшую Блондинку. Я по-

нял, о чем она вспомнила. Даже мужчины, живущие с женами по двадцать лет, не видели их такими, какой я видел Блондинку в прошлую ночь. Это была оголенная страсть, она абсолютно потеряла над собой контроль.

Я стиснул ее, крепко-крепко, так что она аж зажмурилась от удовольствия. Потом разжал руки, поднялся на ноги. Я опасался, что встану сегодня в таком состоянии, что не смогу сесть за руль, – но ничего, вполне терпимо. Я не стал задавать вопросов – ни одного. Все равно пустоту в голове, мое незнание не смогли бы восполнить и тысячи ответов. Знал я лишь две вещи. То, что на всем протяжении пути до дома не буду выжимать больше 90 км/ч. И то, что не включу уже трансовую музыку. По крайней мере, сегодня.

Пока мы пили кофе, она смотрела на меня. Смотрела и молчала, и ее взгляд был полной загадкой. В ее глазах плясали какие-то искорки, но их природу я не мог понять. Я тоже смотрел. Мы, наконец, раздвинули шторы, и солнце ворвалось шквалом, заполнив все пространство номера. Я любовался ее лицом. Я запечатлевал в памяти каждую черточку. Я не был ни в чем уверен, так что же упускать шанс.

Она не выдержала и произнесла:

– Ты так на меня смотришь...

Я мог бы сказать, что после всего пережитого не мыслю жизни без нее. Я мог бы сказать это проще, тремя словами: я тебя люблю. Как во все времена говорят мужчины в сходных ситуациях. Но разве возможно переложить огонь в серд-

це на обычные слова? Эти три слова, которые говорят все, – после того, как мы переродились и стали незнакомцами, эти слова казались пошлыми.

– Я вижу свет в твоих глазах,– произнес я.– Далеко-далеко. И мне хочется сесть за руль и понестись навстречу этому свету. Без остановки.

Ее губы дрогнули. В глазах появилась печаль. Я не знал, будь я проклят, почему она печалится. Она потянулась через столик и положила свою руку на мою.

– Такое я могла услышать, наверное, только от тебя,– сказала она тихо, и голос ее сорвался больше обычного.

Мне не хотелось расставаться. Не знаю, как ей, но мне уж точно. Однако завтра на работу. Я вдруг понял, что и работа, и мой дом, и даже город стали для меня пустыми, почти мертвыми. Стали казематами. Я переродился в эту ночь и не хочу возвращаться. Я – незнакомец сам себе. Но остаться, чтобы существовать на ее деньги, я не мог. То есть мог, конечно, ее денег нам бы точно хватило. Эта мысль вызвала бы отвращение у меня тогдашнего, эта мысль была ненавистна мне теперешнему.

А что я мог? По сути, ничего. Я даже не мог назвать нашу связь романом, Господи, ну где вы еще встречали подобный роман? Подобного не было, подобного больше не будет. Произошедшее со мной – эксклюзив. И если вы думаете, что мне от этого сладостно, то вы ничего не поняли.

Мы покинули гостиничный номер, что будет веками хра-

нить нашу с ней тайну. Спустились вниз. Ольга сдала ключи в фойе, подписала какие-то бумажки. Мы вышли на автостоянку, где бок о бок стояли наши машины «девятка» и Xsara, так непохожие друг на друга, но все-таки прошедшие утро и часть дня рядышком под открытым небом. Было ли их соседство железным и тупым? Или все это время они общались, упрочивая нашу с Ольгой связь, делая ее нерушимой; ведь если попытаться использовать воображение, то самое, которому воздала должное моя подруга, то понимаешь, что не мы с Блондинкой – наши автомобили рвались друг к другу через километры дорог.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Я видел, что она читает все мои чувства без затруднений. А вот я ее – не мог. Ну что же ты, милая, милая Блондинка? Ну же, скажи мне!..

Она приблизилась. Ее поцелуй был почти невесомым.

– Когда мы в следующий раз встретимся, уже не будет смертельной трассы, – тихо и серьезно проговорила она.

И это было все. Все мои вопросы исчезли. Непонимание, бездна пустоты в голове – она уничтожила мои сомнения одной-единственной фразой.

Я прижимал и прижимал ее к себе до отупения. Она терпеливо ждала. А когда я заставил себя разжать руки, то был награжден еще одним поцелуем. Но он был уже в миллион раз нежнее, чем предыдущий.

– До встречи, Муха.

– До встречи, Блондинка.

– Я позвоню. Обязательно.

210 миль.

Она не позвонила.

180 миль.

Всю первую половину дня мы с Маратом разъезжали по городу, останавливаясь то тут, то там. Шеф на короткое время заскакивал в разные здания и учреждения, потом бодро садился в машину и объявлял следующий адрес. Дел невпроворот, а суета – бальзам на мое сердце. Стоило лишь мне остаться в машине одному, как мысли вновь начинали вихриться, сердце бешено стучало, а салон окутывала тьма, хотя стоял день.

Всегда немногословный, сдержанный, Марат сегодня раздобрел. Всю дорогу я слушал его бубнеж: шеф пояснял, куда мы едем и зачем. Раньше он никогда не комментировал наши поездки. Я кивал, крутя баранку. Я слышал его и не слышал одновременно. Ночь чередовалась с днем в моей душе, одна неправильная мысль способна была вернуть меня в слезы. Поэтому я не мог особо вникнуть в смысл его слов.

А после обеда Марат оглядел меня внимательным, едва ли не придирчивым взглядом. Вероятно, смекнул, что все его слова мне до фени.

– Роман. Ты чего день ото дня все смурнее и смурнее?

И хотя от его вопроса изнутри нахлынуло что-то большое, мокрое и необъятное, я коротко пожал плечами, не выдавая бури даже намеком.

– Так... Неприятности на личном фронте.

Марат со знанием дела кивнул.

– Ну, они у всех бывают.

Так точно, господин Ибрагимов! У всех бывают. Случаются иногда,— даже нет, не случаются. Именно так, как сказал Марат: бывают. Иногда бывают, иногда не бывают. Такие пироги.

Мне было известно, что у Марата в свое время не сложилось с женой. Он развелся, у него осталась дочь. Вторично жениться он как-то не торопился. Или времени не было. Все равно, каким бы он житейским опытом он не обладал, я не потерпел бы от него нотаций и нравоучений. Ни от кого бы не потерпел. Моя натура такова: не лезьте ко мне, когда мне худо. Пошли все подальше, сам переболею.

– Я тебе скажу так, Роман, – продолжил он, и я сдавил челюсти.— Наслаждайся жизнью. Максимально окружи себя комфортом. Тогда все придет само собой.

Впервые за весь день ему удалось вовлечь меня в связный диалог. Я спросил:

– А что придет?

Мне оставалось лишь надеяться, что мои слова звучат не слишком резко и я не услышу в ответ на свой вопрос самую страшную во все времена фразу: вы уволены, молодой человек.

– Ну, у меня, наконец-то, все нормально,— сказал Марат.

Ну нормально и нормально, подумаешь, у тебя вроде бы

всегда все нормально. Нормально значит, раз «нормально». И точка, казалось бы, флаг вам в руки...

– А что нормально?– продолжал я гнуть свое.

Марат помолчал немного. Я подумал, что все-таки он надулся. Собственно, кто я такой, чтобы характер свой показывать? Но я ошибся.

– Помнишь Ишимбай?– спросил Марат другим тоном.– Помнишь похороны?

Это я помнил. А потому кивнул. Помню, дескать.

– Я звонил вдове почти каждый день. Иногда навещал.

Это было новостью. Ни разу больше я не возил Марата в тот город, а прошло уже месяца два. Стало быть, сам рулил. Не хотел втягивать меня в личную жизнь, делать меня свидетелем.

– И как она?– спросил я.

– Отходит понемногу. Но дело в другом. Вчера я сделал ей предложение. Она вроде бы не против. Даже более того...

Я забыл про дорогу. Я уставился на него. Я вылупился на него, черт его дери с его рассказами, друзьями, похоронами и вдовами. Ты что, идиот, орал я ему мысленно. Тебе мало того, что случилось с твоим приятелем? Хочешь попасть на трассу? Хочешь в «Сеть»? Оттуда нет выхода, кретин, нет выхода, стоит только сделать шаг...

– Роман.– Это был уже приказ.– На дорогу гляди.

Я посмотрел на дорогу. Тряхнул головой. Помутнение прошло. Черт возьми, вот меня прет! Бред какой-то: при

чем тут Марат? При чем тут та светловолосая женщина? Она блондинка, да, но ведь она не моя Блон...

Тот парень, приятель Марата – что-то сидело внутри него, какая-то истерия, невыраженная, неизрасходованная, мутированная истерическая энергия. И она выплеснулась, энергия эта, в тот момент, когда он увидел на обочине женщину, а спустя время влюбился в нее. Или сразу влюбился. А потом обычная истерика стала автоистерикой. А Марат... Он ведь ее не подбирал на дороге. Если его собственные демоны выйдут на поверхность, то это станет чем-то привычным, почти мещанским. Тем, чем он привык жить: зарабатыванием денег, накоплением имущества, благоустройством домашнего очага.

Я молчал до конца дня. Марат тоже. Он не понял меня, я – его. Мы работали вместе, то бишь я работал на него. Я никогда не вникал в его рабочие проблемы, лишь возил из «точки» в «точку». Я никогда не интересовался его личной жизнью, просто возил и баста. Сегодня мы оба осознали, что этим все ограничится до самого конца.

А в конце дня, поменяв БМВ на родную «девятку», я привычно набрал миллионное сообщение.

<Муха>: Блондинка! Милая! Отзовись!

Отправил его адресату, чтобы четверть часа тупо и бесполезно ждать ответа. Чувствуя, что нечто затягивает меня все глубже и глубже. Быть может, безысходность... Или отчаяние... А может, кое-что похуже.

И потом:

<Муха>: Пуля! Где ты?

И еще четверть часа пустого ожидания.

Я откинулся на сиденье и закурил. День ото дня все су-мрачнее, попенял мне Марат. Воистину, день ото дня в те-чение бесконечного месяца, и безысходность (или что по-страшнее) затягивает сильнее, а конца этому не видно, слов-но я двигался по незнакомой дороге, просмотрев указатель «бесконечность» в начале пути.

Думаете, я терпел весь этот месяц? Разумеется, вы правы, я не протерпел и получаса. В тот далекий день, день нашего с ней расставания, я действительно пилил себе по трассе, вы-держивая не больше 90 км/ч. Я не стал включать музыку, как и предполагал. Просто слушал рев машины, и за этим ревом мне всю дорогу мерещилось воркование «Ситроена», слов-но он невидимый шел рядом со мной, сопровождая до дома. Наверное, я улыбался, типа дурачка из деревни Аитово. А может, нет, не знаю. И еще не доезжая Толбазов, я схватил трубку и набрал ее номер.

Я долго слушал, как телефон общается со мной гудками. Но гудки ничего мне не разъясняли, я их не понимал. Конеч-но же, она за рулем, неутомимая Королева Дорог, и не может взять трубку. Я притормозил у обочины и отправил sms-ку.

<Муха>: Я возле Толбазов. Остановился, чтобы отсало-товать самой прекрасной блондинке на свете. Отзовись.

Завел машину, и весь следующий час косился на телефон,

ожидая ответа.

На смену эйфории пришла озадаченность. Ее сменило напряжение. Потом тревога.

Потом ужас.

Она не отвечала. Я слал ей сообщения каждые пять минут, и на личный номер, и в «Сеть». Я названивал ей по пятьдесят раз на дню, но лишь для того, чтобы телефон поговорил со мной гудками. Я ничего не понимал, я был шокирован. Она молчала. После того, что мы с ней пережили, она не могла исчезнуть, как год назад исчезла Алена.

Но это было так. Ничего не меняется.

Через пару дней хаотичных, панических метаний ко мне пришла первая трезвая мысль. Я отправил sms-ку ее брату. Ответа не последовало. Я не мог позвонить ему, как звонил Ольге: я не знал его номера. Мы общались через службу мобильной сети по логинам. Тогда я сбросил ему свой номер, умоляя мне перезвонить. Молчание. Я отшвырнул телефон и вцепился в волосы, сдерживаясь, чтобы не завывать.

Вот так я прожил месяц. За этот месяц мне не запомнилось ничего, кроме моих попыток возобновить связь. Я писал другим абонентам «Сети». Я спрашивал их. Ответ был один. Блондинка пропала не только для меня. Целый месяц о ней никто не слышал. Люди сожалели по этому поводу. Не я один привык к ее спонтанным сообщениям. Всем не хватало девушки, значащейся в «Сети» под логином Блондинка.

А еще были поздравления. Сотни поздравлений по пово-

ду моей победы в ралли с хозяйкой «Ситроена». Люди спрашивали, какая она, эта Королева Дорог, ведь кроме меня с ней никто не встречался. Что я мог ответить? Ведь для меня она – единственная девушка на планете. Других для меня нет. Разве они смогут понять меня? Вряд ли. Я отделялся общими фразами. А в заключении просил сообщить мне, если кто-то услышит о ней.

Неделю назад все странным образом как в воду канули. Никто не отвечал, словно все ушли на фронт. И я перестал звонить Ольге. Потому что когда я попробовал вновь это сделать неделю назад, телефон заговорил со мной уже иначе. Любезно уведомил меня в том, что данный абонент недоступен.

Я подъехал к вокзальному киоску, где продают испеченную снедь и где вы можете рассчитывать, что вам за ваши деньги не подсунут старую подошву. Нужно перекусить, в обед я не смог себя заставить это сделать. Едва я подумал о еде, как меня затошнило. Желудок не желал принимать ничего извне. Он был полон. Он был полон сжатого ужаса, полон скомканной паники, полон страха. Для еды уже не оставалось места.

В который раз я потянулся к сотовому телефону. Весь месяц я только и делал, что теребил его в руках, даже спал, не выпуская из рук. Черт, ну и какой смысл? Я отправил сообщения им обоим – и Блондинке, и Пуле, – полчаса назад. Телефон Ольги недоступен. Пуля безмолвствует. Какой смысл?

Но я знал, что моей выдержки хватит самое большое на час.

Может, сгонять в Стерлитамак, на улицу Гоголя? Где-то там обитает девушка, которую я любил прошлым летом. Или думал, что люблю. Вдруг опять судьба посмеется, и сегодня я ее встречу? Как и мысль о еде, эта вероятность вызвала у меня отвращение. Надо же. Вот и вся любовь. Если бы с Ольгой было все так просто. Если бы... да только после ее танца смерти – я знал, что вычеркнуть ее из сердца будет невозможно. Это за пределами воли и разума. Это за гранью человеческих сил.

Но ехать было нужно, хоть куда-то, иначе помру. В езде сейчас мое единственное спасение. Симптомы настораживают. Сегодня я чуть не сорвался, когда Марат сообщил мне о том, что готов жениться на вдове. Никакой видимой связи с моей ситуацией, а я вдруг распсиховался.

Я вырулил к выезду из города, тупо двигаясь по трассе. Миновал бывший КПП, сейчас переоборудованный в дорожный киоск. Миновал знак, на котором название моего города было перечеркнуто наискось. Да, он перечеркнут. В моей душе его нет, мой город – каземат. А я заключенный. Я выбрался на прямую дорогу и еще издали заметил, что там впереди какой-то затор, какого тут отродясь не бывало, да и быть не могло.

Что-то случилось.

Сбросив скорость, я пристроился в хвост колонне машин,

крадучись объезжающих место аварии. Работник ГИБДД железом указывал перешеек, по которому следует двигаться, чтобы не запутать следы – по ним впоследствии будет восстановлена картина происшествия. Еще несколько людей в форме ДПС стояло у раскуроченного «москвичонка». Одного взгляда было достаточно, чтобы охватить масштаб трагедии: без жертв тут не обошлось. Самих жертв уже не было, наверное, их увезла «скорая». Только груды железа и лужи крови.

Чуть дальше – грузовик. Сзади не слишком помят, строго говоря, там слетел только номерной знак. Куда хуже вид спереди.

А вот на встречной полосе... Господи, ТАКУЮ «Газель» мне еще видеть не приходилось. Ничто в грудe металла не напоминало прежнюю форму: машина выглядела так, словно ее пропустили через мясорубку.

Что-то подстегнуло меня, словно кто-то окликнул. Я вывернул шею, оглядываясь назад, когда уже почти миновал место страшной катастрофы. Да, «Газель» была уничтожена. Но ее я разглядел. Разглядел отчетливо, поверьте, это не мое воображение. Она словно осталась специально для меня.

Желтая улыбающаяся рожица.

А чуть дальше, на обочине, я увидел...

Я преодолел еще метров двести. Внезапно мои руки стали трястись. Руки – они не слушались, их колотила дрожь, и эта дрожь в мгновение ока передалась всему телу. Я не удержал

руль. Машина вильнула. Несколько клаксонов зло рывкнули в мою сторону.

Я встал у обочины. Смотрел на руки, как на чужеродный организм – я словно проснулся и обнаружил, что мне пришили что-то нечеловеческое. Руки бились об руль, цеплялись, пытаюсь ухватиться за него в предсмертной агонии.

Я не мог ехать дальше.

Я пытался что-то срочно предпринять. Досчитать до ста, двухсот, вспомнить что-то хорошее, отвлечься. Вот, у моего шефа скоро свадьба. Ну, может, на радостях прибавит мне зарплату. Или, скажем...

Я не мог ЕХАТЬ.

Я видел ее. Видел ее там, на обочине. Мою смерть, я видел ее. Она смотрела мне вслед горящими, ненавидящими глазами. Я обогнал ее однажды, оставил ее одну на ночной трассе. Теперь она бродит по дорогам в поисках меня одного. Но ее ярость настолько сильна, что по пути она прихватывает всех без разбора. Она меня узнала. Она дышит мне в затылок. Она ищет меня, чтобы отомстить.

Руки продолжали трястись. Я не знаю, что на меня обрушилось.

Я не знаю, почему не мог ехать.

Я не знаю...

Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ!

150 миль.

Чего я еще не знаю?

Я не знаю, к примеру, почему я такой. Почему вместо того, чтобы жить обычной жизнью провинциального обывателя (кем я и являюсь), используя автомобиль в качестве приложения, я делаю все наоборот. Почему ради езды я все ставлю на карту? Почему трасса – стержень моей жизни, а все остальное – дополнения, обвязка?

Я не знаю даже, так ли это на самом деле. Может, я просто убаюкиваю фантазиями свою совесть? Может, однажды ощутив вкус дороги, я не могу уже остановиться? Во мне есть пороки, и они охватили меня, когда я впервые выехал на трассу. Я стал патологическим автомобилистом и сам боюсь себе признаться в своей болезни, в своей ненормальности.

Я не знаю, почему мои отношения с противоположным полом неразрывно связаны с дорогой. Следствие ли это того, что в далеком прошлом мою первую подружку сбил автомобиль? Они все исчезают вскорости, все женщины, в которых я влюбляюсь. Может, та давняя трагедия вовсе не забылась? Она стерлась из памяти, но продолжает управлять моей жизнью. Внутри меня образовался некий штамп катастрофы, трагедии, и обстоятельства складываются в соответствии с этим штампом.

Я до сих пор не знаю, смог ли я тогда обогнать боль Алены. Почему в действительности она исчезла?

Не знаю я и того, что было первопричиной нашего экстремального романа с Ольгой: ее первое sms или же мое ралли между двумя городами.

Я не знаю, с какой целью она послала мне то первое сообщение. Искала ли она родственную душу? Или это была просто игра, обычная шутка, развлечение в перерывах между главной страстью – ездой. Зачем были эти сумасшедшие гонки с противоположных концов Башкирии, а потом любовь в гостиничном номере, а потом смертельный танец на трассе?

Я не знаю, почему окаменело ее лицо при нашей первой встрече. Что такого она увидела во мне? Что такого во мне согнало румянец с ее щек?

Не могу даже представить, почему она пропала. Использовала ли она меня исключительно в качестве средства, а наше соревнование – проверка меня как кандидата? Я уже не знаю, действительно ли я честно выиграл или она мне поддалась. Быть может, получив от меня все желаемое, воплотив с моей помощью все дьявольское, обнажив свои пороки, она просто забыла обо мне. Или ей стыдно, что она открылась настолько? Или не стыдно вовсе, а просто все равно?

Я не знаю, я уже начинаю сомневаться, возможно ли было вообще продолжение наших отношений после того, что мы испытали вместе, когда ее Xsara летела сквозь ночь. Могут ли люди вообще быть вместе, вывернув себя друг перед дру-

гом наизнанку?

Я не знаю, зачем в таком случае она пообещала новую встречу. Чтобы не видеть моих слез, моей боли, чтобы избежать себя от ответственности? Ведь она приручила меня, а значит, должна быть в ответе.

Не представляю, зачем писал ее брат во время гонки. Что крылось за его незатейливым, даже скупым посланием, какой омут?

Понятия не имею, Господи, где она сейчас, что с ней.

Я не знаю, черт побери, почему не могу больше ездить. Что так повлияло на меня в той аварии? Какие ассоциации вызвала во мне смятая «Газель»?

Я переродился в ту ночь, когда мы любили друг друга в несущейся на головокружительной скорости машине.

Я – незнакомец сам себе.

Вновь обнаруживаю себя на том же самом месте. Участок дороги между моим городом и кольцом, где не так давно я виражировал на скорости 100 км/ч. Вновь и вновь, ежедневно. Я пытаюсь ехать, проклятье, быть может, это единственное, что у меня осталось – моя машина, моя езда. Я пытаюсь ехать, однако, едва доезжаю до этого рубежа, как мои руки начинают ходить ходуном, и я понимаю, что не могу. Я останавливаюсь на обочине и с тоской смотрю вдаль.

И все-таки мои глаза глядят в ту сторону. Только в ту, ни в какую другую, словно там притаился злобный рок, ты боишься его каждой клеточкой, но в то же время он парализу-

юще притягивает тебя к себе. Там, в тридцати километрах, лежит город Стерлитамак, где на улице Гоголя пропала моя давняя любовь. А еще дальше, много дальше – Уфа. Где живет она, Блондинка, самая милая блондинка на свете. Она разъезжает по улицам города на красном «Ситроене», и водители уступают ей дорогу, а в особенности те, кто живет в «Сети». Ведь все знают, что она – Королева Дорог. Она – лучшая.

Вялым движением я взял телефон и набрал сообщение.

<Муха>: Блондинка! Отзовись!

И, без передышки, новое:

<Муха>: Пуля! Ответь!

Равнодушно пристегнул телефон к приборной панели. Закурил, постарался расслабиться. Мимо сновали автомобили разных мастей. Они ездят тут каждый день – кто по делам, кто с работы, – потому многие из водителей косятся в мою сторону, гадая, что за шпик торчит тут ежедневно, как в засаде. Им невдомек, что сегодня ночью я вновь пробудился от бессвязного кошмара, и мои глаза вываливались из орбит, словно за налипшими к лицу волосами женщины я пытаюсь разглядеть трассу, а мои руки сжимали несуществующий руль.

И в этот момент телефон ожил.

Я смотрел на него. Истуканом я тарасился на наярывающий полифоническую мелодию телефон, тарасился на табло, тарасился на номер, высветившийся на нем. Я не знал

этого номера, он не значился в моем телефонном справочнике, но после того, как ты узнаешь, что между тобой и дорогами существует некое родство, твоя интуиция вырастает до небывалых высот. Номер телефона уничтожал, резал мои нервы. Он оповещал о чем-то, коротко и неумолимо, но я не мог постигнуть смысла.

Я схватил трубку. Выскочил из машины, словно в салоне завелись черви, нажал на заветную кнопку с зеленой трубкой на ней.

– Алло!!!

– Привет, Роман.

В глазах зарябило. Ни разу до этого момента я не слышал голоса ее брата. Прошел уже месяц, как я скинул ему номер моего мобильного. Целый месяц... Но все-таки он позвонил. Я даже ни на миг не усомнился, что это он. По тону понял. И он говорил со мной, он говорил, а не сопел молча в трубку, чтобы поиздеваться.

– Пуля, где носит твою сестру?! Месяц не могу ей позвонить!

– У меня для тебя новости, Роман.– Голос у него холодный, почти угрожающий.– Ее нет. Бессмысленно звонить.

– Слушай, давай как мужик с мужиком, а?! Давай начистоту! Мы все были в «Сети», мы давно знакомы. Ты знал, что я был с ней в ту ночь. И ты же писал мне, когда мы устроили ралли, помнишь?– Я нес, что попало. Я скакал по обочине, размахивал руками. Мною дивились из салонов проез-

жающих машин, но для меня не существовало ничего, кроме мобильной связи между двумя городами, которую я боялся потерять.— Если она не хочет больше со мной общаться, пусть скажет прямо, черт возьми. Я не debil и не прилипала. Навязываться не стану. Так пропадать тоже неправильно. Я имею право хотя бы на последний разговор. Ну передай ей, будь человеком, пожалуйста, пусть она мне перезвонит.

Пауза в трубке. Потом:

– Ты закончил свой бред?

– В общем, да.

Плечи обвисли. Пауза стала невыносимой. Я решил, что сейчас он просто отключится, посчитав, что нечего тратить время на такую истеричку, как я. Но он не отключился.

– Ты не понял, Муха. Ты не понял, а должен был. Ее нет не только для тебя. Ее нет вообще. Она разбилась на оренбургской трассе. Ее разорвало в клочья. Ее больше нет.

Телефон вылетел из моих рук, упал на камни, разлетелся вдребезги. Я рухнул на колени, запустил пальцы в щебенку, сжал кулаки так, что полопалась кожа.

Мир почернел, а потом и вовсе низвергся.

120 миль.

Я снова где-то далеко... Вокруг меня ночь, наполнившая закоченевший, похоронный мир. Тащусь на минимально возможной скорости. Магнитола выключена, возможно, навсегда. Музыка мешает мне, она имеет свойство греметь и поглощать слова. А я хочу, чтобы меня слышали. Я хочу быть услышанным. Я не могу так, не могу один, не могу держать в себе. Я подыхаю от одиночества, от пресловутого свободно-го полета, который – миф, придуманный нытиками, неспособными завести отношения. Мне не нужна свобода, я хочу выкинуть ее в мусорку.

Рядом со мной сидит моя Блондинка. На ней джинсовый костюм, пригодный для дорог, на которых она привыкла жить, которые стали ее домом. Теперь она не одна. Теперь нас двое. Мы едем потихоньку в ночь, и нет бешеных гонок, нет порочных страстей, только мой убаюкивающий, тихий голос. Мы переродились в одну из ночей. Мы стали другими.

Я рассказываю ей, как я провел день. Как колесил по городу с шефом, и тот заколебал меня своей болтовней о новой избраннице. Привыкнув к его всегдашней немногословности, я выражаю удивление таким вот переменам. Я спешу поделиться своим удивлением с ней, с ней единственной, которой я доверил самое сокровенное, которая доверила мне

самое сокровенное...

Она молчит, глядя перед собой в нехотя расступающуюся перед нами темноту. Она молчит, лишь улыбается, легко и чуть загадочно. Она не может ответить. Она мертвая, она умерла. Ее нет для меня, ее нет для всех, вообще нет. Нет для Пули, для Птицы, для Рефрижератора. Для Свина, Лады, Трубы, Поворота, М.Ежа, Ястреба, Осколка. Ее нет...

Но она со мной. По-прежнему и уже навеки.

Вот и родной-чужой-любимый-ненавистный каземат. Город, где я живу всю жизнь, но в то же время я здесь проездом. Что я позабыл здесь? Что мне делать? Вновь гряда однообразно-скучных домов, пресные лица, одно и то же небо...

Небо.

Я взглянул на часы. Пять утра. Я промотался где-то всю ночь, как шарахается пьяный – незнамо где. Я был где-то далеко, но не помню, где именно – все стерлось, все в тумане. Уже начинает светать, сумрак раздвигается, в воздухе обозначается сероватая мгла, и в нем, в этом зернистом негативе, город еще более мертв.

Небо...

Я резко вывернул вправо и надавил на газ. Теперь я мог ездить, мог поехать куда угодно. Истерики больше не напоминала о себе. Но только путь ли это? Нет. Нет, это не путь. Тупое движение в никуда. Двигаться, чтобы не подохнуть.

Я ехал в сторону пригородных домов, спящих и серых, к высокому холму. Мимо старого кладбища, где похоронена

моя первая подружка, с которой я потерял девственность и на могиле которой был всего один раз. Выше и выше в гору. Мимо огородов, до самой вершины. Развернул автомобиль, обнаружил даже некое подобие стоянки. Поставил машину на ручной тормоз, заглушил двигатель. Посмотрел вниз.

Подо мной расстился спящий город. Зернистая мгла скрывала его полностью, он угадывался лишь по огонькам. Но дальше, много дальше, за горной грядой, что высилась над городом, все менялось.

Занимался рассвет.

Я смотрел на кричаще-розовое зарево как заколдованный. Я видел то, что не видел до этого ни разу в жизни. Я видел жизнь. Видел приход ее в мир, видел приход солнца. Тьма отступала, как черное воинство под напором светлых сил, и боковым зрением я мог заметить физическую границу ночи. Я никогда не думал, что ночь имеет границы, но это было так.

Я купил себе новый сотовый телефон взамен того старого, который разбился. Я позвонил Пуле, ведь номер остался в памяти sim-карты. Мы поговорили. Без истерик с моей стороны. Он рассказал мне то, чего я не знал. Она устроила ралли. Моя Блондинка, она устроила свое собственное ралли, установила личный скоростной рубеж, выбрала свой путь. Ее отрезок был куда больше моего – от Уфы до Толбазов. До того места, откуда я скинул ей первое сообщение после расставания. Где-то на середине на ее пути возник рейсовый авто-

бус. Она выкрутила руль, она должна была удержаться, ведь у нее не «девятка», у нее «Ситроен», который цепляется за дорогу, словно на шинах у него крючки. Но Xsara подвела. Машина кувыркалась и кувыркалась. Никто, даже Пуля, не мог знать, умерла ли она сразу или нет.

А может, Xsara тут вовсе не при чем? Ведь мы обогнали смерть, мы двое осмелились на эксперимент, на который до нас не отваживался никто. Мы обошли нашу смерть, но это оказалось иллюзией. Смерть отомстила. Я думал, смерть ищет меня, чтобы уничтожить. Но ее месть оказалась ужасней. Она оставила мне жизнь, но забрала у меня то, что намного дороже жизни.

Пуля сказал мне, что лично занялся похоронами. Их отец попал в больницу с сердечным приступом, узнав о гибели дочери. Ольгу кремировали – то, что от нее осталось. А прах Пуля развеял у обочины. В том самом месте, где она встретила смерть. Сейчас там велось интенсивное строительство. К сороковому поминальному дню Пуля запланировал воздвигнуть там памятник.

Почему она молчала раньше? Почему игнорировала мои звонки? Почему? Я не знал, а спрашивать Пулю просто не смог.

Я взглянул по ту сторону гигантской лощины, на дне которого испуганным зверьком ютился мой городок. Что-то начинало подниматься из-за гор. Что-то необъятное, величественное, что-то невозможно шафранное и пылающее. Та-

кое, какой была моя любовь к единственной женщине, влюбленной в дороги.

А каземат дрях. Каземату было похер, он спал. В каземате сгустился мрак. Каземат потушил свои огни и продолжал безразлично сопеть в огромной тени гор, и он не знал солнца, он не знал любви. Ее знал только я.

У каждой дороги своя история, своя легенда. Проложенные в разное время, они отделены друг от друга, как царства, эпохи или галактики. Новая трасса обросла легендой. Легендой о Блондинке и Мухе. Легендой о двух людях, помешанных на трассе, один из которых готов был отказаться от пристрастия ради любви, другая же осталась верной себе до конца и приняла смерть.

Но она оживет. Она оживет, моя Блондинка, как оживает легенда. Она оживет в устах ее брата. В устах других, кто знал ее и любил. В устах Свина и Рефрижератора. В устах Птицы и Ястреба. В устах Педали и Поворота. В устах Лады и М.Ежа.

Мир, расстилающийся подо мной, был тих и безмолвен. Но я слышал, каким-то образом слышал, как оживают сотни двигателей. То был плач машин, плач людей, – всех тех, кто принимал участие в наших гонках, слал нам сообщения, предостерегал от опасностей и ошибок, болел за нас. Мир спал, но изнутри его распирала стенания людей, что жили в самых разных уголках региона, однако были вместе, были сплочены.

Были семьей.

Величественное, огромное, сверкающее светило явило свой лик из-за гор. Внизу расплзалась дымка, превращаясь в туман, который испуганно и униженно истлевал, прячась в землю. Бескрайний небесный купол надо мной засверкал золотыми полосами. Великое чудо природы. Чудо, принадлежащее всем без исключения. Всем, а тем более ей, самой прекрасной блондинке на свете, которая уже его никогда не увидит...

Я вытер слезы с лица. Глубоко вздохнул, чувствуя, как горечь уходит, подобно униженному туману, и появляется уверенность. Я завел двигатель, тронул машину. Вниз с горы на бешеной скорости, вниз к городу, который уже не пугал. Домой. Домой.

Я знал, что должен делать.

90 миль.

МЕНЮ: Сообщения.

Создать.

<Муха>: Всем членам «Сети». На сороковой день со дня ее гибели. Участок: Уфа-Толбазы. Старт от уфимского КПП в 10.00.

ОТПРАВИТЬ: Сразу всем абонентам.

Я знал, что все без исключения поймут мое sms.

60 миль.

Утреннее Аитово... Есть такая дыра близ границы Башкирии. Знакомая скособоченная остановка, выглядящая так, словно ее пинали семеро. А вот холм, закрывающий меня от ветра. Утро выдалось безветренным, но холм на месте, как и тысячу лет назад. Я не вижу пацанов на велосипедах, но знаю, что они где-то неподалеку. И та деревенская модница, предмет сплетен и пересудов,— она спит в одном из домов, вернувшись лишь под утро, ночная натура, как и я.

Все в точности так же, как и в прошлый раз,— уже давно здесь ничего не меняется. Разница лишь в том, что мне некому звонить, и мой мобильник отключен. Никто не будет ждать моего звонка на другом конце региона, никто не будет встречать меня в Уфе. Никто не будет рваться на головокружительной скорости на свидание со мной.

Спокойно, без нервов, я выкурил сигарету. Тронул автомобиль, вывел его на дорогу. Некогда инопланетные существа утыкали дорогу колоссальными гвоздями, а потом все их выдернули, но остались ямы. Я держу 90 км/ч, — скорость, разрешенную дорожным законодательством на междугородних трассах. Я ничего не успел в этой жизни, но я уже не тороплюсь. Куда мне спешить? Это мое поминание, моя панихида, мой прощальный путь. Путь, намеченный Блондин-

кой, который я лишь повторяю.

Знакомые территории, знакомые деревни. Я был здесь недавно, я изучил маршрут назубок. Теперь-то я могу оглядеться по сторонам, и именно для этого я еду. Места красивые, нет слов, Башкирия – антипод неказистости. Но только если вы думаете, что мне сладостно от этой красоты, то вы ничего не поняли. Ведь она уже никогда этого не увидит. А мне одному не в радость. Не могу больше один. Подыхаю.

Я включил музыку. Тихо-тихо, для фона. Музыка уничтожает слова, а я хочу быть услышанным. Боль разорвет меня изнутри, скоро разорвет, но пока не время. Пока я не могу ей этого позволить.

Еду на медленной скорости. Я плачу, плачу, плачу на всем протяжении пути, я не представляю, сколько в человеке слез, но они текут безостановочно. Я плачу по своей ушедшей любви, которую судьба отняла у меня, и я ненавижу судьбу, ненавижу эту красоту вокруг, ненавижу напыщенное существование. А вот она, деревня Самодуровка. Там, как мы помним, дурят. Я смеюсь сквозь слезы. Я не успел рассказать ей об этом приколе. Я многое не успел ей рассказать.

Мне это кажется, или же в самом деле сегодня чересчур много машин на трассах? Куда все рванули, хотелось бы знать? День вроде рядовой, будний. Сегодня я взял у Марата отгул, чтобы окончательно похоронить свою любовь. А что же остальные? Спешат по делам, едут в гости к друзьям и родственникам? Жизнь продолжается, а если у меня она сло-

мана, то это не в счет.

Я еду... Господи, какое же это чудо – когда нет страха, а есть лишь путь. Короткий или длинный, стандартный забег или сумасшедшее ралли – какая разница! Дело не в оттенках, дело в езде.

Я сворачиваю направо. Я опоздал немного к сроку, назначенному мной самим, но именно так и предполагалось изначально. Пусть машины схлынут. Я не могу двигаться в общем потоке, мне нужно будет остановиться у ее могилы. Я не хочу быть на виду, а потому поеду следом за всеми.

Нет, определенно много машин... В прошлый раз, когда я подъезжал к этому перекрестку, чтобы выехать на оренбургскую магистраль, я стоял у светофора первым, а теперь в хвосте колонны. Интересно, они направо свернут или налево...

И вдруг меня пронзило. Я вдруг все понял. И не огромное количество толпящихся у перекрестка машин заставило меня осознать правду. А странно-растерянные лица людей в форме, сотрудников ГИБДД, что столпились на перекрестке... пытаюсь сделать невозможное. Пытаюсь управлять стихией. Стихией боли и слез.

БОЖЕ МОЙ, ОНИ ВСЕ ЗДЕСЬ!!!

Сплошной, бурный, невыносимо насыщенный поток двигался наперерез мне по оренбургской ветке. Светофор истошно мигал, зеленый сменялся красным, вновь зеленым. На него не обращали внимания. Машины текли и текли наперерез, не пропуская сбоку. Постовые в панике крутили

жезлами. Бесполезно. Отовсюду раздавались звуки клаксонов. Кто-то надрывно завопил в рупор, приказывая машинам остановиться и пропустить тех, кто подъехал с моей стороны. Впустую.

Беспредел. Я создал на дороге беспредел, аналогов которому еще не было. Это все они. Это наша семья. Это «Сеть». «Десятки» и «Мерсы». «Москвичи» и «Шевроле». «Жигули» и «Хонды». «Джипы» и «Мазды». «99» и «Мицубиси». Перед нами проносился весь мировой модельный ряд автомобилей. Цвет автомобилизма. Они шли впритирку друг к другу на скорости около 60 км/ч, игнорируя светофор, игнорируя правила и постовых, игнорируя мир. Поминальная процессия длиной в тысячу световых лет.

Я выкрутил руль, надавил на газ, вылетел на обочину. Кто-то пронзительно мне засвистел, еще один патрульный понесся мне наперерез, испуганно махая жезлом. Я отвернулся. Я должен быть там, с ними, с членами семьи. И я буду там.

По обочине я обошел длинную очередь, бесплодно ожидающую конца потока. Вам долго придется ждать, друзья мои. Вам придется, простите и не держите на меня зла. Разбилась Блондинка, моя Блондинка, и мне, по правде говоря, плевать на вас на всех.

Я врубил свет дальних фар и нажал на клаксон. Притерся к крайней «десятке». Еще некоторое время двигался правыми колесами по обочине оренбургской дороги. Потом «десятка» подвинулась, и я нырнул в поток.

Мы неслись вперед, наращивая скорость. Мы неслись все вместе. Все без исключения откликнулись на мой призыв. Они все здесь, вот они – те, с кем я общался, те, кто писал мне сообщения. «Ястребы» и «птицы», «трубы» и «рефрижераторы». Мы шли бок о бок в три ряда по трассе, друг за другом. Я посмотрел налево, на водителя «десятки», которая продолжала идти параллельно. В этот момент парень тоже взглянул в мою сторону, и я разглядел в его глазах слезы.

Он кивнул мне, не зная, кто я. Я кивнул ему тоже. Мы не были знакомы друг с другом, но были братьями. Нас объединила любовь к Блондинке.

Его я разглядел еще издали. Памятник, посвященный ей, – я различил его за несколько километров. Я продолжал держаться крайнего правого ряда. Скорость заметно упала. Мы сбавляли скорость, чтобы почтить ее память. Я включил поворотник и прижался к обочине.

Это был не памятник. Это был мемориал. Это было чудом. Площадка громадным полукругом восставала со дна впадины. Наверху площадка была огорожена витиеватым заборчиком, а внутри я разглядел несколько скамеечек. И были цветы. Цветы выносили из машин, которые на минуту останавливались, чтобы тут же уступить место другим. Цветы летели из салонов автомобилей, которые не имели возможности притормозить. Весь мемориал был завален цветами, он пестрел и сиял, но было это сияние погребальным.

Остановившись недалеко, я какое-то время сидел без

движения. Впереди стояло еще несколько автомобилей – сплошь черные «джипы», рядом с которыми столпились незнакомые мне люди. Ее родственники. Я вышел из машины, открыл заднюю дверцу, достал корзину с цветами, которую купил еще вчера. Я не стал закрывать двери. Здесь не было чужаков, чтобы запираяться. Только члены семьи.

Я прошел мимо людей из «джипов» и ступил на мемориальную площадку. Я старался идти осторожно, но все равно раздавил по пути несколько красных и желтых бутонов, которыми было усыпано здесь все. Проследовал мимо скамеечек, на которых в более спокойный день кто-нибудь мог посидеть и поразмыслить. А дальше...

Я увидел ее. Я увидел ее, такую же, как в жизни. Такую жизнерадостную, такую живую. Она смеялась мне, смеялась в лицо миру, смеялась в лицо смерти, и мне мерещилось, что еще чуть-чуть, и она сойдет с мраморной плиты, подойдет ко мне и, иронично улыбаясь, спросит:

Привет, Муха. Как трасса?

Слезы текли и текли бесконечно. Я никак не мог заставить себя сделать следующий шаг. Я смотрел на нее с расстояния. А она смотрела на всех. И смеялась... смеялась... смеялась... Теперь она будет смеяться вечно, невзгоды не властны над ней.

Наконец, я приблизился. Поставил корзину с цветами, раздвинув несколько других. Опустился на колени, придавив еще парочку бутонов. Время летело мимо меня, как мимо

летели автомобили. Я смотрел в ее карие глаза, вспоминал ее слегка срывающийся голос. Вспоминал, как увидел ее впервые. Вспоминал, как она укусила меня за мочку уха. Вспомнил тоску в ее глазах, когда я сказал ей, что вижу в них далекий свет, и я готов бросить все и мчаться к этому свету, потому что он для меня – единственная в жизни ценность. Вспомнил ее невесомый, но невыразимо нежный поцелуй на прощание.

Не представляю, сколько прошло времени. Может, час, может, сутки. Когда же я поднялся с колен и вытер слезы, то обнаружил, что поток машин продолжает течь мимо надгробия. Сколько же нас? Господи, сколько нас?! Это же целый мир!

Какой-то человек направлялся в мою сторону, не обращая внимания на то, как бутоны цветов хрустят под его туфлями. Он был высок, одет в длинный кожаный плащ. Я знал, кто это. Только человек с таким острым взглядом способен укротить гоночный автомобиль. Я ждал, когда он приблизится, но особых эмоций я не испытывал.

Мы разглядывали друг друга. Ни он, ни я не пытались протянуть руку, не пытались представиться. Я знал, кто он, он знал, кто я. Нам не о чем было говорить, абсолютно не о чем. Но и молча уйти я тоже не мог.

И тогда я спросил:

– Зачем ты писал мне в тот день? Зачем прислал сообщение?

Он продолжал изучать меня. Я не знал его мыслей. Есть люди, которые всегда остаются загадкой. Он из таких.

– Столько цветов...– Я растерянно огляделся по сторонам, не выдержав его пристального, в какой-то степени даже настойчивого взгляда.– Она их достойна.

– Ее любили все.– Он говорил, как рубил топором.– Все, кто ее знал. Кто хоть раз с ней общался. Но сама она любила только тебя. Я не знаю, почему.– Он помолчал, продолжая неотрывно смотреть в мои растерянные, вновь наполнившиеся слезами глаза.– Теперь ты должен понимать, почему я писал?

– Меня?– Мои ноги стали дрожать.– Ты сказал – меня?

Он усмехнулся. Усмешка вышла такой же резкой и топорной.

– Да, ты нонсенс, Муха. Ты нонсенс, недаром она говорила, что второго такого нет. Теперь я это вижу. У тебя такое огромное воображение, ты перевернул этот мир. Ты – начало новой эры, и даже не понимаешь этого. Сегодняшний день – переломный в истории, а ты стоишь, и у тебя слезы. С таким воображением ты не видишь самых элементарных вещей.

– Каких вещей?– К слезам добавилась ярость.

– Она хотела быть, как ты, неужели ты этого не понял, идиот? Она для этого устроила свое ралли. Она потому и не брала трубку. Она хотела соответствовать тебе, дотянуться до тебя. Хотела быть достойной подругой героя.

– Что?!– Я не выдержал. Я вцепился в его плечи, начал

трясти его в ярости и испуге.— Что ты несешь?! Какой герой? Какой из меня ГЕРОЙ?!

Он вдруг резко вырвался, схватил меня за руки, развернул лицом к трассе, по которой продолжали ползти автомобили, и я поразился, сколько в этом человеке физической силы. Он мог походя переломать мне все кости.

— Посмотри на них! Смотри на них! Они здесь не только из-за нее. Они здесь и из-за тебя тоже. Они хотят увидеть героя в реальности.

Я смотрел. Я видел их всех. Они сидели за рулями своих автомашин, и каждый глядел в нашу сторону.

Раздалось несколько сигналов — мелодичных и печальных. Один человек, управляющий иномаркой, модель которой я не успел разглядеть, помахал рукой.

— Они разделяют твою горе,— сказал Пуля, потом также резко отпустил меня и четким шагом направился к выходу с мемориальной площадки, давая по пути цветы.

А я продолжал стоять, глядя сквозь слезы на колонны машин. На все эти «Мерсы» и «99», «Джипы» и «Жигули». Они продолжали ехать... ехать... и этому потоку не суждено было кончиться никогда. И многие, действительно многие, поднимали руки в скорбном жесте, выражая мне соболезнования — мне, оставшемуся в живых.

30 миль.

Ее звали Наташа. Знакомство наше вышло неожиданным и случайным. Из череды дней, тупо тянущихся после прощания с Ольгой, это знакомство, наверное, единственное, что мне запомнилось.

На сей раз Марат не стал прятаться. Мне уже было известно об изменениях в его личной жизни, так что я вовсе не удивился, когда среди рабочего дня он задал мне направление на город Ишимбай. Мы двинули туда по знакомой до отупения дороге. Миновали легендарную развилку, с которой началась моя печальная сага. Я посмотрел на разворот лишь один раз и сам поразился тому, сколь мало он вызвал во мне эмоций.

Вам, наверное, интересно, как мир отреагировал на мою выходку? Скажу вам: никак. Никак он не отреагировал. Пресса молчала. Телевидение тоже. Даже Авторадио ни разу не упомянуло о том, что творилось на трассе Уфа-Толбазы в один из дней. Слухами полнится земля, но даже этот механизм здесь фатально не сработал. Я ждал вопросов от Марата, с которым проводил большую часть дня, но Марат остался в неведении. Я полагал, что услышу об этом от других людей – в гараже или в автосервисе, – но и там – тишина. Инцидент не просто затерялся. Такое ощущение, будто кто-то

всесильный вычеркнул эту страницу из летописей автомобилизма. «Сеть», конечно же, молчала, по своим причинам. Ну а те водители, кому посчастливилось оказаться свидетелями, скорей всего ничего не поняли.

Не было и официальных сведений о кончине Блондинки. Ни один региональный канал не посчитал нужным открыть миру правду, донести до людей величественность мемориала, выстроенного Пулей. Словно кто-то не хотел, чтобы этот факт муссировался в народе. В общем, понятно, кто.

Я часто задумывался над словами ее брата. О том, что мы на пороге новой эпохи. Я до сих пор не понимаю, что он имел в виду, какую именно эпоху – мировую или автомобильную? В тот день я был слишком потрясен и раздавлен, чтобы расспрашивать. Да и сомневаюсь, что Пуля снизошел бы до талмудиста.

Я сидел в служебном БМВ, припарковавшись возле дома, где некогда жил и здравствовал друг Марата. Я настроился на долгое ожидание, понимая прекрасно, что этим двум нужно побыть вместе какое-то время. Но шеф вдруг появился через пять минут. Я подумал, что-то случилось. Или он забыл что-нибудь в машине. Инстинктивно я приподнялся.

Марат открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья. Он не стал залезать внутрь, просто слегка наклонился, чтобы видеть меня.

– Она хочет с тобой познакомиться.

Минуту я пялился на него, не беря в толк, чего ему от ме-

ня надобно. А когда все же сообразил, то задал самый тупой, но тем не менее единственно возможный в моем положении вопрос.

– Зачем?

– Затем, что вы с моим другом чем-то похожи.

Я опешил. Во мне, признаться, уже давно зрело ощущение, что все вокруг знают обо мне куда больше, чем знаю о себе я сам.

– С чего вы взяли?

– Роман, не будь тупицей. Вокруг тебя же не слепые. В тот день, когда я назвал тебе диагноз, «патологический автомобилист», помнишь? Я имел в виду тебя.

Я разглядывал свои руки. Марат терпеливо ждал.

– Из меня что, прет?– угрюмо спросил я, не поднимая головы.

– Многие видели, как каждый вечер после работы ты рвешься из города.

На самом-то деле рвался я вовсе не из города. К городу я равнодушен, как стал равнодушен ко многим вещам. Я рвался... Нет, я не мог ему сказать. Да и незачем.

Она оказалась очаровательным и милым созданием, эта светловолосая женщина, два месяца как вдова. Она была красива сказочно, я понимал это умом – той аналитической частью, которой Пуля обладает в стопроцентном виде. Но она была ничто рядом с моей Блондинкой. А потому ее красота меня не трогала.

Мне думалось, она будет лезть мне в душу. Зачем-то она изъявила желание со мной познакомиться: наверное, Марат наплел ей что-то. Я думал, она будет расспрашивать меня о дорогах. Но нет. Мы мило поболтали о том, о сем, в основном – на отвлеченные темы. Они с Маратом пили вино, я – кофе. Разглядывая эту женщину, Наташу, я понял, почему она дала согласие Марату, в то время как боль от потери мужа еще не угасла. Она была из числа тех женщин, кому просто необходима защита. Им нужно вручить себя кому-то, кто полностью позаботится о них, кто возьмет на себя ответственность даже думать за них. Не будь Марата, она дала бы согласие любому другому.

Разумеется, озвучивать все это я не стал. Я видел светящееся лицо шефа: он, наверное, вне себя от счастья, до сих пор не может поверить, что такая красавица согласилась быть с ним. А мне хватило десяти минут, чтобы понять, что за этой красотой ничего нет. Она пуста, эта Наташа. Ну, может, я и преувеличиваю, но это близко к правде.

И все-таки как женщина она была хитрой. Мы прощались; я стоял на пороге, готовый выйти из дома, внутренности и убранство которого даже не задержались в моей памяти. Наташа внимательно на меня посмотрела.

– Сейчас я поняла, что меня так поразило, когда вы только что вошли, и я вас увидела, – сказала она.

Она продолжала изучать меня. Все кому не лень изучают меня. Я же нонсенс, второго такого нет, черт возьми. Я

молча ждал продолжения. А она ждала вопроса, я видел это, но медлил. Рядом ничего не понимающий Марат переводил взгляд с меня на нее. На его лице обосновалась вежливая улыбка, которая мне казалась глуповатой.

– Что же вас поразило?– спросил я равнодушно.

– У вас старые глаза...

Еще какое-то время мы смотрели друг на друга. Потом я молча пожал ей руку, вышел из дома и направился к машине.

На обратном пути Марат исподволь попытался разузнать, что же так тянет меня из города. Я понимал его интерес, он спрашивал меня, а думал о своем погибшем друге. Как затмить его в сердце красавицы, вот о чем он думал. Поначалу я отмалчивался. Потом, чтобы он отвязался, сказал, что меня просто привлекают путешествия, а еще я люблю ездить ночью. Он отвянул, и мне полегчало.

Что меня тянет? А ничего. Ни хрена меня не тянет из города. Меня не привлекают путешествия, я соврал, меня не прельщает исследование территорий, как это было раньше. Каждый день у меня один и тот же маршрут, одна и та же цель. Каждый день я езжу на ее могилу. Я столько не успел рассказать ей, и до сих пор остается слишком много.

В один из таких дней я вновь повстречался с Пулей. Стоял выходной день, и я приехал на ее могилу пораньше. Со вчерашнего дня мне уже столько нужно было ей рассказать. Я стоял на коленях у плиты, смотрел на нее, смеющуюся в лицо всему миру, а в перерывах между глотанием слез тоже

пытался улыбаться.

Спустя вечность я поднялся, отряхнул колени. Цветы исчезли, кто-то основательно прибрался здесь. Я вернулся в машину и уже хотел ехать домой, но тут впереди меня остановился громадный «джип». Задняя дверца открылась, и я увидел его.

Какое-то время он стоял, глядя в мою сторону, решая, должно быть, подходить ему или нет. Я ждал, держа руку на ключах зажигания, готовый, если он отвернется, тут же тронуться в путь. В конце концов он все же направился ко мне.

Он не стал садиться рядом, не стал протягивать руку. Просто остановился с моей стороны, закурил. Я последовал его примеру. С минуту мы молча курили, не глядя друг на друга. Я знал, что он умеет выдерживать паузу. Да только теперь это умел и я.

– Ну как поживаешь?– спросил он без выражения.

– День за днем,– ответил я ему в тон.

Он выдал одну из своих топорных усмешек.

– Часто здесь бываешь?

– Каждый день.

Мне не было смысла юлить. Скажи я ему или нет, что это изменит?

– Вот что, Муха. Ты не знал Ольгу, как знал ее я. Поэтому открою тебе кое-что. Может, это и странно слышать от такого человека, как я, но она была бы рада, если бы у тебя все сложилось. Если есть рай, во что я не верю, но во что точно

веришь ты, и она тебя видит оттуда, она будет счастлива.

– Сложилось – что?

Он хмыкнул.

– Ну, знаешь, эта хрень, которая заведена у людей. Каждой твари по паре.

– Исключено.– Я сам поразился вспыхнувшей во мне ненависти.

– И почему, можно узнать?– Пуля оглядел меня с усмешкой, но и с любопытством. Я знал природу его интереса. Я раскрыл его тайну, для меня Пуля – не загадка вовсе. Он ничего не чувствует, вот и весь секрет. У него нет чувств, у него нет эмоций. Он как механизм, аналитик. Его психоз – намного глубже и страшнее, чем мой. Ведь я свой осознаю, а он твердо верит, что стоит на ногах незыблемо. Вот ему и любопытно, что чувствуют другие.

– Я не хочу травмировать кого-то,– ответил я ему честно.– Любая женщина рядом со мной, даже тупица, все равно почувствует, что я люблю другую.

Пуля перевел взгляд на мемориал.

– Но ее больше нет,– произнес он, задумчиво затягиваясь.– Есть ли смысл так убиваться, ее не вернешь?

Сейчас я посмотрел на него открыто. Впервые я почувствовал себя выше, несравнимо выше этого богатого, смелого, сильного, но душевно убогого мужчины.

– Это для вас всех ее нет. Помнишь, ты писал мне по sms? Для вас ее нет. Но для меня она жива. Она здесь.– Я положил

руку на грудь, в которой билось мое сердце.— И всегда будет там.

Прежде чем сказать что-либо, Пуля сосредоточенно докурив сигарету. Потом отбросил «бычок», коротко обернулся на свой «джип», словно проверяя, не может ли нас кто подслушать.

— Если все так, как ты говоришь, я должен тебе сказать. В прошлый раз я не стал, да и не думал, что вообще скажу. При вскрытии установили... Короче, Ольга была беременна.

Я долго смотрел перед собой, положив руки на руль. Я сидел недвижимо, как каменный. Со стороны могло показаться, что я пытаюсь сдерживать рыдания. Но не было их, этих рыданий. Как не было больше слез. Уже ничего не было.

Потом я завел двигатель. Не глядя на Пулю, я включил первую передачу и тронулся в обратный путь.

0. 00

10 км/ч.

Мне нужно ехать, и я еду. Как и все мы, как миллионы и миллиарды людей во всем мире. Ведь жизнь – это путь, а баранку автомобиля можно заменить и пультом от телевизора, и кнопкой от ядерных боеголовок. Просыпаясь по утрам, мы стаем на свой каждодневный путь, и пилим, пилим, пилим – бесконечно в светлое будущее. Шумят моторы автомобилей и самолетов, стучат поезда, шуршат шины и подошвы кроссовок, стрекочат пишущие машинки, хлопают двери и выхлопные газы, нажимаются курки и телефонные кнопки, щелкают пробки шампанского и замочки барсеток, рукопожатия и завистливые взгляды, хороводы танцев, птицы, летящие в теплые края, фейерверки, переполненные стадионы.

Мы – люди, мы не можем иначе, и считать себя особенным в этом плане – психоз похлеще, чем все остальное. Мы выбираем цель, мы выбираем марку автомобиля, но путь – его дает нам Бог.

Мне нужно ехать, и я еду. Только сначала дань прошлому. Перед моей последней поездкой я приезжаю на ту самую улицу, с которой начался мой пробег. Ту самую, где много лет назад автомобильная трагедия унесла в могилу мою

первую любовь, как она же унесла и последнюю.

Прости, девочка, что я забыл о тебе так скоро. Прости, что не приходил на кладбище, не навещал твоих родителей. У них осталась еще одна дочь, твоя родная сестра, но ведь это нихрена не оправдание. Я был юн и глуп. Юность и шальные мысли уже на следующий день впихнули меня в мой ментальный автомобиль, чтобы через годы привести меня сюда же.

20 км/ч.

Мы забываем. Мы забываем их всех. Первую любовь, школьного товарища, партнеров по спортивной секции, дворовых друзей. Мы забываем родителей, забываем бывших жен, забываем детей от прошлых браков. Забываем родину и собственные обещания. Все они остаются на обочине жизни, плетясь где-то позади в сотнях километрах. Мы забываем молитвы и победы, нам всегда мало, нам мало любви, мало счастья, мало денег и секса. Изобилие ждет нас – там, впереди. Стоит лишь поднажать, стоит лишь прибавить газу, стоит лишь немного нарушить, немного превысить. И мы забываем красоты полей и рек, мимо которых мчимся на встречу с придуманным счастьем, на встречу с иллюзией.

Я проезжаю по участку, где разбился газелист с желтой рожицей на задней двери. Его вину в той аварии установили стопроцентно, и горожане прокляли его и его семью, кото-

рая, по слухам, съехала в другой город. Мир твоему праху, придурок. Я не могу винить тебя. Это был твой путь, твоя истерика, выплеснутая наружу. Но за убийство непричастных, надеюсь, ты горишь в аду.

Впрочем, скоро я к тебе присоединюсь, братан.

30 км/ч.

Когда мы сталкиваемся с предательством, несправедливостью этого мира – мы думаем, что можем его изменить. Нам невдомек, что трасса – одна, и дорожные законы незыблемы. Вернувшийся с войны ветеран прыгает в свою тачку и несется напрямик в опору моста. Отвергнутая девчонка летит под колеса автомобиля, выныривающего из-за поворота. Униженный подросток впоследствии огораживается от мира в мощном джипе и прет по головам. Обманутый муж колесит по ночным трассам, подбирая путан и вольнонаемных. Никто не в состоянии вырваться за пределы трассы, даже самые современные внедорожники.

Мой каземат перечеркнут, и я вижу знак, оповещающей о границе города. Северный выезд из города тоже красив по-своему. Дорога густо обсажена деревьями. Если бы не такая же густая вонь газа, распространяемая нефтеперерабатывающим комплексом, выезд был бы идиллией. Так и в жизни. Вонь соседствует с зеленью, скорость с аварией, цель с разочарованием, надежда со смертью.

Прощай, мой каземат! Быть может, ты еще услышишь обо мне. Ну а коли нет, есть множество миллиардов людей, которым похрен на все это.

40 км/ч.

Знание – сила, а я ни хрена не знаю. Ни природы вещей и явлений, ни будущего, ни себя. Когда нам познавать себя? В этой хаотичной сетке дорог есть все, что угодно, но только не мы. Мы можем видеть себя лишь в зеркале заднего вида, если постараемся, но обычно мы видим в ней задних пассажиров или другие машины. И нас нет у себя, мы потеряли свое «я», оно ушло вместе с нашим несостоявшимся криком, вырвалось из автомобиля и ушло под землю. Трасса впитала наше я, как она впитала предоргазмный крик моей Блондинки, растворила в себе. Мы все незнакомцы. И те, кто обогнал свою боль и смерть, и те, кто придерживается дорожных правил.

Развилка на город Ишимбай. Памятное кольцо разворота, место моего первого триумфа, обернувшегося горем. Мне не нужен Ишимбай, прощай и ты, малютка, долгих тебе лет жизни. Он остается позади, как остается позади Наташа, будущая жена Марата Ибрагимова, сам Марат, моя работа, моя память, мои надежды и устремления.

Интересно, помнит ли меня та девушка, моя полужнакомая с трассы, которая разделила часть моего истерического

пробега? Вряд ли. Ведь в тот день я разбудил ее. Снес ее сон напрочь, и она смогла увидеть себя в зеркале заднего вида. Я не думаю, что это пришлось ей по душе. Если бы люди хотели проснуться... По миру бы разнесся визг тормозов, машины бы встали там, где они были, трассы бы замерли. Люди вышли бы из салонов, взглянули бы на солнце, на красоты рядом, друг на друга. И вспомнили бы, кто они есть. Вспомнили, что путь един, а иллюзию нам дарит разнообразие автотропа.

50 км/ч.

Еще очень рано, и на трассе нет машин. Той самой трассе, где проходило мое первое ралли. «Идея была твоя», – сказала мне Блондинка. Да, моя. Идея, которая привела ее к смерти. Любопытство перерастает в страсть, а победа становится смертью. Каждый раз, когда мы уверены, что победили, обогнали кого-то на трассе, приехали раньше, подрезали или проскочили на красный – каждый раз счетчик тикает, и смерть делает зарубку на ветке жизни. Ничто не проходит втуне, вопрос только в том, у кого какой длины ветка, только и всего. Но даже при достаточной длине зарубки все равно отзываются в жизни эхом, просто никто не замечает. Отзываются в моменты вынужденных остановок – в кафе, магазинах, на отдыхе на природе, в семье, перед телевизором, в ванне за бритьем, во сне.

60 км/ч.

Еще один каземат остается позади. Я еду по объездной, хотя мог напрямую, но я до сих пор не могу видеть дома и улицы Стерлитамака, который украл у меня Алену. Жива ли она? Или моя автоистерика убила всех – отца, мать, первую любовь, Алену и ее? Или произошло исключение, и Алена встретила свою судьбу и живет счастливо? Или она заразилась от меня, и сейчас сидит вот в этой «Мазде», что пронеслась мимо?

Прощай и ты, город Стерлитамак. Ты подготовил меня к мучительной потере, но я не усвоил урок. Я слишком был увлечен дорогой и скоростью.

70 км/ч.

Я пронесся мимо пустующего КПП на северном выезде из Стерлитамака. Однажды работники этой структуры вошли в мое положение и отвезли домой, после того как я несся по ночному городу, спасая отца. Кто бы что ни говорил, но они – единственное, что стоит между нами и массовой автоистерией. Они – единственные, кто защищают нас от наших же психозов, ибо не нужно психиатра, не нужны самокопания: хочешь познать себя – сядь за руль и отдайся трассе. Но будь готов, что увиденное в зеркальце заднего вида тебя может

ужаснуть.

80 км/ч.

Я тут недавно подумывал: а может, сдать? Прийти в ГАИ и признаться во всем? Сообщить подробности о «Сети» (они ее наверняка курируют), растолковать, почему в последнее время усилилось сумасшествие на трассе, когда вроде бы добропорядочные граждане вдруг начинают устраивать ралли, угрожая всем вокруг. И иногда воплощая эти угрозы в жизнь. Сказать им, что я – зачинщик, вот он я, Муха, мое почтение. И поминальную колонну Уфа-Толбазы организовал тоже я. И в том, что статистика аварий резко выросла, повинен все я же.

Но потом я вдруг увидел, что у меня иной путь.

90 км/ч.

Вот и оренбургская магистраль во всей красе. Она забрала мою любимую женщину, моего нерожденного ребенка. Когда-то я мечтал отвезти своих детей на курорт Красноуслынский, а отвез их на теневую трассу. Преступно загадывать на будущее, я знаю. Но ведь я просто мечтал. Я просто хотел быть счастливым, и кто может бросить в меня за это камень? Разве я виноват, что мое счастье – такое вот кривое, сопряженное с дорожными колдобинами и скособоченными авто-

бусными остановками?

– Что нам делать с тем, какие мы есть? – спросил я Ольгу.

– Я думаю над этим, – ответила она.

100 км/ч.

Нет, какое же это все-таки чудо – дорога! Ведь можно выбрать день и час, когда трасса пустынна, и обнажить свои пороки, без риска причинить кому-то вред, только себе самому. Как жаль, что это понимание пришло ко мне так поздно. Все-таки есть в дорогах нечто мистическое, паранормальное. Даже сейчас я – уже не тот, что был на старте. И Ольга, когда разбилась, была другой – не той девушкой, которую я помнил по Уфе. И далеко не той, которая однажды ночью мне написала:

<Привет! Как трасса?>

110 км/ч.

Все же любопытно, есть у автомобиля душа или нет? А у других машин? У танка, к примеру? С дорогами все проще, дороги – статичны, их легче оценить и привязать к законам мира, а вот машины... Если у автомобиля есть душа, то он тоже смертен. И что тогда могла почувствовать Xsara, кувыряясь в кювет?

Стоит проверить, как вы думаете?

Я же сам дал себе ключик. Я сказал тогда Марату: это можно узнать, лишь дав машине полную свободу. Именно это я и намереваюсь сегодня сделать.

120 км/ч.

Где-то на этом скоростном рубеже мы с Ольгой начали заниматься любовью. Позже – я уже ничего не осознавал, я мог сбросить скорость вполовину, а мог, напротив, еще разогнаться. Невозможно помнить о дороге, когда экстаз охватывает всецело, глаза забиты волосами любимой женщины, а сама она стонет у тебя на коленях. Это – сильнее, чем трасса.

130 км/ч.

А может, права Блондинка? Может, между мной и дорогой действительно есть мистическое родство, и я все-таки особенный? Мне многое сходило с рук, я выживал там, где не выжил бы никто. И не герой я вовсе, и нет души у моей тачки, а все дело – в дорогах?

Стоит проверить, не правда ли?

140 км/ч.

Я врубил музыку на всю катушку. Однажды я подсел на «транс» и больше не мыслю в поездках иного. Музыка на-

полняет салон, обволакивает, проникает внутрь. Скорость постепенно растет, и метаморфозы ускоряются. Я вдруг вспомнил о Пуле. Каков его путь, где ждет его конечная остановка? Наверное, нужно было что-то написать ему напоследок. Хотя шестое чувство мне подсказывает, что после последней встречи Пуля заблокировал со мной контакт. Да будет так!

150 км/ч.

Машина ревет и стонет от перенапряжения. Мне кажется, я достиг своего скоростного предела, но я хочу выжать больше. Выйти за горизонт событий. Оставаясь в рамках, мы не в состоянии стать другими, порвать со своим прежним «я», совершить квантовый скачок. Люди, ни разу не превысившие скорость – пешеходы, как ни крути, пусть это и звучит неправильно. Я давлю на газ сильнее.

160 км/ч.

Я странно себя чувствую, друзья мои. Внутри меня действительно происходят какие-то изменения, я еще в том состоянии, что могу их фиксировать. Это может быть вызвано только скоростью, больше ничем. Не самые приятные ощущения, доложу я вам. Чувствовали ли Ольга подобное? Могла ли и в ней пробудиться темная незнакомка, и моя Блон-

динка потеряла управление, взглянув на себя в зеркальце заднего вида? И лики страхов, как и спокон веков, как написано во всех философских трактатах, таятся исключительно внутри нас, а не в трассах, автомобилях или целях? Все прочее – лишь проекция, даже смерть близких?

170 км/ч.

Я приближаюсь к тому месту, где погибла моя настоящая любовь. Я планирую направить машину в кювет и выпустить руль. Я специально выбрал такое раннее время, чтобы никто не пострадал. Я достаточно наворотил за последнее время, нужно попытаться хоть как-то это исправить. Это и будет моим посланием. Всем остальным, не важно, участники ли это «Сети» или простые обыватели. Я хочу передать им, что был не прав. Это ужасная ошибка – все, что я сделал, это мой личный психоз, моя автоистерика. И преступно делать из этого культ.

Простите меня все, кого я подверг опасности своими выходками, и все, кого я подбил на опасный путь. Узнав о моей кончине, вы придете в себя. Вы очнетесь от транса, и все станет, как было. Движение нормализуется, машины выстроятся в ряд, светофоры исправно заработают, а люди вспомнят, что такое взаимное уважение и любовь к ближнему.

Во мне больше нет страха.

Только путь.